

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

278975 e. 292

23
.....
Indian Institute, Oxford.

THE MALAN LIBRARY

PRESENTED

BY THE REV. S. C. MALAN, D.D.,

VICAR OF BROADWINDSOR,

January, 1885.

ВЕЧЕРНІЕ ЧАСЫ,

или

**ДРЕВНІЯ
СКАЗКИ**

СЛАВЯНЪ

ДРЕВЛЯНСКИХЪ

ЧАСТЬ II.

МОСКВА

**ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,**

1788.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЕЧЕРЪ XIII.

Въ обыкновенное время Сказывальщикъ началъ,

Продолженіе повѣсти Вадимовой.

Приблизились они подѣ скрытыми имянами въ столичный Квадскаго Королевства городъ Эбуродунъ (*). Сердца ихъ кипѣли рвеніемъ отмстить ихъ влодѣю. Но развѣдавъ у обывателей, узнали они, что *Раслазъ* съ тѣхъ поръ, какъ ошлучился странствовать, не возвращался въ свое отечество; что хотя разнесся слухъ о похищеніи имъ въ Волгарахъ Княжеской дочери, но извѣстіе оное не подтверждено, и Князь Булгарскій не требовалъ о выдачѣ похищителя; и что преста-

Часть II.

А 2

ГЛАВЫ

(*) Имя Омицъ.

рѣлый ихъ Король, угрожаемый войною отъ *Маркомановъ*, безпрестанно оплакиваетъ ошущеніе своего сына. Три друга заключили по шаковомъ неудачномъ покушеніи спростовозашъ по всѣмъ Дворамъ Сѣверныхъ Государей, въ надеждѣ провѣдашъ что либо о своихъ возлюбленныхъ, или искашъ помощи противу несправедныхъ похищителей *Вадимова* и *Арпадова* наслѣдія. *Бурновей* не хотѣлъ ихъ оставишъ; онъ пожертвовалъ дружбѣ своею любовію, и удовольствовался только написать убѣдительное письмо къ своей *Озани*, въ которомъ, возобновляя клятвы о вѣчной къ ней вѣрности, просилъ о сохраненіи оныхъ и съ ея стороны; обѣщая возвратишъ къ ней, какъ скоро судьба позволитъ ему предашъся побужденіямъ постоанной его къ ней любви. Они предпріали ѣхашъ въ Херсонесъ Кимврическій, и воперыхъ испытатъ щастія своего при Дворѣ *Готфскомъ* (*).

Они

(*) Херсонъ Кимврическій въ древности назывался тошъ великій полуостровъ, гдѣ нынѣ находится Швеція, Данія и Норвегія. — Готфы, праотцы нынѣшнихъ Шведовъ; обитаніе ихъ было въ нынѣшней Голландіи; а собственно Кимвры, жили въ Юшландіи. Кодамы при Шведскомъ заливѣ; Готфы соединялись со Свіонами, дали названіе нынѣшней Швеціи.

Они безъ всякихъ прошивныхъ приключеній достигли въ область Сусоловъ, гдѣ претерпѣли они нападеніе отъ пьяныхъ земледѣльцовъ. Когда приближались они къ столичному городу сего Княжества, выѣхало къ нимъ изъ стороны восемь человѣкъ, великорослыхъ мужиковъ съ дубинами, кошорые, безъ всякой причины начавъ бранить высокихъ нашихъ путешественниковъ, вступили по шомъ и въ драку. *Простай* отъ трусости подалъ къ шому поводъ; онъ ссочивъ съ лошади, сталъ предъ ними на колѣни и просилъ о милости. Таковая покорность понравилась пьянымъ; они требовал того же и отъ богатырей. *Вадимъ* старался оныхъ сумазбродныхъ людей привести въ себя; но они, ничего не принимая, нападали, и принудили проѣзжихъ нашихъ приняться за оружіе. Нѣскольکو данныхъ имъ ранъ обратили эту пьяную сводочъ въ бѣгство. *Простай*, увидѣвъ, что господа его взяли верьхъ, не мѣшкавъ обнажилъ свою саблю, и погнавшись за бѣгущими, далъ великую рану по спинѣ одному изъ оныхъ. Должно было послать *Урмана* остановить шаковую его неблаговременную храбрость. Освободясь, прибыли они въ первую попавшуюся имъ на дорогѣ деревню, объявили старостѣ о претерпѣнномъ ими нападеніи, и требовали управы, ежели обидѣшіе ихъ находясь въ его вѣдомствѣ; Казалось, что сей крестьянинъ былъ прочихъ

разумѣе; онѣ пригласилѣ ихѣ въ свой домѣ, и послалѣ искать шѣхъ самовольниковѣ: но по возвращеніи оныхѣ свѣдавѣ, что собственнѣй сынѣ его былѣ въ томѣ участникѣ, и умерѣ отѣ данной *Простакѣ* раны, чрезмѣрно озлился. Онѣ связавѣ нашихѣ страстѣенниковѣ, отправилѣ подѣ крѣпкимѣ карауломѣ въ Митаву, какѣ убійцѣ, гдѣ оныѣ, не взирая ни на какія оправданія, посажены были въ крѣпкую темницу. Болѣвань, одержавшая въ то время Сусольскаго Князя, была причиною, что они содержались безѣ всякаго рѣшенія, и къ вѣщему огорченію сидѣли они въ родныхѣ ошдѣленіяхѣ одной башни.

Уповаѣ на свою невинность, *Вадимѣ* не унывалѣ, въ праздное время сочинилѣ пѣсню, въ которой изобразилѣ несчастную любовь свою къ *Бряхиславѣ*, и горестную съ нею разлуку; онѣ разпѣвалѣ оную во время тихой вечерней вари. Въ одно утро увидѣлѣ онѣ вошедшаго въ темницу свою благороднаго юношу, который ему сказалѣ: кѣкоторая внѣшная особа, вслушавшаяся во вчерашнее пѣніе ваше, проситѣ васѣ сдѣлать ей покровенность и открытиѣ, о какой *Бряхиславѣ* упоминали вы? также и собственное ваше имя. *Вадимѣ* не уповаѣ, чтобѣ голосѣ его могѣ быть слышенѣ кому нибудѣ, кромѣ сидящаго съ нимѣ обѣ стѣну *Арпада*, жадѣлѣ о сѣсей неосторожности. Донеси, сказѣ

валъ онѣ, приславшей тебя особѣ, что *Брянская* была прелестнѣйшая на свѣтѣ Княжна; а я несчастной *Вадимѣ*, невинно страдающей съ своими спутниками отъ несправедливыхъ Сусоловъ, которые вѣсто спрашивая, не изслѣдовавъ нашего преступленія, содержатъ въ темницѣ. Прибавъ, прошу тебя и то, что ежели приславшая тебя особа можетъ имѣть сожалѣніе о нашемъ невинномъ страданіи, чтобъ постаралась о скорѣйшемъ представленіи нашемъ на судъ, предъ коимъ бы оправдавшись, могли продолжать путь нашъ.

Присылавшая къ *Вадимѣ* была самая дочь Сусольскаго Князя, особа прекраснѣйшая своего времени; она выслушавъ донесеніе своего посланнаго, и сравнивъ съ тѣмъ выраженіе словъ въ пѣснѣ *Вадимовой*, заключила, что онѣ человѣкъ не низкаго происхождения. Она не мѣшкая пошла къ своей родительницѣ, и объявивъ о догадкѣ своей, что у нихъ въ темницѣ находятся знаменитые чужестранцы, представила ей, что надлежало бы съ оными осторожнѣе обойтись, и что таковая грубость можетъ иногда приключить непріятныя слѣдствія. Княгиня, выслушавъ ее, пошла къ своему супругу, коему отъ болѣзни было уже облегченіе, и пересказала ему обо всемъ, что слышала. Князь немедленно послалъ при-

вести предъ себя одного изъ оныхъ чужестранцовъ: почему и былъ представленъ къ нему *Бурновей*. На вопросъ Княжій, для чего сдѣлали они въ области его смертоубійство, отвѣчалъ онъ: мы не имѣемъ, Свѣшлѣйшій Князь, причины заператься, что это правда, но мы учинили оное въ свою оборону, претерпѣвъ нападеніе отъ пьяныхъ крестьянъ, и единственно въ защищеніе собственной жизни. Смѣлой отвѣтъ *Бурновесей* Князь понравился, и подтверждавъ истинну оправданія; онъ спрашивалъ у него: кто онъ таковъ, и что за люди его товарищи, также куда они шествуютъ. Мы несчастные, отвѣчалъ онъ, и уроженцы разныхъ странъ, и находимся въ такомъ состояніи, что истинныхъ нашихъ имянъ открытъ не можемъ. Однакожь будешь, Свѣшлѣйшій Государь, увѣрены, что скромность наша, и странствование по свѣту, не отъ преступленія, но отъ злочастія нашего происходятъ. Мы странствующие богатыри, облегчающіе бремя нашей печали путешествіями. Но чтобы вы, Свѣшлѣйшій Князь, не подумали объ насъ прошиваго, я могу открытъ вамъ, что между нами находишься ближній родственникъ Славянорусскаго Князя; о прочемъ позволите мнѣ умолчать. Что надлежитъ до пятаго нашего товарища, оный составляетъ единственнаго при насъ слугу, кошорой своею простотою и бодривостію разгоняетъ нашу ску-

скуку. Слова *Бурновесов* лишь возбудили любопытство Князя Сусольскаго; онъ уповалъ лучшее получить объясненіе отъ проспосердечнаго слуги: и для того приказалъ онаго представить.

Простай вошелъ въ великой робости; онъ считалъ, что уже пришелъ послѣдній часъ его жизни, а особенно когда Князь съ притворнымъ гнѣвомъ сказалъ ему: кто тебѣ разбойникъ позволилъ нападать на моихъ подданныхъ? — Ахъ, Господинъ Судья! отвѣчалъ онъ; когда это мое нападеніе, или наскakanіе заслужило смертную казнь, то за это должна отвѣчать моя лошадь; она наскакивала, а я только на ней сидѣлъ. И никогда бы не осмѣлился напасть на тѣхъ пьяныхъ мужиковъ, которые убили было насъ дубьемъ до смерти, ежелибъ не увидѣлъ, что они отъ насъ дрогнули. При томъ же и ихъ до смерти не убивалъ, а только давалъ имъ раны. Кто виноватъ, что они померли? Имъ умирать не приказывалъ; развѣ господа мои велѣли. Но ежелибъ я напалъ господъ моихъ: они бы за себя и за меня умѣли отвѣчать, такъ чтобъ тебѣ было стыдно! . . . Однако (продолжалъ онъ убавя голосъ и подступя къ Князю) Господинъ Судья, я каааюсь тебѣ моей лошадей, лишь не пускай дѣло въ огласку и освободи моихъ господъ. — Слова *Проста-*

свы весьма развеселили Князя. По довольномъ смѣхѣ, спросилъ онъ у него, показавъ на *Бурноея*, знакомъ ли ему сей господинъ? *Простай*, не выдавши онаго ошъ страху, обрадовался, усмотрѣвъ, и громко закричалъ: ба! . . . какъ не знать! эшо шакой богатырь, кошорой въ Вандаляхъ встѣхъ другихъ богатырей разгонялъ; а зовутъ его *Бурноеемъ*. Ну! теперь скажи мнѣ, гдѣ мой господинъ? и его --- --- Тогда *Бурноея* опасаясь, чшобъ онъ всего не высказалъ, далъ ему знакъ къ молчанію; но догадливой *Простай* продолжалъ: а! знаю! ты не велишь мнѣ называть Князя *Арпада*? Хорошо! я никому не скажу. Вслушавшись Государь Су-сольскій, уразумѣвъ, съ какими людьми онъ дѣло имѣетъ; ему чувствительнѣе было, что знатныя особы претерпѣли въ сшолцѣ его обиду. Я вижу, сказалъ онъ *Бурноею*, чшю имѣю высокихъ особъ въ зашоченіи; равно и то, что оныя ни въ чемъ невинны. Послѣ чего извинился онъ въ неосторожности, кошорой причиною поставляетъ прошедшую болѣзнь свою. Послѣ чего убѣждалъ его открытъ о настоящемъ произхожденіи прочихъ его товарищей, для того, чшобъ въ невѣденіи не оказать какихъ либо невѣжливостей при пріемѣ оныхъ. Слова Князя привели въ замѣшательство *Бурноея*; онъ опасался обидѣть нескромностію своею друзей своихъ:

ихъ: и для того отвѣчалъ, что онъ не больше, какъ слуга оныхъ, и не смѣетъ безъ дозволенія ихъ учинить того. — Да! изрядной ты слуга! сказалъ *Простай*; скажи: кто на дорогѣ-то лошадей сѣдлалъ? Изрядно, что ты самъ себя слугою сдѣлалъ! Миѣ же будетъ легче; я твоихъ сапоговъ не буду чистить, да еще ты миѣ будешь пособлять.

Сколько ни непохоже было на шутку разглагольствованіе Князя Сусольскаго съ *Бурновемъ*, но не могъ никто удержаться отъ смѣха, однако первый превратилъ оный, повелѣвъ своимъ придворнымъ послѣшнымъ въ темницу, и снявъ съ чужестранныхъ оковы, препроводить во Дворецъ его съ честью. Князь самъ вышелъ онымъ на встрѣчу, и извинялся предъ ними, сколько могъ, въ происшедшей отъ невѣденія грубости. *Вадимъ*, зная, что Сусолы не были никогда благосклонны *Гардорику*, не имѣлъ причины скрывать отъ Князя ихъ о себѣ, равно и *Ариадъ*; они открыли о всѣхъ своихъ приключеніяхъ, и подвигли въ сожалѣніе сего Государя. Онъ обѣщалъ имъ помощь свою, когда вступится подкрѣпить ихъ праву какой-нибудь сильнѣйшій Монархъ, и облакавъ многими другими знаками своей благосклонности, упросилъ ихъ взять на недѣлю отсроченіе въ его столицѣ. Во всѣ оныя дни онъ старался замѣнить прошедшую не-
вѣ-

вѣжливость оказаніемъ для нихъ различныхъ почестей и увеселеній. Княжна равноиѣрно оказывала имъ благосклонность; и если бы не была она уже обручена за нѣкотораго Нѣмецкаго Короля, то можно бы подумать, что *Вадимъ* учинилъ въ сердцѣ ея впечатлѣніе. Надлежало ождать справедливости и ея просвѣщенію; она была совершенна во всѣхъ дарованіяхъ. *Вадимъ* открывался дружелюбнымъ своимъ, что одна только *Брячислава* ея прекраснѣе; а *Арпадъ* съ *Бурновемъ* почитали ее второю по *Предславѣ* и *Озанѣ*.

По прошествіи четырехъ дней пребыванія ихъ при Дворѣ Сусольскаго Князя, предложилъ онъ имъ повеселиться въ ринию ловлею. *Вадимъ* и *Бурновей* охотно приняли сіе приглашеніе, и всѣ отправились, кромѣ одного *Арпада*, который за приключившуюся ему болѣзнію не могъ въ томъ участвовать. *Вадимъ* чрезмерно жалѣлъ о семъ, любя его больше самаго себя; расстался съ нимъ почти со слезами, и обѣщаясь чрезъ двѣнадцать часовъ его увидѣть. Избранъ къ тому находившійся не въ дальности отъ столицы лѣсъ, въ которомъ главный-ловчій сдѣлалъ уже всѣ распоряженія для гоньбы звѣрей. *Простай*, принявшій отъѣдную честь, оказываемую его господину, шакъ возгордился, что ни

од-

одного изъ придворныхъ не удостоивалъ своего взгляду; онъ видя, что по приближеніи въ лѣсъ всѣ начали занимать мѣста, и врѣзъ разбѣхались, поскакалъ и самъ на своемъ чубаромъ. Однако удалась отъ людей внутрь лѣсу, наскнулъ на волчицу, которая бѣжала отъ гонимы съ своими молодыми. Онъ слыхалъ, что есть на свѣтѣ звѣри, но ни одного еще не видывалъ: и по тому не разумѣлъ, что бы то за звѣрь былъ. Тотчасъ примѣшивъ онъ, что звѣрь тѣ его боится, пошому что бѣгущъ отъ него прочь; а онъ, какъ и всѣ прусы, имѣлъ привычку предъ нападающими на него становиться на колѣна, и просить пощады, за убѣгающими же гнался: почему стегнулъ своего чубарова коня, наскочилъ, и стопшавъ одного волченка, задавилъ. Ему очень это понравилось; онъ съ радости кричалъ и смѣлся, надѣясь и другихъ волчатъ лошадью передавить, а тѣмъ отъ всѣхъ охотниковъ получить себѣ славу. Но радость и надежда его въ великой страхъ обратилась: старая волчица, увидѣвъ смерть своего дѣшенка, бросилась на него. Вспли бы страхъ не принудилъ его обомглѣть, онъ бы могъ по крайней мѣрѣ ускокаться, поворотивъ свою лошадь но онъ опустилъ руки и далъ время звѣрю прыгнувъ укусить за ногу. Безъ сомнѣнія былъ бы онъ сорванъ съ сѣдла волчицею,

жею, естълибъ чубарой не оборонилъ его ко-
 пытами; а онъ между шѣмъ, ухватясь за
 вѣшъвъ и вскочилъ на дерево. Волчица об-
 рашилась въ бѣгство, подхвативъ мертвѣ-
 го, а лошадь *Простаева* не пронулась съ
 мѣста, и стояла подъ деревомъ, служа
 вмѣсто часового и примѣшны, по которой бы
 храброго сего рыцаря сыскать было можно.
 Онъ бы и въ два дни не слѣзъ съ дерева,
 когда бы не случилось *Вадиму* обще съ Кня-
 земъ Сусольскимъ и его дочерью проѣзжать
 мимо. *Вадимъ* усмотрѣлъ коня благоразум-
 ного слуги своего, и подѣхавъ, увидѣлъ подъ
 деревомъ лежащую саблю его съ оборази-
 нымъ поясомъ, и шапкою. Князь Сусольскій
 сказалъ, что должно тому человѣку, чье
 оружіе и шапка, быть разтерзану отъ ка-
 кого нибудь лютаго звѣря; но *Вадимъ* уз-
 навъ, что оныя надлежатъ *Простасю*, не упо-
 валъ, чтобъ слуга его ошважился вѣдаться въ
 такое опасное сраженіе. Но проѣхавъ нѣ-
 сколько, усмотрѣлъ много крови отъ раздав-
 леннаго волченка и доскумъ отъ плаща *Про-
 стаева*, заключилъ и самъ, что онъ сожранъ
 дикими звѣрами. Онъ началъ шужить, и
 говорилъ: сколько жаль ему сего урона! Я
 радъ былъ бы, продолжалъ онъ, хотябъ
 найши шѣло его, чтобъ погребсти съ чес-
 тнѣю. — Сидящій на деревѣ и рассматри-
 вающій рану свою *Простасъ*, вслушался въ

сло-

слова его, и громко закричалъ: ну! когда вы меня живаго хошите погребать, такъ я вонъки вамъ не скажу, гдѣ я! Печаль *Вадимова* обратилась въ смѣхъ; онъ понуждалъ его слѣзть съ дерева, но *Простой* не повиновался. у меня и на умѣ не бывало слѣзть къ вамъ, пока вы не скажете сущую правду о томъ, ешьямъ еще въ этомъ лѣсу смѣрные и лющие вѣтри. Когда ужъ ихъ вѣтъ, то я васъ слушаю, и позволю вамъ лѣчить мои смертныя раны. Надлежало въ томъ его обнадѣжить; послѣ чего онъ спустился съ дерева, слѣлъ на землю. Князь *Сусольскій* спрашивалъ у него, что съ нимъ сдѣлалось и что у него болятъ? Да! ошѣчалъ онъ, когдабъ я такъ же адоровъ былъ какъ ты, то и самъ бы у тебя также спрашивалъ. Посмотришко. . . . продолжалъ онъ, поднимая свой кафтанъ; и обнажая свои черныя голѣни, такъ что Княжна принуждена была ошѣхаться. *Простой*, примѣтивъ это: кричалъ ей въ слѣдъ: дѣвушка! не опасайся, я еще цѣлой день проживу; вѣдь я не умеръ. — Между смѣхомъ, приключеннымъ простотою его, усмотрѣвъ на ногѣ у него кровь. Князь *Сусольскій* приказалъ одному изъ охотниковъ осмотрѣть и перевязать его рану; сей нашелъ однако, что у него только въ двухъ мѣстахъ оцараплена кожа, и донесъ о томъ своему Государю — Ахъ ты агунъ! вскри-

зскричалъ *Простай*, вслушавшись въ слова его; ты говоришь, что только кожа сцарапана: можно ли тому только быть отъ великихъ зубовъ льва, съ коимъ я сражался? — Какъ! спросилъ его *Вадимъ*; ты со львомъ имѣлъ сраженіе? Точно такъ! отпѣчалъ онъ, и не шокмо съ однимъ, но съ пятью, или больше; и раны мои получилъ отъ великой моей храбрости. Я увидѣлъ этого страшнаго льва, или можетъ быть слона, потому что заподлинно не знаю; въ ушишь львомъ, или слономъ бѣжало еще много маленькихъ. Они бросились прочь, испугавшись моего взгляду. Хотя я и одинъ былъ, но никогда еще въ жизни моей не имѣлъ въ себѣ такой жадности къ славѣ: сердце во мнѣ закипѣло, и я рѣшился вдругъ напустить на всѣхъ львовъ. Я сунулся на нихъ такъ храбро, что одинъ изъ меньшихъ львовъ вмгъ споптанъ былъ и умерщвленъ. Однако за это славное дѣло старой шакъ на меня осердился, и бросился на меня, разинувъ такой большой ротъ, что могъ проглотить меня и съ лошадью: не можно было мнѣ выдержать таковой его лютоcти и кусанія; и хотя моя храбрость ни на волосъ не уменьшилась; хотя помнилъ я, что бодрому богатырю надлежитъ побѣдить, или умереть, какъ часто я отъ васъ слыжалъ; однако вотъ что меня остановило! По из-

ше-

шекающей изъ ноги моей крови, расудилъ я, что уже мнѣ не много на свѣтѣ жить осталось: и для того хотѣлъ я при концѣ моемъ вамъ, господа, о моихъ храбрыхъ дѣлахъ изустно донести. А если бы я со львами еще началъ драться, можетъ быть они разорвали бы меня, и вы подумали бы, что я отъ нихъ спрусилъ; отъ шакова безславія убѣгая, собрался я съ умомъ, и вспрыгнувъ на это дерево. Надобно думать, что видъ мой очень былъ свирѣпъ; для того что сидѣвшіе на семъ деревѣ птицы ужасно спрусили, и закричавъ караулъ! караулъ! отъ меня полетѣли. —

Повѣствованіе его развеселило всѣхъ; спрашивали у него, можетъ ли онъ сѣсть на лошадь и показать, въ которую сторону шѣ львы побѣжали? Храброй человѣкъ, отвѣчалъ онъ, долженъ и умирая не поддаваться своему непріятелю, какъ-то сказывалъ нашъ богатырь *Бурноей*: и для того, хотя бы сердце въ моемъ шѣлѣ на десять частей разорвалось, я не оставляю гнать моихъ злодѣевъ. Послѣ чего вскочилъ онъ на чубарова, показалъ, гдѣ бѣжали мнимые львы, и напущенныя собаки по слѣду привели къ норѣ, гдѣ волчица съ дѣшми укрылась. По лаю отъ собакъ узнали о томъ; призваны находившіеся при охотѣ работники съ лапатами, и приказано онымъ нору разры-

Часть II. в вашь

зашь. Когда работа производилась, собаки
 смыслили побочной выходы из норы, и во-
 рвавшись передавали всѣхъ волковъ. Выша-
 щенной оными первой волченокъ когда пред-
 ставлялся глазамъ Простаевижъ, соскочилъ онъ
 съ глѣвомъ съ коня, обнажилъ свою саблю,
 отбилъ собакъ, и отрубивъ голову мертво-
 му зѣренку, кричалъ: вотъ шовъ молодой
 дѣвъ, за котораго старая лѣвица шакіа опас-
 ныя раны нѣтъ подѣлала! Слова его произ-
 вели смѣхъ; и когда начали утѣшать его,
 что былъ шо волченокъ, а не дѣвъ: онъ
 разсердился, поскакалъ прочь; хотя впрочемъ
 не выпускалъ охотниковъ изъ виду, и раз-
 бѣжалъ вблизи отъ оныхъ стороною. —

Часъ, опредѣленный для слушанія Ска-
 зокъ, кончился; Изборъ пошелъ, сказавъ, что
 Голованъ отчасу лучше рассказываетъ,
 и что глупости Простаеви очень его увес-
 еляли. — Въ этомъ случаѣ вкусъ Вашего
 Величества, отмѣчалъ Сказывальщикъ, весь-
 ма отличенъ отъ многихъ Читателей се-
 новѣсти; вы отдаёте справедливость забав-
 лѣйшему мѣсту въ семъ приключеніи. Но
 они говорятъ, будто бы шутка, употреб-
 ленная Сочинителемъ очень жалка; что вранье
 дурака не можешь увеселять разумнаго че-
 ловѣка, и что включеніе шутковства въ важ-
 ную богатырскую повѣсть учинено не кста-
 ти. — Это вкусъ древнихъ Писателей, от-
 мѣ-
 чѣ

вѣчалъ *Дзборъ*, и имѣ оный правящся. —
Тѣмъ лучше, сказалъ *Скалозубъ*; много и
новѣйшихъ Писателей, кои, не имѣя въ сво-
ихъ сочиненіяхъ лицъ подобныхъ *Простаю*,
сами заступаютъ его должность. — Много
было между ними и другихъ разговоровъ по
сему предмету; но какъ оныя не надле-
жатъ до нашего намѣренія: Идѣшеля убо
домысливъ только, что въ назначенное время
началось продолженіе разсказыванія.

В Е Ч Е Р Ъ XIV.

Между тѣмъ возобновившаяся гоуба
Понудила охотниковъ въ равныя стороны
раздѣлиться. *Вадимъ* вскорѣ усмотрѣвъ ве-
ликаго медвѣдя, за которымъ и поспѣкалъ
со многими придворными Князя Сусольскаго;
но какъ подѣ нимъ дошадь была другихъ
резвѣе, скоро потерявъ онъ ихъ изъ виду.
Медвѣдь удалялся, но онъ не преставаъ
достигать его. Звѣрь увидѣвъ, что за нимъ
гонятся только одинъ человекъ, обратился
и напалъ на *Вадима*. Сей хотѣлъ пронзить
его своимъ копьемъ въ развѣрзшую пасть,
но звѣрь выбилъ оное изъ рукъ его, и стѣлъ
на заднія ноги, стараясь сорвать его. Ва-
димъ

дѣлъ выхвативъ свой пѣсакъ, двумя удачными ударами отрубилъ ему лапу и морду; чрезъ что обезсмысленный звѣрь обратился въ бѣгство. *Вадимъ*, поднимая копье свое, достигъ его, и безъ труда умертвилъ. Однако онъ такъ далеко заскакалъ отъ охотниковъ, что не уповалъ въ шотъ день сыскать ихъ на утомленномъ коѣ своемъ; что принудило его остановиться для отдохновенія на одномъ въ лѣсу находящемся лужку. Онъ хотѣлъ накормить коня своего свѣжею травою, и въ семъ намѣреніи принялся было онаго разсѣдывать, какъ пролившійся къ нему не въ дальности происходящій крикъ принудилъ его опять сѣсть на онаго и скакать въ ту сторону. Но сколько онъ ужаснулся, усмотрѣвъ Княжну Сусальскую, преслѣдуемую отъ страшнаго медвѣдя, которой почти достигалъ ее! *Вадимъ* шотчасъ остановилъ свирѣпство звѣря сего, пронзивъ онаго копьемъ своимъ, отъ чего оное переломилось. Не успѣвъ онъ совершить сего щастливаго удара, какъ два другихъ звѣря рода сего, бѣжавшіе по сабдѣ перваго, на нихъ напали. *Вадимъ*, потерявъ копье свое, принужденъ былъ обороняться своею саблею; онъ привлекалъ на себя ударами нападеніе обонхъ медвѣдей, и совѣтовалъ Княжнѣ спастись бѣгствомъ. Однако великодушная Княжна не хотѣла оставить безъ

пе-

помощи своего избавителя, она помогала ему своимъ легкимъ охотничьимъ копьемъ; но дрожащія отъ ужасу руки ея слабы были пробить твердую звѣрей шѣхъ кожу: она лишь раздражила ихъ своими ударами. Иное происходило отъ руки *Вадимовой*; онъ давалъ имъ жестокия раны. Звѣри, увидѣвъ текущую кровь свою, въ большую пришли ярость, и испустивъ ревъ, наполнившій всѣ окрестности лѣсу, бросились съ такимъ стремленіемъ, что лошадь подъ *Вадимомъ* упала. Княжна хотѣла подать ему помощь, но и подъ нею лошадь была опровержена. Опасность ея усугубила силы *Вадимовы*; онъ успѣлъ вскочить и саблею своею защитить жизнь ея, но чрезъ то привлекъ на себя обоихъ звѣрей. оные выбили саблю изъ рукъ его, Княжна упала въ обморокъ, и оба они были бы разтерзаны, но въ самое то время прискакали къ нимъ два чужестранца, покрытые съ ногъ до головы бронею; они бросились на помощь, и копьями своими за одинъ разъ повергли обоихъ звѣрей мертвыми. Столь неожиданная помощь чувствительна была *Вадиму* отъ особъ незнакомыхъ; онъ не зная, чѣмъ возблагодарить за то, въ шоропливости снялъ съ руки своей перстень, и подарилъ тому, кошорой оказавъ ему больше помощи. Примите сей малой знакъ признанія моего, сказалъ онъ; но

одолженіе ваше такого роду, за которое
 при всякомъ случаѣ обязанъ я не щадить
 жизни моей для пользы вашихъ. Незнако-
 мый принялъ перстень, и посматрѣвъ на
 оный, покраснѣлъ. Вполѣ открытій лич-
 никъ шелома его допускалъ *Вадиму* при-
 нѣмать раныя въ лицѣ его перемѣны. —
 Государь мой! сказалъ томъ незнакомый
 надѣвая перстень на руку свою; я долженъ
 былъ вамъ больше, нежели оказаніемъ столь
 малой услуги; но подарокъ вашъ учиняетъ
 то, что я не стою оказывать вамъ по-
 мощь, но и знать васъ больше не желаю,
 дабы такими непріятными подарками
 впредь не былъ отъ васъ отягощаемъ. —
Вадимъ хотѣлъ потребовать объясненія
 шбмъ непонятнымъ для него словамъ;
 но увидѣвъ Княжну лежащую близъ него въ
 обморокѣ, отъ жалости въ лицѣ перемѣни-
 ся, и оставивъ своего избавителя, бросился
 къ ней на помощь. Товарищъ сго избави-
 теля подскочилъ къ нему, вынулъ изъ кар-
 мана сосудецъ съ иѣкимъ лѣкарствомъ, и
 началъ Княжѣ напирать онымъ виски. *Ва-
 димъ* не хотѣлъ допустить, чтобъ чуже-
 странецъ оказывалъ ей услуги; онъ въ за-
 рѣшательствѣ своемъ вырвалъ изъ рукъ отъ
 него лѣкарство, толкнулъ его такъ, что
 можно бы счесть за крайнюю неосторожность,
 и началъ самъ Княжѣ виски тереть. Не-

знакомой не осердился за оное; въ разсѣ-
 нн своемъ *Вадимъ* могъ прийтти, что
 поспунокъ его приключилъ больше досады
 другому чужестранцу. *Вадимъ* узнавъ свою
 неосторожность уже тогда, какъ незнако-
 мые отъ него удалились, и когда Княжна
 пришла въ память. Онъ рассказывалъ ей о
 семъ приключенн, жалѣя о своей неосто-
 рожности. Княжна сама огорчалась, что
 избавители ея удалились, не получивъ ника-
 кой отъ нее благодарности. Наставшая меж-
 ду тѣмъ ночь привела *Вадима* въ немалую
 о Княжнѣ заботу; она ослабѣла отъ пре-
 шерпѣннаго страху, лошади же ихъ были
 отъ медвѣдей такъ изранены, что не мог-
 ли съ мѣста шронуться: почему предсто-
 яла необходимость ночевать ей въ пустомъ лѣ-
 су на голой землѣ. Онъ началъ было соби-
 рать шраву и мохъ для прѣуготовленн ей
 постели; въ сіе время слышали они голоса
 посланныхъ для сысканн ихъ, кои съ зажжен-
 ными свѣчами всюду, *Вадими*. По слышу
 ихъ оныя немедленно прискакали, и вывели
 ихъ изъ затрудненн; они сѣли на охотничь-
 ихъ лошадей, и благополучно достигли шаш-
 ровъ, въ конхъ Князь въ разсужденн множе-
 ства найденныхъ въ томъ лѣсу еврей, напѣ-
 рась продолжнть на другой день охоту, но-
 чевать расположился. Ошущствѣ Княжнѣ
 приключило родителямъ ея немалое безпо-
 койство; они обрадовались, когда ее увидѣли,

и узнавъ, каковой вдалась она, заскакавъ отъ своихъ людей, опасности, отъ которой избавлена была неустрашимостію *Вадимою*, приносили ему великую благодарность. Княгиня слегка выговаривала дочери за неосторожность; но Князь, какъ великой охотникъ, не удержанъ былъ прошедшею опасностію ея, и не ошмѣнилъ намѣренія своего продолжать ловлю.

По возхожденіи солнца звѣроловство опять началось. Всѣ разбѣхались, кромѣ Княгини, которая, устращась прошедшею опасностію дочери своей, не отпустила оную отъ себя. *Простай* также отговорился полученными вчера ранами, и остался увеселять свои глупостями придворныхъ. *Вадимъ* въ сей день положилъ было не разлучаться съ *Бурневесемъ*, и весьма хотѣлъ поговорить съ нимъ о вчерашнемъ приключеніи и словахъ невякомаго, наводящихъ ему безпокойство: но появившіеся съ гоньбы два дося нечувствительно принудили ихъ гнаться за собою. Звѣри побѣжали въ разныя стороны, и чрезъ то двухъ друзей сихъ разлучили. *Вадимъ* по пристрастію своему къ охотѣ забылъ все, чрезмѣрно удалился въ густоту лѣса, и до тѣхъ поръ скакалъ, пока упоминалась подъ нимъ лошадь споткнувшись, убила до смерти о древесную колоду. *Вадимъ* остался пѣшь въ такомъ мѣстѣ, изъ коего не
зналъ

вналъ выходу. Уже солнце далеко съ под-
 дней уступило; но онъ ушомась, не имѣя
 пищи, чѣмъ бы подкрѣпить себя. Пошелъ
 онъ на удачу; лѣсъ опчасу становился
 густѣе, и бродя до самой ночи, принуж-
 денъ онъ былъ заночевать подъ деревомъ.
 Уединеніе, мрачность мѣста, и опасность
 отъ дикихъ звѣрей, произвели въ немъ
 ужасъ и множество печальныхъ размышле-
 ній. Несчастной *Вадимъ*! говорилъ онъ
 самъ себѣ; для чего неизвѣстной ужасъ
 объемлеть твое сердце? Не предстоитъ ли
 тебѣ смерть отъ лютыхъ звѣрей, коихъ лю-
 тость ты вчера испытывалъ? Нѣтъ! ужасъ ду-
 ши моей (разсуждалъ онъ) не можетъ произхо-
 дить отъ таковой причины; предстоитъ ей нѣ-
 что горестнѣйшее!... Могуль я бояться звѣ-
 рей? могуль я бояться смерти? не ужъ ли
 жизнь моя мнѣ драгоценна? и есть ли что
 на свѣтѣ, могущее меня къ оной привязы-
 вать? Рожденный для престола, перешелъ
 въ темницу; спасся изъ оной, дабы подвер-
 гнуться гоненіямъ властолюбиваго брата, отъ
 коихъ спасаетъ меня только странствованіе.
 Любовь моя, обѣщавшая мнѣ въ сердцѣ пре-
 дѣстной *Бряниславы* сторичныя радости,
 нежели каковыхъ могъ я ожидать отъ ко-
 роны, имѣла ли въ себѣ что, кромѣ обѣ-
 щанія? Возлюбленная моя умерла насильствен-
 ную смертью: шо могу ли я оной спрзашись?

В 5

Нѣтъ!

Нѣтъ! она составила бы мое блаженство, конецъ моихъ бѣдствій. - - - Увы! нѣчто ужаснѣйшее смерти являешь мнѣ болѣзненное мое предчувствованіе. - - - Живъ ли ты, единственный другъ мой *Ариадъ*? подобіе, оставшееся волюбленной моей *Бряниславы*. Я оставилъ себя въ болѣзни, предпочелъ безумное увеселеніе обществу своему. Что со мною будешь, ежели заподлинно предчувствованіе мое вѣщаетъ мнѣ конецъ твой? — Мысли сіи произвели слезы, коихъ онъ дошолъ не проливалъ ни въ какихъ бѣдствіяхъ. Едва разсвѣло, пошелъ онъ и самъ куда не вѣдая, и не могши ис-
требить ужасовъ, стѣсняющихъ сердце его. Большую часть дня препровелъ онъ въ без-
полезныхъ иснаніяхъ дороги; силы его истощались, и искалъ онъ мѣста, гдѣ бы отдохну-
нуть, какъ осматриваясь увидѣлъ онъ въ ешоронѣ на полянкѣ осѣдланную лошадь. Об-
радовался онъ, уповая при оной найти че-
ловѣка, коимъ можно показывать ему до-
рогу изъ сего дремучаго лѣсу; но радость его еще болѣе умножилась, когда увидѣлъ онъ спящаго на шравѣ *Бурновеля*. По про-
бужденіи его, узналъ отъ него *Вадамъ*, что онъ, равнобѣрно гнавшійся за досемъ, по-
терялъ охотниковъ и дорогу; что онъ так-
же ночевалъ въ лѣсу, и препровелъ ночь въ ужасномъ предчувствованіи нѣкотораго не-
извѣ-

известнаго ему нещастія. Слова *Бурноее* подтвердили мысли *Вадимовы*, объ опасности жизни *Аспадовой*; онъ открылъ ему оныя. Такъ, вѣрный другъ и товарищъ моего нещастія, сказалъ онъ *Бурноею*; не для чего намъ медлить въ семъ Княженіи и продолжать объ его участи. Увѣдомимъ *Урмана*, въ какую страну избереи мы путь, по выходѣ изъ сего лѣсу; онъ насъ догонитъ съ *Простасемъ*. Сказавъ сіе, углубился онъ въ печаль, изъ которой многого труда стоило *Бурноею* извлечь его. Онъ принуждалъ его сѣсть на свою лошадь, а самъ жондль итти пѣшій; но *Вадимъ* никакъ на то не соглашался, и такъ побрели они оба пѣшіе. Путь ихъ продолжался медленно отъ великаго утомленія; потому что почти двое сутокъ ничего не ѣли, и уже къ сумеркамъ встали они на малую тропинку. Шествуя оною нѣсколько, услышали они впереди большой шорохъ; опасаясь нападенія отъ воровъ, или дикихъ вѣрей, пригостились они къ оборонѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ выскочила къ нимъ собака, неслыханной величины, и какъ бы бѣшеная на нихъ бросилась. *Вадимъ* слышалъ, что въ Сѣверныхъ странахъ разбойники почасту живутъ собакъ, помогающихъ имъ въ нападеніи; почему совѣтовалъ другу своему убитъ оную, прежде нежели хозяева ея по-

до-

доспѣють. Не было въ томъ затрудненія, и отъ нѣсколькихъ ударовъ собака пала мертвю. Они дожидались нѣсколько времени другого нападенія, но не видѣвъ никого, начали они осматривать въ той сторонѣ, откуда сія превеликая собака выскочила, и усмотрѣли малую древами закрытую хижину. Подшедь къ оной, нашли они глубокихъ лѣтъ старика, стоящаго на колѣнахъ въ смертельномъ ужасѣ; онъ просилъ ихъ о пощадѣ жизни его хотя до тѣхъ поръ, какъ окончатъ онъ свою молитву. *Вадимъ* и другъ его старались онаго увѣрять, что они не такого роду люди, отъ которыхъ бы могъ онъ ожидать себѣ овлабленія. Я не могу вамъ вѣрить, сказалъ старикъ, когда вы безъ жалости умертвили дѣшей, слугу и всѣхъ скотовъ моихъ. Слова его привели ихъ въ удивленіе; они подумали, что старикъ томъ отъ древности своей въ умѣ помѣшался. Не считайте, сказалъ старикъ, примѣшивъ ихъ мнѣніе, слова мои сумасбродными: вы убили мою собаку, которая служила мнѣ вѣсто дѣшей, слуги и домашней скотины; она носила мнѣ воду, дрова, ловила дичину, обороняла отъ лютыхъ звѣрей, коровъ скашивать, кормила и поклала лучше, нежели мои безбожныя дѣши. *Вадимъ* и другъ его оказывали великое сожалѣніе, что сверхъ чаянія обидѣли сего пущынника; при чемъ спра-

шивали у него, какая причина принудила его оставить человеческое общество. — Я родился въ деревенькѣ, находящейся въ здѣшнемъ лѣсу, отъ одного угольника, и выросши упражнялся въ той же работѣ; по томъ женись, имѣлъ семнадцать человѣкъ дѣтей. По кончинѣ родителей моихъ упражнялся я въ томъ же ремеслѣ, и изъ вопиющихъ мною дѣтей осталось только три сына, а прочіе померли обще съ женою моею. Неблагодарные сыновья мои, когда я ослабѣлъ и не могъ помогать имъ въ работѣ, сбили меня съ двора, давъ только въ помощники убитую вами собаку. Почти уже два года, какъ я обихаю въ себѣ шлащѣ. Нѣсколько разъ покушался я возвратиться въ деревню, но безбожные сыновья мои запрещаютъ, грозя меня умертвить. Теперь я лишёнъ и послѣдней помощи Посудите, господа добрые, объ моемъ состояніи. — Окончивъ повѣсть свою старикъ, вздохнулъ; жалостная участь его пронула *Вадима* и его друга. Они изъясняли состраданіе свое, и предлагали ему постараться о покой оставшихъ дней его, когда только согласишься онъ переѣхать жить въ столичной городъ. Снизхожденіе ихъ обрадовало старика; онъ старался угостить ихъ суровою пищею, какая у него случилась, и обѣщался выпроводить ихъ на дорогу къ *Митавѣ*, куда согласенъ былъ за ними слѣдовать.

На

На другой день посадили они старика на свою лошадь, а сами пошли за его пушным водительство. Старикъ не однократно просилъ ихъ, чтобъ они не отдавали его во власть его дѣтямъ, кои, какъ достоверно лишаеиъ его жизни, есшлы они съ ними встрѣшались. *Вадимъ* и *Бурноей* обнадеживали его, что онъ подъ ихъ охраненіемъ опасаться ничего не долженъ. Они разговаривали, шествуя, о неслыханной неблагодарности дѣшей сего нещаснаго; удивлялись, что Перунъ удерживаетъ громъ свой къ наказанію ихъ чудовищнаго злодѣянія: какъ вдругъ они увидѣли идущихъ на встрѣчу къ нимъ нѣсколькихъ угольниковъ. Старикъ поблѣднѣлъ и съ ужасомъ уведомлялъ своихъ охранителей, что шрое изъ нихъ его сыновья, а прочіе внуки. Непотребные злодѣи сіи, узнавъ отца своего, окружили его съ своими шоперами, и одинъ изъ нихъ закричалъ: кто тебѣ, старая собака, позволялъ противъ нашего запрещенія изъ твоей норы вылезти? — Мы! отвѣчали имъ раздраженные *Вадимъ* и *Бурноей*. Мы научимъ васъ вступаться въ чужія дѣла, вскричали злодѣи оные, напавши на нихъ съ своими шоперами; однако мщеніе Небесъ посылало имъ казнь отъ руки *Вадима* и *Бурноея*: двое изъ нихъ упали отъ первыхъ ударовъ. Между тѣмъ третій изъ злодѣевъ всю ярость свою

обра-

обратилъ на невиннаго отца своего, и разкололъ ему попоромъ голову, прежде нежели защитники его могли упредить то. Раздраженные богатыри, изшоргли въ ту же минушу ирачную его душу чрезъ тысячу ударовъ изъ окалинаго его шѣла. Они жаждали еще, что принялъ онъ столь легкую казнь за свое беззаконіе. Внуки мещастнаго старика, можетъ быть невинные въ порокѣ отцовъ своихъ, разбѣжались отъ страха. *Вадимъ* и другъ его, оплакавъ кончину мещастнаго, и проклявъ память отцаубійцъ въ шроекрашномъ призываніи спрашнаго имени Черногобога, оставили плачевное оное мѣсто. Вскорѣ вышли они на дорогу, и слѣдуя оною, достигли великаго селенія, отстоявшаго отъ Мишавы верстахъ почти во стѣ; такъ удалились они, заблуждая въ лѣсахъ. Ласковый обиташель того мѣста съ удовольствіемъ принялъ ихъ въ доми свой, угостилъ и успокоилъ. Хотя мысли ихъ наполнены были примѣромъ безчеловѣчія могущаго случаться въ смертныхъ; хотя еще больше беспокоило ихъ воображеніе объ участи *Арпадовой*: но утомленіе принесло имъ сладостный сонъ. Еще не разсѣдало, какъ безпокойныя движенія и шлгосшные вздохи спящаго *Вадима* пробудили друга его; оный желая освободить сего отъ мучащихъ сномечтаній, прервалъ сонъ его. Любезный другъ!

другъ! сказалъ онъ; горестныя воображенія простирались въ душѣ твоей и во время успокоенія твоего — Увы, другъ мой! отъ вѣчалъ *Вадимъ*, вздохнувъ; никогда не видалъ я еще сна столько пріятнаго и столько мучительнаго. Духъ возлюбленной моей *Брячиславы*, представъ мнѣ, возхитилъ всѣ мои чувства; но когда обѣщанія мои къ ней стремились, оттолкнула она меня отъ себя съ гнѣвомъ, сказавъ: недостойной! удались; ты забывъ клятву о вѣчной ко мнѣ вѣрности, начинаешь искашь новыхъ обязательствъ Въ сіе ужасное мгновеніе разбудилъ ты меня. *Бурноей* старался разогнать оставшуюся еще на лицѣ его печаль: ты видишь, что сонъ твой есть пустое мечтаніе (говорилъ онъ ему); мнѣ сердце твое извѣстно, и я увѣренъ, что никто, кромѣ *Брячиславы*, не занималъ онаго. *Вадимъ* слѣдовалъ самъ себѣ, и не находя себя виновнымъ предъ *Брячиславою*, началъ успокоиваться. Разговоры ихъ относились по томъ до разныхъ видовъ любви ихъ; *Бурноей* не имѣлъ причины огорчаться своею; новыя обнадеживанія со стороны *Озани* раждали въ немъ лишь желанія съ нею видѣться. Однако обязанный своимъ честнымъ словомъ не оставлять друзей своихъ до окончанія ихъ несчастій, подвергался своей участи,

и терпѣливо сносила разлуку съ своею возлюбленною.

Оба друга заключили по томъ возвратиться въ Митава; забота объ Арпадѣ не менѣе понуждала ихъ къ тому, какъ и благопристойность, чтобъ не оставить безъ принесенія благодарности за угощеніе Князю Еусоловъ. Въ семъ намѣреніи встали они, и начали одѣваться для воспріятія пуши, какъ *Вадимъ*, взявшись за свое плащье, увидѣвъ на ономъ лежащее письмо, съ слѣдующею надписью: *Непостоянному Вадиму*. Издвигая и не знакомый почеркъ руки привлекъ его въ изумленіе; онъ схватилъ письмо, и не могши выговорить ни одного слова, показывалъ оное *Бурнавою*. По томъ укрѣпясь, развернулъ письмо и читалъ содержаніе его: „Невѣрной *Вадимъ*! что сдѣлала тебѣ злочастная *Брякслава*? Чемъ бы принудила тебя нарушить данныя ей кляшвы? Княжна страны сей красотою своею поклескала твое постоянство; ты за избавленіе оныя не пожалѣвъ отдать незнакомому перстень, коимъ обручился съ Княжною Дакскою. Толь явное презрѣніе принуждаетъ меня съ тобою разлучиться: по обвиненной саблѣ узнаешь ты, кто я, ожидающійся тебя для смертнаго поединка въ Хомоградѣ, столицѣ Славянорусскаго Князя. — Почеркъ руки сходствовалъ

Часть II. В весь.

весьма на *Врякиславниѣ*, но *Вадимъ* утвер-
 жденный во мнѣніи, что уже ее нѣтъ на
 свѣтѣ, заключилъ, что пишешь ты къ нему
Арпадъ, возпріавшій подозрѣніе къ обхож-
 денію его съ Княжною Сусольскою. Онъ едва
 не лишился чувствъ; столько онъ пораженъ
 былъ несправедливостію друга своего! *Бур-
 новей*, разсматривая почеркъ письма, под-
 тверждалъ догадки *Вадимовы*, и говорилъ,
 что оный сходствуетъ на *Арпадовъ*. Такъ;
 любезной другъ! говорилъ онъ *Бурновей*; не
 винныя ласки мои къ Княжнѣ вѣдшей стра-
 ны произвели въ немъ подозрѣніе; но боги
 видятъ, что сердце мое въ шомъ не уча-
 ствовало. Онъ подумалъ, что я измѣнилъ
 покойной сестрѣ его, и чрезъ то разры-
 ваешь со мною дружбу. Къ огорченію мо-
 ему ты, любезной *Бурновей*, видишь, что
 не одна досада сопровождаетъ слова *Арпа-
 довъ*: любовь его превратилась въ смертель-
 ную ненависть; онъ зоветъ меня въ Хо-
 мюградъ, гдѣ долженъ я погибнуть, если не
 отъ его руки, такъ отъ гонящаго меня бра-
 та моего. Но какъ бы то ни было, честь
 влечетъ меня въ сію опасность! Дражайшій
 мой *Бурновей* свободенъ не вдаваться угро-
 жающимъ мнѣ обѣщаніямъ, и можетъ воз-
 вратиться къ своей возлюбленной *Озани*; что
 до меня, я нынѣшъ отправляюсь шуда,
 куда призываетъ меня честь и гонящая
 меня

меня судьбина. — *Бурновей* утѣшалъ егог-
ченнаго своего друга, клялся ему вновь, что
никогда его не оставишь, и что нико-
гда не можешь подражать легкомыслию *Ар-
падову*. Оба друга сіи приготавливались въ
неожидаемый путь, разсуждали о своемъ
приключеніи, и ончасу заблуждая во мнѣ-
ніяхъ, жалѣли о легковѣрности *Арпадовой*.
Они заключили, что *Арпадъ*, взявъ неосно-
вательное подозрѣніе, съ умыслу пришло-
рился больнымъ, чтобъ послѣ переодѣвшись
въ другое платье принѣчать за поступками
Вадимовими. Сходство съ нимъ незнако-
маго, коему онъ подарилъ въ замѣшатель-
ствѣ обручальной перстень, еще болѣе уш-
верждало ихъ въ семъ мнѣніи. Они не со-
инѣвались, что забота, кою оказалъ *Вадимъ*
при опасности Княжны Сусольской, увѣрила
его еще болѣе въ подозрѣніи. Горесть *Ва-
димова* была неописанна о потерѣ перстня,
оставшагося ему единымъ залогомъ памяти
возлюбленной его *Врѣхславы*; но не чѣмъ
уже было пособить. Они приготовили пись-
ма къ Сусольскому Князю, изъясняя въ оныхъ
благодарность за угощеніе, и извинясь не-
чаяннымъ случаемъ, принудившимъ ихъ оста-
вить дворъ его столь поспѣшно. *Вадимъ*
увѣдомлялъ *Урмана* о своемъ влеченіи,
призывающемъ его въ отечество, и пред-
сказывалъ на волю его благоразумію, слѣдо-

Зать ли за ними въ томъ опасное мѣсто, или ожидать извѣстія о участіи его при дворѣ *Готфстома*; онъ просилъ его о не-оставленіи малоразсуднаго *Простая*.

Въ разстроеніи своемъ забыли они о упоминаніи въ писмѣ омиѣ сабель; но когда собрались они къ отбѣду и взяли за свое оружіе, увидѣли, что сабли ихъ обѣ перемѣнены. Удивительно казалось имъ то, какимъ образомъ попало письмо къ нимъ въ горницу; но омиѣ оружія казался имъ совѣмъ непонятенъ: надлежало *Арпаду* войти самому въ томъ покой, гдѣ они спали. Они призвали хозяина, и рассказавъ ему о случившемся, спрашивали, не приходилъ ли кто въ домъ его послѣ того, какъ они заснули? Хозяинъ уведомлялъ ихъ, что въ поздныя часы прѣзжали къ нему два чужеземца въ полномъ вооруженіи, назвавшие себя ихъ служителями: почему отъ него и впущены были; что до свѣту еще вставши, входили въ томъ покой, гдѣ они спали и по томъ осѣдлавъ коней своихъ, не извѣстно куда уѣхали. *Вадимъ* по описанію хозяину узналъ, что были то незнакомые, избавившіе его отъ медвѣдей, и не сомнѣвался, чтобъ одинъ изъ нихъ не былъ *Арпадъ*. Они не знали за чѣмъ медлить въ томъ мѣстѣ, и вручивъ хозяину вагшопованныя письма, просили о доставленіи
оныхъ

онѣхъ по надписямъ въ Мишавѣ, и поблагодаря хозяина за угощеніе, предпріали путь чрезъ Варягію. Они уповали достигнуть *Арпада*, которому необходимо надлежало слѣдовать въ Хомоградъ чрезъ страну сію, естъли только прямо отправился онъ въ то мѣсто, куда вызвалъ его для смертнаго поединка; и для того во всѣхъ мѣстахъ спрашивали о проѣзжающихъ рыцаряхъ. Развѣдыванія ихъ были небезудачны; вступая на границы Виражскія, услышали они о недавно проѣхавшемъ богатырѣ, о коемъ по описанію вида и оружія заключили, что былъ то *Арпадъ*. — Пospѣшимъ, любезной другъ! сказалъ *Вадимъ Вурновскіи*; я, не взирая на несправедливый поступокъ со мною брата моей возлюбленной, остановлю его дружескими объясненіями, и принужу жалѣть о томъ, что онъ обидѣлъ меня безвинно. Послѣ чего удвоили они бѣду свою, и для поспѣшности перемѣняли коней, когда первые уставали; благодѣяніе Князя Полянскаго привело ихъ въ состояніе, что могли они дѣлать шаковыя издержки.

Въ третій день усмотрѣли они вдали тихо бѣдущаго рыцаря, и не сомнѣвались, чтобъ не былъ то желаемый *Арпадъ*; они поскакали къ нему прямо. Рыцарь примѣтивъ то, оказалъ движеніями своими, что онъ опасается какой нибудь погони; но не

Хотя явишь себя боязливымъ; приготовился къ оборонѣ, и ни мало не переѣнилъ шихаго своего шесныя. Когда они уже приближались къ нему, опушнѣвъ оный личникъ шелома своего, и обнаживъ саблю, поворотился къ нимъ и кричалъ: исполнители немилосердаго повелѣнія врага моего! вѣдайше, что жизнь моя достанется вамъ не дешево. *Вадимъ* не разслушавъ словъ его, бѣжалъ къ нему съ разпростертыми руками, и кричалъ съ своей стороны: любезной другъ! мы вызываемъ меня на смертной поединокъ въ столицу Славянорусскую; мы безъ всякой вины обратилъ дружество твое въ алѣйшую ко мнѣ ненависть: но я чистосердечными обѣщаніями, вмѣсто оружія, принужу тебя раскаяться въ твоей несправедливости. — А! извѣстники! ошибчалъ рыцарь; шанимъ — то коварнымъ образомъ хотише вы получить меня въ руки живаго Сказавши то, замахнулся онъ на *Вадима*, и на несъ бы оному смертельной ударъ, естлибъ *Бурноей*, подскочивъ не подхватилъ онаго щитомъ своимъ. Остановивъ государь мой! вскричалъ онъ; мы всѣ находимся въ заблужденіи: мы не имѣемъ никакого до васъ дѣла, и шокмо по ошибкѣ сочли васъ за *Арпада* Князя Дакскаго. Незнакомый опушнѣвъ свою саблю, и разсматривая лица минувшихъ своихъ непріятелей, познавъ ошибку

ку

ду свою. Онъ извинялъ поступокъ свой, оправдывая оный несчастными обстоятельствами, принуждающими его быть во всечасной осторожности. Дальнѣйшія объясненія изгнали изъ мыслей его недоувѣренность; они провѣдали отъ него, что путь его слѣдуетъ въ Славянорусію; а какъ и *Вадимъ* съ другомъ своимъ туда же, слѣдовалъ, то заключили они вѣшать вмѣстѣ. Онъ любопытенъ былъ вѣдать объ своихъ спутникахъ; въ чемъ *Вадимъ* и *Бурковей* сдѣлали ему удовольствіе. Послѣ таковой довѣренности *Семірѣ* (такъ называли сего рыцаря) долженъ былъ взаимно удовлетворить желанію ихъ разсказаніемъ своего приключенія.

Какъ въ сей вечеръ сказываніе продолжилось болѣе обыкновеннаго, то повѣсть *Семірова* отложена была до другаго дня.

В Е Ч Е Р Ъ XV.

Повѣсть Семіра, Королевича Казарскаго.

Хотя и называюсь я шибѣ ямичемъ, но въ котормъ извѣстенъ въ области *Казарской*; но собственно о себѣ, кто я таковъ, и кто мои родичи, опишю

и .а

не вѣдаю. Благодѣнія воспитавшаго меня *Аб-
раама*, Корѣя Казарскаго, просирились ко
мнѣ до того, что онѣ называлъ меня сво-
имъ сыномъ: почему и всѣ его подданные
подъ тѣмъ званіемъ меня разумѣли и почи-
тали. Онѣ купилъ меня у *Бастарскихъ* мор-
скихъ разбойниковъ обще со многими неволь-
никами, когда былъ я еще двухъ лѣтъ; не
знаю, что во мнѣ ему понравилось, что онѣ
взялъ меня и воспиталъ вмѣсто сына, на-
звавъ меня *Семіромъ*. Когда я пришелъ въ
возрастѣ, въ ксемъ уже размышлять могъ;
не однократно сей мой высокій благодѣтель
разсказывалъ мнѣ, что тѣ разбойники, у ко-
ихъ онѣ меня купилъ, не сами меня въ плѣнъ
взяли, а получили съ другимъ моимъ бра-
томъ близнецомъ въ подарокъ отъ неизвѣ-
стныхъ встрѣтившихся съ нами въ Пропон-
тѣ плавателей, съ тѣмъ уговоромъ, кѣмъ
они клятвенно сами обязали: подарившимъ
насъ имъ, чтобъ меня назвать *Семіромъ* и
затвердить мнѣ, когда я возрасту, о томъ,
что есть у меня братъ, называемый *Нуре-
динъ*. О семъ братѣ моемъ слышалъ я по-
слѣ того, что оный находится въ неволѣ у
жиды, любящаго въ столицѣ Персидской, Су-
въ. --- Сіе напомнило *Вадиму* и *Бурковсю*
о великодушномъ невольникѣ, оставшемся въ
рабствѣ за свободу *Арпадову*; но они не
хотѣли прервать замѣчаніемъ своимъ повѣ-
ствованія *Семірова*. Ко-

Король *Абрадатъ* имѣлъ у себя трехъ законныхъ сыновей, а я былъ снѣмъ его только изъ благосклонности. Сей Государь, можетъ быть, желая меня учинить со временемъ полезнымъ своему отечеству, или по другому какому намѣренію, прилагалъ о наученіи моемъ великое стараніе, и возложилъ оное на попеченіе первѣйшаго вельможи своего *Адолана*, мужа искуснаго и храбраго. Сей вельможа полюбилъ меня съ таковою нѣжностію, что я не зналъ различить, кому я за отеческую горячность болѣе одолженъ былъ, Государю ли самому, или *Адолану*. Въ продолженіи воспитанія моего сей вельможа, отправляясь въ посольства, бралъ меня повсюду, и чрезъ то далъ мнѣ способъ узнать нравы различныхъ народовъ, состояніе ихъ силы, и научиться многимъ языкамъ. Мнѣ исполнилось уже двадцать лѣтъ, какъ Король послалъ *Адолана* для нѣкоторыхъ Государственныхъ дѣлъ въ *Обры* (*), съ которымъ и я отправился. Торговля дѣла, приносящая взаимную пользу обоимъ снѣмъ

В 5

Гр.

(*) Обры обитали около Каспійскаго моря и по рѣкѣ Яику, нынѣ Ураломъ названной, и считались потомками Гунновъ, изшедшихъ отъ Кипчакъ, и населявшихъ Великую и Малую Россію; откуда вытѣснены Славянами. Обры были посѣтъ прочихъ изшедшій народъ Гунискій.

столько заботишься, прекрасная Княжна. отъѣхавъ я ей; рана моя маловажна; но сколько превосходитъ оную находящаяся въ моемъ сердце! - - Я не могъ докончить, и страстными взорами старался ей болѣе объяснить о моихъ чувствованіяхъ. *Алена* поняла меня, и принявъ важный видъ, сказала: объяснись *Семиръ*; слова твои для меня странны. Ободренный шѣмъ и не взирая на важный видъ ея, открылъ я ей о жестокой моей къ ней страсти, вѣрно бывъ на-деженъ, что исканіе мое ошзергнуто, не-будетъ. Но сколько пораженъ былъ я слы-дующими ея словами! дерзость твою *Семиръ*, принуждаетъ меня покраснѣть. Я почита-ла въ тебѣ только твою храбрость, но ни-когда не ожидала, чтобъ невинныя мои ласки могли довести тебя къ забвенію. Вѣ-дай, что я любовь презираю; она ослаба-етъ храбрость; и для сбереженія для тебя твоей, запрещаю я тебѣ ошнынъ появ-ляться на глаза мои. — Громъ не больше бы опровергъ меня; я лишась чувствъ, упалъ и не зналъ, что со мною происходило далѣе. Я опомнился уже въ томъ покоѣ, которой во Дворцѣ Кагановомъ отведенъ былъ для моего жительства; врачи, сколько ихъ было въ столицѣ, старались о моемъ восстановле-ніи. По перевязаніи раны моей и объявленіи оной неопасною, оставили они меня одного

сѣ

въ *Ноанѣ*, дворяниномъ Аварскимъ, нахо-
 дящимся въ особенной милости у Княжны. Сей
 дворянинъ сказалъ мнѣ: успокойтесь *Семірѣ*;
 Княжна прислала меня къ вамъ съ прощеньемъ
 моего проступка, въ которомъ можетъ быть
 вы считаете себя виновнымъ; она увѣряетъ
 мнѣ, что теперешнее состояніе ваше чув-
 ственнѣе для нее, чѣмъ для самихъ васъ.
 Не могъ онъ принести мнѣ лучшаго бальса-
 му для моей раны; я вскочилъ на моей по-
 нѣ, и обнимая *Ноана*, говорилъ; слова
 твои исцѣляютъ мою язву; но жизнь моя
 не столько поддѣрена будетъ опасности
 твоихъ поръ, если я не увѣренъ буду
 успешнымъ прощеньемъ отъ бывшей
Арсны. *Ноанѣ* отшелъ, и я не ожидалъ,
 чтобъ великодушіе моей суровой побѣдитель-
 ницы простиралось до такого снисхожде-
 нія, какое она мнѣ оказала. Когда уже всѣ
 во дворцѣ заснули, а я занимался моею стра-
 стью, увидѣвъ я, приходшую ко мнѣ *Арсну*,
 въ провожденіи *Ноана*. Есть ли вамъ легче?
 сказала она мнѣ, приходшему нѣкогда отъ радо-
 сти. Прощеніе проступка, моего возвратило
 мнѣ прежнее мое здоровье, отбѣгая я, бро-
 нисъ предъ нею на колѣна. Не думай дорогой
 мой *Семірѣ*, говорила она по шомъ, по-
 цаловавъ меня, чтобъ суровой мой съ шорою
 проступокъ происходилъ отъ моей къ тебѣ не-
 зависимости; я признаюсь тебѣ, что люблю
 тебя больше всего на свѣтѣ: но азаны мною
 правила

вила не позволяюшѣ тебѣ ешѣ сей любви
ожидать никакихъ успѣховъ. Не хочу я ни-
какъ спрашивать твою пущими надеждами
и чрезъ то учинишься твоею мучительницею.
Когда удовольствуешься тѣмъ, что тебѣ
любилъ меня, какъ сестру, прими въ залогъ
сей перстень. Впрочемъ знай, что сердце мое
никогда ни одинъ мужчина на другихъ правахъ
вѣчно владѣть не будетъ; важныя причины
принудили меня предписать сей законъ себѣ.
Набирай, прими ли сей перстень, или нѣтъ;
я удалена отъ того, что тебѣ обманываешь.
--- Слова ея не шокмо облегчашъ болѣзнь
мою, но думаю, чтобы и изъ мертвыхъ меня
возкресилъ были въ состояніи. Я протянулъ ру-
ку мою для принятія перстня, бывъ увѣренъ,
что всѣ препятствія, кои она поставляетъ
любви моей на моихъ желаніяхъ, производимы
отъ пущихъ предразсудковъ, кои пройдутъ со-
временемъ, и что я изъ мздеиной сестры по-
лучу нѣжную любовницу. Арина вздѣла мнѣ на
руку перстень, и принявъ мой въ залогъ стран-
наго нашего условія, подаловала меня и ушла.

Радость и надежда, льстившая любви
моей, учинили, что рана моя чрезъ пять
дней зашворилась и ногъ я появлялся при-
дворѣ. Княжна взирая на меня уже други-
ми глазами, и досаждала мнѣ способы сво-
боднѣ видѣться съ собою, умножала еже-
часно страсть мою. Я хранилъ уставъ, мнѣ
ею предписанный, и не упоминалъ ей

любви, не назвавъ ее прежде сестрицею. Въ сіе время прибылъ ко Двору Обрскому Посолъ отъ Славянорускаго Князя, также и мы, для заключенія договору о торгахъ, которые Славянскому Князю желалось производить чрезъ страну Булгарскую по рѣкѣ Ашелу, имѣющей начало свое въ странахъ его. *Адоланъ* и онъ частые имѣли переговоры съ *Жаганомъ*; а я, предаваясь моей страсти, искалъ случаевъ быть съ прекрасною *Ареною*. Въ свитѣ Посла Славянскаго находилъ я некошторой дворянинъ, *Худолръ* (*) называемый: человекъ безобразной лицемъ и злаго нрава, впрочемъ неустрашимой воинъ. Сей дерзкой человекъ съ перваго взгляду влюбился въ Княжну *Арену*; онъ, замѣтивъ ласки ея ко мнѣ, и вольной мой къ ней доступъ, по грубости заключилъ, что и онъ также можешь пользоваться ея благосклонностью. Княжна по великодушію упускала ему наглости,

на

(*) *Худолръ* сей былъ славный разбойникъ, причинившій отечеству своему великое разочужденіе. Въ послѣдствіи сей повѣсти видимо будетъ, какъ онъ дошелъ до великой силы и погибъ по дѣламъ своимъ. Память его поднесъ осталась между простымъ народомъ, который всѣ древнія укрѣпленія воинскія называетъ *Худолровыми* городищами, и думаетъ, что въ каждомъ изъ оныхъ зарыты отъ него великія сокровища, охраняемыя чародѣйствомъ.

на которыя онъ дерзалъ; но я искалъ случая наказать его глупости. Въ нѣкоторыя вечера, когда я съ Княжною прогуливался въ садахъ придворныхъ, *Худояръ* наполнился ревностію, дерзнулъ подбѣжать и сказать мнѣ кажется, что очень непристойно такой высокой Княжнѣ по вечерамъ одному ходить съ такимъ же чужестранцемъ, какъ и я. *Арена* пришла въ крайній гнѣвъ, хотѣла наказывать его дерзость саблею, которую всегда при себѣ носила. Но я предупредилъ ее, и схвативъ за мое оружіе кричалъ ему: хотя нахаль, подобный тебѣ не заслуживаетъ сражаться съ честнымъ человекомъ; но я и не сражаюсь, но наказывать тебя предприиму! — Слова мои раздразнили сего злонамереннаго Славянина; онъ бросился на меня съ обнаженною саблею, сказавъ *Аренѣ*: вѣдай Княжна, что я люблю васъ, вступаю въ бой сей, и храбростию мою уравниваю сердечной къ тебѣ страсти. — Послѣднія слова его вывели меня изъ себя, я напалъ на него отчаянно. Но я имѣлъ дѣло съ человекомъ неискуснымъ въ битье, и не взирая на его смѣлость, далъ ему такую рану по рукѣ, отъ которой и сабля изъ рукъ его выпала. Шумъ, произшедшій отъ нашего сраженія, привлекъ многихъ, которые старались свѣдать о причинѣ нашего поединка. Везсвѣстный *Худояръ*, че-
го

то не могъ промѣстивши свою саблю, допол-
нилъ по закону; онъ сказалъ, будто бы
василъ меня съ Кияжиною въ непристой-
номъ дѣлѣ, и за это претерпѣлъ отъ ме-
ня нападеніе. Славянской Посолъ, случившійся
при томъ, увидѣвъ дерзость дворянина свое-
го, долженъ былъ приказавъ взять его подъ
стражу. Между тѣмъ я чрезъ *Адолана* пред-
ставлялъ *Кагану* просьбу, чтобъ позволилъ мнѣ
оружіемъ доказать клевету злаго Славянина,
и смертію очистивъ за безчестіе, произ-
несенное имъ для Свѣтлѣйшей его дочери.
Но *Каганъ* раздраженный болѣе, не хотѣлъ
мнѣ позволить въ томъ; онъ требовалъ отъ
Посла Славянорускаго, чтобъ *Худояръ* отос-
ланъ былъ для наказанія ко Двору его Го-
сударя. Посолъ принужденъ былъ удовле-
творить въ томъ сей высокой особѣ. *Худояръ*,
видя, что не миновать ему смертной казни,
нашелъ способъ къ побѣгу; онъ собравъ вся-
кихъ бродягъ, и бѣглыхъ рабовъ, удалился
въ лѣса Брынскіе, находящіеся въ странѣ
Вяшичей (*), и началъ дѣлать страшные
разбои и убійства. Непроходимость лѣ-

Часть II.

Г

совѣ

(*) Лѣса Брынскіе назывались въ древности
мѣлущіе отъ Козельска къ Брянску и Полышѣ;
Вяшичи обитали около Верхова Оки рѣки;
не должно оныхъ смѣшивать съ Вяшчанами,
обитающими поднесъ около рѣки Вяшки.

совѣ, въ конхѣ имѣлъ онѣ перемѣнныя свои жилища, учиняла всѣ поиски надѣ нимъ отѣ Воеводѣ *Гардориковыхъ* тщетными; онѣ набѣгалѣ въ разныя части своего отечества, обогащаясь грабежами, возвращался въ лѣси свои. Собранныя имѣ великія сокровища, и опасность, что онѣ когда нибудѣ, впадши въ руки Правосудія, долженѣ будетѣ заплатить головою за свои злодѣянія, родили въ немѣ дерзостныя замыслы искать короны и свергнуть съ престола своего Монарха. Не было ему труда собрать великое войско: сосѣдство Торковѣ и Печенѣговѣ, народовѣ, кочующихѣ и готовыхѣ всякому служить изѣ найму, споспѣшествовало злему его намѣренію, приключившему опасную войну *Гардорику*, какѣ вскорѣ о томѣ упомянуто будетѣ.

Добродѣтели Княжны Обрской отводили отѣ особы ея, слѣдственно и отѣ меня, всякое подозрѣніе; я не лишилася свободнаго входу во всѣ мѣста Двѣрца *Каганова*, какѣ и прежде. Опыты привязанности моей умножали ко мнѣ благосклонность моей возлюбленной. Однѣко я еще ни шагу далѣе не подвижнуса въ чаяніяхѣ моей надежды: *Арена* умѣла меня содержать, такѣ что я никогда не осмѣливался упомянуть ей о брачѣ. Между тѣмѣ *Адоланѣ* совершилѣ дѣла свои; повелѣнія нашего Государя отъзывали насѣ въ Козары. Сколь ни шоготно было серда-

сердцу моему, но принужденъ я разлучить-
ся съ моею возлюбленною; и естъли утѣша-
ю меня что въ моей тогдашней печали,
было то клятвенное обѣщаніе отъ *Арены*,
что она ни за кѣмъ въ супружествѣ не бу-
детъ. Околь ни слабо было таковое об-
надѣживаніе; ибо зналъ я, что дочери Монар-
ховъ всегда бывають жертвою пользы сво-
его отечества, и что въ таковыхъ случа-
хъ союзы не учреждаются по ихъ стра-
сти: однако повезъ я съ собою отраду, и
полагался на увѣренія моей возлюбленной.

Адоланъ, котораго я любилъ, какъ от-
ца, и отъ котораго былъ любимъ больше
сына, вскорѣ учинился повѣреннымъ моей
страсти; сей мудрый мужъ, усматривая
безполезность огня моего, старался всѣми
силами отвести меня отъ сего заблужде-
нія: но видя, что я весьма ослабленъ, оста-
вилъ времени подѣйствовать надъ моимъ
разсудкомъ. Мы прибыли къ *Абрадату*,
которой по милостивомъ принятіи учи-
нилъ меня, какъ уже достигшаго совер-
шеннаго возраста, богатыремъ. Я полу-
чалъ отъ него при обыкновенные удара ме-
чей, военной поясъ и свободу, странствуя
по свѣту, искать славы и щастія. Любоче-
стіе мое немедленно изгнало бы меня отъ
двора моего благодѣтеля; безъ сомнѣнія обра-
тился бы я не въ иную страну прославлять-

ея подвигами, кромѣ Обрской: но болѣзнь, и
 чаинно мнѣ приключившаяся, пресѣкла всѣ м
 намѣренія; я пролежалъ оную больше год
 — Уже началъ было я получать облегч
 ите отъ оной, какъ печальное извѣстіе во
 вратило ее съ величайшею и едва не лишивше
 меня жизни жестокостію. Ноанъ, повѣренный
 моей возлюбленной *Арени*, привезъ мнѣ отъ не
 писью, и слѣдующее огорчительное извѣстіе
Разбойникъ Худояръ, какъ выше сказано, во
 гордась успѣхами своихъ владѣйствъ, дер
 жулъ помышлялъ о престолѣ Славянорусскомъ.
 Онъ, нанявъ Печенѣговъ, Торковъ и Поло
 цевъ, обитавшихъ къ горамъ Кавказскимъ, по
 лучилъ страшное войско, которое пр
 умножась всякими бродягами, и недовольны
 ми нѣ народовъ, покоренныхъ предками *Гар*
дориковыми, довольно было противу стаи
 силамъ Славянорусскаго Государя. Сей разбой
 никъ побралъ многіе города, и порази
 нѣкоторыя отряды войскъ *Гардориковыхъ*
 завладѣлъ всею страню Вяичевъ. Межд
 шѣмъ, какъ онъ стараясь возмущать во всѣхъ
 частяхъ владѣнія своего Государя, умножилъ
 свои силы и готовился дать рѣшительно
 сраженіе, любовь его къ прекрасной *Аренѣ*
 въ сердцѣ его возродилась; гордость его
 представляла ему, что онъ уже можетъ
 требовать оную въ супружествѣ себѣ у ея
 родителъ. Въ таковомъ намѣреніи отправилъ онъ

онъ

мѣ Пословѣ къ Кагану, назвался Госуда-
 рь, и требовалъ дочь его себѣ въ жену съ
 нѣсколькими тысячами помощнаго войска,
 и утверждѣніа его на Славянорусскомѣ пре-
 столѣ. Каганъ, недовольный нѣкоторыми
 поступками противу себя отъ Гарддорика,
 кошно принялъ сіе предложеніе, и по на-
 купленіи весны обѣщалъ отправить къ не-
 му дочь свою съ тридцатью тысячами кон-
 ныхъ Обровъ. Ноанъ привязанный ко миѣ
 мильѣйшимъ дружествомъ, не скрылъ отъ
 меня, что Алена безъ ужасу выслушала о
 сей участи своей, и безъ сопротивленія под-
 верглась волѣ своего родителя. Письмо ея
 ко миѣ содержало слѣдующее: „Любезный
 Семіръ! участь моя принуждаетъ меня
 покориться волѣ моего родителя, пред-
 положившаго бракъ мой съ бунтовщикомъ
 Славянскимъ. Хотя не нарушаю я чрезъ то
 клятвъ моихъ въ сестринской любви
 къ тебѣ, но ожидаю твоей помощи для
 избавленія отъ ненавистнаго моего жени-
 ха. Благодѣтель швой Абрадамъ не отка-
 жетъ тебѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ сво-
 ихъ воиновъ, съ конни удобно можешь ты
 искупить меня изъ рукъ моего непріятеля;
 въ семъ намѣреніи посылается Ноанъ отъ
 твоей Алены, — Не зналъ я, какъ сооб-
 щить содержаніе письма сего съ равнодуш-
 ною покорностію ея волѣ родительской. Могу

бы я почестъ то насмѣшкою ея, и что мнѣ
 мые ушавы, себѣ ею предписанные, произхо-
 дили онѣ неравенства моего съ ея состояніемъ,
 но любовь вступалась за нее жестоко въ мое
 сердце, и не произвела нааго, кромѣ опеча-
 нія, возобновившаго болѣзнь мою. *Адоланъ*,
 единый другъ мой и участникъ всѣхъ мо-
 ихъ тайнъ, узнавши причину, возобновившую
 болѣзнь мою, ободрялъ меня милостыми ко
 мнѣ *Абрадатовыми*; не сомнѣвайся, говорилъ
 онъ, чтобъ Государь нашъ ошказалъ тебѣ
 въ сей помощи. Милости его къ тебѣ оше-
 ческія, но и сверхъ того сосѣдство съ *Гардо-*
рикомъ принуждаетъ его желать пользы
 больше сему законному Государю, нежели
 бунтовщику и разбойнику. Онъ обѣщался
 стараться о томъ, и оставилъ меня въ на-
 деждѣ, облегчившей болѣзнь мою.

На другой день увидѣлъ я очень рано
 входящаго ко мнѣ сего друга моего. Надле-
 житъ тебѣ скорѣе выздоравливать, сказалъ
 онъ мнѣ; ибо отъ тебя зависитъ слѣдовать
 съ дванцатью тысячами войска, которое
 благодѣтель твой вручаетъ твоему предво-
 дителѣству для освобожденія *Арены*. Но
 какъ (продолжалъ онъ) прежде весны
 нѣтъ никакой еще нужды поспѣшать тебѣ
 съ симъ войскомъ, *Абрадъ* требуетъ съ
 тебя между тѣмъ нѣкоторой услуги. Какой?
 спросилъ я въ несказанномъ восхищеніи.
 Чтобъ ты сѣзидилъ со мною ко Двору
 Гошф-

Готифскому для нѣкоторыхъ важныхъ пользъ Государственныхъ. Могъ ли я въ чемъ не отъ всего усердія повиноваться шаковому моему благодѣтелю? Здоровье мое непримѣтно возвращалось, и чрезъ нѣсколько дней готовъ я былъ къ отбѣду. Я простился съ *Абрадатомъ*, изъяв чувствительно признаніе мое за его милости, и взявъ съ собою *Ноана*, отправился въ путь при *Адоланѣ*. Хотя поздняя осень не соопѣшествовала намѣренію *Адоланову* шествовать водою, но Ясская область, завоеванная недавно Римлянами, и великіе разбои въ земляхъ Драго-вичевъ и къ предѣламъ Варягинъ, чрезъ кои бы намъ слѣдовало надлежало, принудили его избрать путь чрезъ страну Вужанъ и Полянѣю до вольнато города Гедана (*), гдѣ онъ хотѣлъ сѣсть на корабль и плыть до Херсонеса Кимарическаго. Я взялъ съ собою *Ноана* въ тѣхъ мысляхъ, что естли обстоятельство Государственными задержатъ меня при Дворѣ Готифскомъ, отправлю оного съ письмомъ къ Королю Козарскому для изпрошенія общаго войска, къ коему намѣренъ былъ я присоединиться, пробѣжавъ прямо изъ Готин. Любовь дѣлала меня на всякой случай осторожнымъ; я заготовилъ грамоту сію къ *Абрадату*, и вручилъ оную *Ноану*, говорилъ, что естли ка-

(*) Древнее названіе города Гданска.

кія непредвидѣнныя обстоительства равнучасть меня съ нимъ, чѣмъ онъ по приближеніи весны ѣхалъ съ оною къ Королю Козарскому, и взявъ войско, велъ оное прошиву моего плодѣя. Естлики буду я живъ, продолжалъ я къ нему, *Ноанъ* увидишь меня присоединена къ себѣ; но естлики же смерть прекратишь мои надежды, по крайней мѣрѣ онъ будетъ полезенъ моей возлюбленной. Было то въ самомъ дѣлѣ внушеніе вещащаго предчувствованія пославшаго со мною приключенія. Мы благополучно прибыли въ Геданъ, и сѣвъ на корабль, идущій къ берегамъ Книврическимъ, поплыли. По чешырехдневномъ плаваніи, поднялся прошиваный вѣтръ, превѣтившійся по томъ въ бурю. Въ время онаго сорвало съ меня шапку, и бросило въ море. Потеря сія привела меня въ отчаяніе; ибо подъ подкладкою сей шапки вшитъ былъ перстень, подаренный мнѣ отъ моей возлюбленной *Арены*. Я не помышлялъ о своей опасности, но только о сохраненіи драгоценной мнѣ вещи, и увидѣвъ лодку, привязанную къ кораблю, вскочилъ въ оную и поплылъ. Опасность, которой я предалъ себя, донесена моему другу *Адолану*; онъ выскочилъ на палубу, кричалъ мнѣ, чѣмъ я возвратился, и изображалъ опасность, которой я предаюсь; но нищечно: я не слышалъ и не видалъ, опричь шап-

шапки, которую носило въ виду предо мною волнами. Онъ приказалъ спустить вѣстовое судно, и послать мнѣ на помощь; но буря противилась усиліямъ гребцовъ. Чрезъ два часа достигъ я съ превеликимъ трудомъ до моей шапки, и съ великою радостію схватилъ оную; но опомнившись тогда, потерялъ я корабль изъ виду. Умножающаяся буря понесла меня къ Западной сторонѣ, какъ я чаялъ; но въ самомъ дѣлѣ не можно было того примѣнить въ страхѣ, какъ ожидаемо, тогда меня объявшемъ. Остатокъ дня и всю ночь провелъ я между жизни и смерти, и не знаю, какии чудомъ не опрокинуло столь малаго судна великими волнами. Съ рассѣшомъ началъ было я получать надежду къ моему спасенію, потому что представился вдали берегъ, къ которому несло меня; но все ожиданіе кончилось отъ единаго удара волнъ, которыми разбило въ щепы лодку мою о камень. Я плылъ съ трудомъ нѣсколько сажень въ разсужденіи шлѣщаго меня панцыря, какъ попался мнѣ небольшой оплѣмокъ лодки моей, облегчившій мое плаваніе. Но наконецъ борясь съ бросающими меня волнами, потерялъ силы и лишился чувствъ.

Опомнясь изъ моего великаго и нѣсколь-
ко часовъ продолжавшагося обморока, къ наум-
ненію моему увидѣвъ я себя въ изрядно

прибранномъ покоѣ, лежащаго на постелѣ, и окруженна нѣсколькими господами. — —

Въ сей вечеръ сказываніе остановилось, за тѣмъ, что опредѣленные для оного часы ксичились. *Изборъ*, находя удовольствіе въ повѣсти *Семіровой*, приказалъ Сказывающему начать оное на другой день ранѣе обыкновеннаго времени.

В Е Ч Е Р Ъ XVI.

Продолженіе Семіровой повѣсти.

Пришедъ въ себя, продолжалъ *Семіръ*, первое мое слово составляло вопросъ: гдѣ я? Въ безопасномъ мѣстѣ, отвѣчали мнѣ. Но кому я долженъ за избавленіе мое отъ пошопленія? продолжалъ я. Богомъ и щастіемъ, а по томъ мнѣ, отвѣчала на оное госпожа, получше прочихъ одѣтая. Безъ сомнѣнія вамъ, подхватилъ я, вставая съ моей постели, и принося ей доажную за оное благодарность. Вы не имѣете причины за оное благодарить меня, сказала она; несчастіе мое нечаянно привело меня къ тому мѣсту, гдѣ увидѣлъ васъ борющагося съ смерщю на отломкѣ ващего разбишаго судна, и поданная вамъ помощь,

мощь, есть долгъ челоѣчества. Я возобновила мою благодарность, и увѣряла ее, что Гошовъ не пощадитъ моей крови для услугъ ея, ежели то будетъ для нее полезно. — Я надѣюсь того, подхватила госпожа она; самое Небо приводитъ васъ отсюда за меня одному вѣроломному челоѣку. Однако жъ, удословляясь теперь въ безопасности вашего здоровья, желаю, чтобъ онъ подкрѣпился покоемъ. Послѣ сего она меня оставила.

На другой день освѣдомился отъ слуги моего, находившагося при мнѣ, что я нахожусь въ области Фенновъ (*): слѣдственно не въ дальности отъ Гоши, куда и направились отбѣжать для присоединенія къ Лодолаку, какъ скоро исполню пребываніе моей избавительницы, о коемъ она упомянула. Немедленно одѣлся я, и велѣлъ о себѣ доложить госпожѣ дому. Какъ ни важны обязанности, сказалъ я ей, принуждающія меня явиться ко Двору Гошфскому, но благодарность обязываетъ меня исполнить ваши желанія, о коихъ вчера напомнили, и я ожидаю вашего повелѣнія. — Признаюсь, государь мой, отвѣчала она, что мнѣ непристойно бы было, избавивъ васъ отъ одной опасности

опас-

(*) Фенны обитали въ Финляндіи, отъ которыхъ и названіе Земля сія получала.

опасности, повергаешь въ другую; но примѣ-
чаемая мною отважность ваша ободряетъ
меня, что вы совершите сей подвигъ къ ва-
шей славы, и защитите честь обиженной
дѣвицы. Но чтобы вы лучше узнали, какого
рода услуги я отъ васъ требую, открою
вамъ мое несчастное и ужасное приключеніе.
Должно мнѣ собрать всю твердость къ по-
вѣствованію моего стыда и злыхъ дѣлъ, произ-
шедшихъ отъ моего безразсудства. Она приказала
всѣмъ служителямъ своимъ удалиться, и
оставшись на единѣ со мною начала слѣдующее:

Поклоніе рода моего происходитъ отъ
Полина, побочнаго сына *Доброславова*, быв-
шаго Княземъ въ Кривичахъ. По смерти
Доброславовой предокъ мой имѣлъ надежду
препроводить вѣкъ свой при дворѣ его
сына, любившаго его побратски; но когда
Славяноруссы завладѣли сею страной, по-
бѣдивъ сына *Доброславова* на сраженіи, въ
коемъ онъ лишился жизни: предокъ мой
удалился въ страну сію, и купивъ замокъ,
въ кошоромъ я обитаю, жилъ въ немъ и
оставилъ въ наслѣдство моему дѣду. Отецъ
мой имѣлъ двухъ дѣтей: меня, и брата мо-
его, лишившагося жизни въ цвѣтущемъ воз-
растѣ. Находился онъ въ услуженіи при
дворѣ Государя Полянскаго, и по нѣкоторой
ссорѣ убитъ на поединкѣ отъ дворянина
страны той, *Ранковскимъ* прозывающагося.

Ран-

Ранковский послѣ сего убійства принужденъ былъ самъ бѣгствомъ спасаться; онъ явился къ моему родителю и объявилъ ему о смерти брата моего, о томъ него случившейся, извиняя себя тѣмъ, что приключилъ оную, защищая самъ жизнь свою отъ его нападенія. Онъ просилъ у отца моего прощенія, и предлагалъ въ примиреніе самъ себя ему въ сыновья чрезъ женитьбу на мнѣ. Однако родитель мой и слышать того не хотѣлъ, чтобъ убійца сына его учинился ему зятемъ; онъ выслалъ его изъ дому своего, и запретилъ въ оный появляться. *Ранковский*, оставивъ замокъ нашъ, остановился въ ближней деревнѣ; мнѣ случилось чрезъ нѣсколько дней съ грусти выѣхать прогуляться въ рощу, не подалеку отъ замку нашего находящуюся. *Ранковский*, какъ надобно думать, искавшій случая переговорить со мною, прѣхалъ ко мнѣ одѣтый въ драгоцѣнную броню, и подшедь съ учтивостію, открылъ о жестокости ко мнѣ его страсти. Видъ сего молодого человека давно уже предубѣдилъ сердце мое въ его пользу; краснорѣчіе его легко возшоржестовало надъ нѣкоторыми предрасудками; и словомъ сказать, что при первомъ семъ разговорѣ я открылась во взаимной любви къ нему. Мы дали другъ другу клятву въ вѣчной вѣрности, и положили стараться чрезъ

чрезъ бракъ увѣнчать наши желанія. Между
 тѣмъ тайна наша не могла долго скрыться
 отъ моего родителя; онъ сдѣлавъ мнѣ же-
 сточайшій выговоръ, строго подтвердилъ
 выкинуть изъ головы таковыя глупыя мыс-
 ли. Стрась моя только умножилась отъ
 препятствій; я выдумывала тысячу средствъ
 видѣться съ моимъ возлюбленнымъ: но всѣ
 оныя были неудачны. Осторожный роди-
 тель мой препоручилъ вѣрнымъ людямъ
 надсматривать за мною такъ строго, что
 я почти подъ стражею находилась и уни-
 рала съ печали, не имѣвъ средства увидѣть-
 ся и переговорить съ моимъ возлюбленнымъ.
 Въ одинъ день, когда сидѣла я подъ окномъ
 углубясь въ размышленіе, увидѣла я среди дво-
 ра нашего одну старушку, носящую разныя
 травы и коренья. Дѣвки мои сказывали мнѣ,
 что старушка эша ворожея, и что травы
 ея имѣютъ великую силу отъ всякихъ бо-
 лѣзней, а нѣкоторыя и отъ печали. Я по-
 любопытствовала поговорить съ сею воро-
 жеєю, и велѣла оную позвать къ себѣ. Сло-
 ва ея привели меня въ великое удивленіе,
 когда она описала мнѣ о скрытыхъ чувство-
 ваніяхъ моего сердца. Она подала мнѣ пу-
 чокъ травы, приказавъ оную на единѣ ню-
 хать, и обнадеживъ, что найду я въ немъ
 вѣрное облегченіе отъ моей печали. Я приня-
 ла пучокъ сей шокмо наъ любопытства, и
 ош-

ршнюдь не думала нюхать оную, опасаясь,
 чтобъ въ самомъ дѣлѣ по не испробило
 столько пріятной для меня склонности
 къ моему любовнику. Но удивленіе мое об-
 рашилось въ великую радость, когда я вы-
 шедъ въ мою спальню, и начавъ разсматри-
 вать пучокъ, увидѣла въ немъ письмо отъ
Ранковскаго. Онъ уведомлялъ меня о мученіи
 своемъ, которое причиняетъ ему разлука
 то мною; извинялъ себя въ выдумкѣ, кото-
 рую внушила ему любовь; и просилъ, чтобъ
 я воспользовавшись тѣмъ, употребила спо-
 собъ сей для переписки, приносящей намъ
 взаимную отраду. Немедленно ошписала я
 къ нему отвѣтъ: обнадеживала его въ ономъ
 о постоянной моей любви къ нему; похва-
 лала его за выдумку; описала спрѣгосшь мо-
 его родниела, пресѣкшую всѣ способы къ
 свиданію съ нимъ; и наконецъ возлагала
 на его остроуміе выдумать средство къ на-
 шему соединенію, обѣщаясь согласиться на
 всякое его предложеніе. — Ошвѣтъ сей
 завернула я опять въ тотъ же пучокъ правъ,
 и возвративъ оный сшарухѣ, сказала, что
 эта права для нее ненужна, и просила,
 чтобъ она принесла другой отъ головной
 боли. Прсворная старуха поняла, чего я
 желаю; она не преминула на другой день
 принести новой правы. Таковымъ образомъ
 вела я переписку съ моимъ любовникомъ;

онъ

онѣй увѣдомлялъ меня, что всѣ его выдумки кажутся ему бесполезными и неудобными къ произведенію въ дѣйство; что самое бѣгство не можешь быть безопасно для человѣка, которой оставилъ свое отечество, опасаясь наказанія; и что трудно обмануть бѣгшіе слугъ вѣрныхъ отцу моему. Онѣ предложилъ мнѣ напоследокъ средство ужасное, сбыть съ рукъ всѣхъ препашивающихъ нашему соединенію. Прислалъ онѣ мнѣ бумажку съ жестокимъ ядомъ, и совѣтовалъ не щадить никого. Таковымъ образомъ, примолвилъ онѣ, учинишься въ короткое время своего дому, и никто препашивать намѣ уже не можешь. Сколько ни страшно было и помыслишь о произведеніи въ дѣйствіе его совѣтовъ, ибо первой предметъ былъ мой родитель, а по томъ лучшіе изъ служителей, коихъ имѣла я причину опасаться: но несчастная любовь до того ослабила меня, что я учинилась безбожнѣйшею изъ смертныхъ, и произвела неслыханное злодѣяніе. Всѣ женщины дому нашего были на моей сторонѣ; а особливо кухарка, какъ сестра моей компаніонной дѣвки, облегчила произведеніе въ дѣйство мерзостнаго моего предпріятія. Наполненное отравою кушанье повергло въ гробъ въпервыхъ моего родителя, а по томъ и всѣхъ слугъ, кои пинались ссатками стола нашего. Не могу

могу я описать ужасъ души моей, когда была я зрительницею погибающихъ одинъ за другимъ столько невинныхъ людей въ руки моей; и естъли пренесла я такое поприще, не наказавъ себя собственными руками, надлежало, чтобъ самъ адъ подкрѣплялъ меня. Я ощущаю несказанное мученіе въ душѣ моей, проклинаю себя и соблазнителья моего; но ахъ! въ тожь самое время люблю его больше моей жизни. — Трепетъ объялъ меня, продолжалъ *Семірѣ*, при слушаніи повѣствованія сей безчеловѣчной любовницы; но я изъ благоприспособности не могъ прервать повѣствованія, и принужденъ былъ слушать окончаніе онаго. — По совершеніи сего, говорила *Дабалиса* (имя сей дѣвицы), уведомила я моего любовника, и призывала его въ мой замокъ для принятія онаго съ моею рукою въ свое повелѣніе, но *Ранковскій* изумилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ отлагалъ желаніе мое на цѣлую недѣлю, объясняясь, что будто бы благоприспособность требуетъ препровести мнѣ время сіе въ оплакиваніи смерти моего родителя. Онъ уведомлялъ меня притомъ, что по изтѣченіи сего времени самъ онъ безъ воу являясь совершитъ со мною бракъ. Приведенная въ нестерпѣливость, погнала я къ нему многихъ съ письмами, но не получила на оныя отвѣсту, и посланные мои

Часть II.

Д

ска-

скаывали, что слуги его не допускали
 оныхъ, оговариваясь болѣзнію своего госпо-
 дина. Все то казалось мнѣ непонятно, и
 желая удостовѣриться въ судьбѣ моей, по-
 ѣхала я сама въ ту деревню, гдѣ онъ жилъ;
 но сколько ужаснулась, узнавши, что онъ
 давно уже уѣхалъ не извѣстно куда. Меж-
 ду тѣмъ прошло двѣ недѣли, что я не
 имѣла ни малѣйшаго объ немъ извѣстія. Вре-
 мя сіе удостовѣривъ меня о непостоян-
 ствѣ моего любовника, повергло меня въ от-
 чаяніе. Я проклинала несчастную страсть и
 ослабленіе мое, учинившія меня мерзостью
 предъ богами и смертными. Къ дополненію
 всего *Ранковский*, опозвавшись о себѣ чрезъ
 присланнаго ко мнѣ слугу, подтвердилъ пре-
 врѣніе свое слѣдующею надо мною насмѣш-
 кою: онъ вызывалъ меня на свиданіе съ
 собою, назначивъ мѣсто, въ десяти верстахъ
 отсюда находящееся, представляя въ оправ-
 даніе сего требованія своего слухъ разне-
 стійся о томъ, что тайна ихъ открылась,
 и что за тѣмъ опасается онъ появиться въ
 моемъ замкѣ. Упомянуль онъ при томъ,
 что сіе самое принудило его перемѣнить мѣ-
 сто его жилища, не сказавшись мнѣ о томъ.
 Всѣ слова его казались мнѣ вѣроятны; я
 обвиняла сама себя въ несправедливомъ на
 любовника моего подозрѣніи, и немедленно
 поѣхала къ нему на свиданіе: но ждавши
 его

его цѣлой день шещно, узнала, что онъ ругается надо мною; а по тому заключила, что вся страсть его ко мнѣ была только выдумкою прикрытое мщеніе, изъ ненависти къ нашему дому. Любовь моя превратилась въ непримиримую къ нему злобу, и я заклалась отмстить ему жесточайшимъ образомъ. Но какая къ тому была надежда слабой дѣвицѣ? Однако боги представили мнѣ случай найти защитника обиженной моей чести: я, возвращаясь изъ сего свиданія, имѣла щастіе спасти васъ отъ потопленія, и не сомнѣваюсь, чтобъ изъ благодарности отпоздали вы принудить моего измѣнника или сдержашъ данное мнѣ слово, или заплашишь жизнью за его вѣроломство. — Но какое средство, сказалъ я ей, сыскашъ мнѣ *Ранковскаго*? Безъ сомнѣнія онъ оставилъ уже здѣшнюю страну. — Нѣтъ, подхватила *Дабалиса*; онъ долженъ быть здѣсь, потому что вчера и нынѣ видѣли слугу его, проѣзжавшаго мимо замку. Я опасюсь, чтобъ не заключало то каковаго нибудь злоумышленія, и заклинаю васъ богами не оставлять меня несчастную въ столь крайнемъ состояніи. Послѣ сего начала она проливать потоки слезъ, проклинала дни свои, и бѣдственную страсть, доведшую ее до беззаконнѣйшаго дѣла, и представилась мнѣ въ столь жалостномъ положеніи, что я при-

нужденъ былъ дать ей честное слово, не оставляя дѣлу ея до тѣхъ поръ, пока либо принужу *Ранковского* исполнить ея волю, или пройдетъ подозрѣваемая ею опасность.

Вскорѣ началъ я жалѣть о данномъ ей мною словѣ; ибо когда разсудилъ, *Дабалиса* представлялась мнѣ омерзѣнія достойною и незаслуживающею никакого сожалѣнія женщиною. Хотя была она моя избавительница, хотя благодарность понуждала меня заслужить ей то: но съ другой стороны я гнушался тѣмъ, что обязанъ былъ отцеубійцѣ. Самая страсть ея къ *Ранковскому* являла въ себѣ нѣчто зѣвское; она ненавидѣла его, желала смерти ему, и опять чувствовала возобновленіе любви съ каждою появляющеюся въ мысляхъ ея надеждою. Многократно покушался я бѣжать изъ оскверненнаго ея замка; а особливо когда воспоминалъ, что всякое прѣмедленіе отнимаетъ время, въ которое могъ бы я стараться о защищеніи возлюбленной моей *Арени*: но съ другой стороны *Ранковский* представлялся мнѣ наказанія достойнымъ, соблазнителемъ слабой женщины, и виновникомъ ея преступленія. Уставы богатырскіе обижали меня смѣшивъ ему, и защищать честь дѣвицы, сколько ни порочной, но при всемъ томъ моей избавительницы. Проведъ я уже не-

медѣли съ дѣвѣ въ замкѣ *Дабалиси*, въ ко-
 торое время усмотрѣвъ я, что иѣтъ мнѣ
 способа и тайно сплутаться изъ онаго: но-
 чью запирали тѣ комнаты, въ конхъ я спалъ;
 а днемъ она почти изъ глазъ меня не выпу-
 скала. Къ досадѣ моей примѣтивъ я, что
 взоры ея доказывали мнѣ желаніе, скова
 охотно согласилась бы она замѣнить мною
 потерю *Ранковскаго*. Таковое открытіе
 умножало мое къ ней отвращеніе, какъ къ
 особѣ непостоянной и готовой упасть изъ
 страсти въ страсть. Можешь быть я на-
 шелъ бы способъ избавить себя изъ замку
 ея, въ коемъ находился подѣ честнымъ ка-
 раулицъ, когда бы случай не освободилъ ме-
 ня отъ нее, не нарушая даннаго ей слова.
 Въ одно утро явилъ слуга *Ранковскаго*,
 которой по многихъ извиненіяхъ, весьма не-
 сходныхъ на правду, просилъ ее отъ яви-
 ни своего господина на свиданіе въ прежде
 назначенное мѣсто, гдѣ онъ ее уже дожиде-
 дается. *Дабалиса* въ одно мгновеніе ока
 почувствовала всю прежнюю страсть возара-
 щившеюся въ грудь ея; однакожь опасалась
 она ѣхать къ нему, если бы я не обод-
 рилъ ее, сказавъ, что при мнѣ можешь она
 надѣяться, что всѣ покушенія ея любовника
 будутъ недѣйствительны. Намъ слѣдуетъ
 только снабдить меня вооруженіемъ и доб-
 рою лошадью, пригнать я ей. Обрадован-

ная *Дабалиса* приказала шестчасъ запрячь для себя колесницу; а меня повела въ оружейную палату отца своего, гдѣ я снабдилъ себя наилучшимъ вооруженіемъ, и получилъ по томъ съ полнымъ богатырскимъ снарядомъ коня. Когда я скинулъ мою повредившуюся отъ воды броню, и надѣвъ новую, пригошовился слѣдовать за *Дабалисою*: поѣхала она въ своей колесницѣ, вручивъ мнѣ на охраненіе коробочку съ дорогими камнями, и сказавъ, что въ случаѣ несчастнаго съ нею приключенія, могу я симъ сокровищемъ ее располагать по моей волѣ; я слѣдовалъ близъ колесницы ее, какъ охранитель. Мы не ошибѣли болѣе четырехъ верстъ отъ ея замку, какъ вдали показалось намъ трое верховыхъ, встрѣчу къ намъ ѣдущихъ. *Дабалиса* по волошымъ лашамъ и вороному коню узнала, что одинъ изъ сихъ былъ любовникъ ее *Ранковский*; она узнавъ его приказала возницѣ своему остановиться. *Ранковский* такъ же остановился, и послалъ слугу освѣдниться. Слуга сей прискакавъ, и узнавъ *Дабалису*, сскочилъ съ лошади, спалъ на колѣни и говорилъ ей: ахъ, милостивая государыня! я примѣчаю изъ лица вашего гнѣвъ на невиннаго моего господина; онъ обманулъ васъ противу своей воли. Послѣ сего рассказывалъ онъ, что во время выѣзду на оное свиданіе, поймавъ былъ онъ разбойниками,

ко-

которые продержали его до вчерашняго дня. Онъ разсказывалъ это съ таковымъ правдоподобіемъ, что *Дабалиса*, пришедъ въ замѣшательство, поспрешовала моего совѣшу, вѣришь ли, или сомнѣваешься въ томъ. Мы увидимъ изъ поступковъ самаго *Ранковского*, отвѣчадъ я, какія мѣры намъ взять должно. Въ то время, какъ я говорилъ съ *Дабалисою*, слуга поскакалъ къ своему господину, и только что я успѣлъ оглянуться, увидѣвъ я оныхъ приближающихся ко мнѣ съ обнаженными саблями. Я вынулъ изъ ноженъ мой мечъ: ибо не сомнѣвался о нападеніи на меня; что и послѣдовало. Я старался предупредить *Ранковского*, что онъ не имѣетъ причины счищать меня за своего совѣтника, и потому нападаешь на меня безвинно; но если и считаешь меня своимъ непріателемъ, то бы сражался со мною, какъ честной человекъ, одинъ на одинъ. Но вмѣсто отвѣшу, онъ бросался на меня, какъ бѣшеный, поощряя къ тому же слугъ своихъ. Принужденъ былъ я обороняться, и первымъ ударомъ одного изъ слугъ его повергъ мертва. Между тѣмъ, сколько *Ранковский* ни казался мнѣ худымъ бойцемъ, но имѣлъ бы я великое затрудненіе сражаться вдругъ съ двумя, еслибъ возникъ *Дабалиса* не избавилъ меня отъ другаго слуги, пронзивъ его съ тылу ножомъ. Тогда

бой учинился равнымъ, и я представляя себя
 противника моего, какъ человека, заслужи-
 вающаго по дѣламъ своимъ наказаніе, ни ма-
 ло не щадилъ его. Вскорѣ и онъ, получивъ
 смертную по шеѣ рану, упалъ съ коня зали-
 вшись кровію. Я остановился въ ожиданіи,
 какого мнѣнія будешь *Дабалиса* объ моей
 побѣдѣ. Она спокойно сидѣла въ своей ко-
 лесницѣ до тѣхъ поръ, какъ продолжалось
 сраженіе; но увидѣвъ смерть своего любов-
 ника, начала въ лицѣ перемѣняться: то
 краснѣлась, то блѣднѣла, то возводила
 взоры свои на небо, то на своего любовни-
 ка и на меня. Наконецъ, надобно думать,
 что прежняя страсть къ *Ранковскому* пре-
 возмогла надъ прочими чувствованіями; она
 выскочивъ изъ колесницы, побѣжала съ раз-
 простертыми руками къ тѣлу его, и упавъ
 на оное, начала неутѣшно плакать. Ахъ,
 мой возлюбленной! кричала она; какъ худо
 заплачена вѣрная любовь твоя ко мнѣ! мо-
 гла ли я повѣрить, что ты обманывалъ
 меня? . . . О *Семирѣ*! говорила она ко
 мнѣ рыдая: что сдѣлалъ ты! Ты умерт-
 вилъ самую жизнь мою. — Государыня моя!
 отвѣчалъ ей я вы видѣли, что онъ самъ
 учинился причиною смерти своей чрезъ не-
 справедливое на меня нападеніе; но если
 я таковымъ поступкомъ учинился вамъ про-
 тивенъ, примите отъ меня ваше сокрови-
 ще

де, и позволите мнѣ отъ васъ удалиться.
 — Побѣждай себя и съ оными, куда хочешь
 кричала она, лишь помоги мнѣ снять бро-
 ю съ моего возлюбленнаго, чтобъ я могла
 облобызать въ послѣдніе охладѣвшія уста
 его, и смѣшать кровь мою съ текущею изъ ранъ
 его. — Я спелъ съ лошади, началъ помо-
 гать ей; снимать шлемъ съ головы его. Да-
 балиса бросилась было цѣловать, но взгля-
 нувъ на лице его, отскочила съ ужасомъ:
 боги! что вижу я! вскричала она; это не
 Ранковский, но слуга его Абискаръ. Мы не
 знали, какъ постигнуть причину сего поступ-
 ка Ранковского; за чемъ вновь хотѣлъ онъ обма-
 нуть свою любовницу, нарядивъ въ свои ла-
 ты слугу и выдвѣвъ онаго къ ней на встрѣ-
 чу. Но въ этомъ помогъ намъ другой по-
 раженный отъ возницы слуга, который еще
 живъ былъ, и разрѣшивъ наше сомнѣніе
 слѣдующимъ предъ смертью своею признані-
 емъ: онъ уведомилъ насъ, что Абискаръ
 подговорилъ ихъ къ своему намѣренію чрезъ
 обѣщаніе раздѣленія великой добычи, кото-
 рая бы досталась имъ по совершеніи ихъ
 умысла, умертвить господина своего и по-
 хищать его любовницу, что Ранковский убилъ
 былъ отъ Абискара еще въ тотъ день,
 когда назначилъ онъ первое любовницѣ своей
 свиданіе, и спрятавъ въ дуплѣ великаго де-
 рева, находящагося близъ того мѣста, гдѣ

мы тогда находились; которое дерево и по-
казалъ намъ. Они намѣрены были захватить
Дабалису въ свои руки, и принудить оную
сочетаться бракомъ съ *Абискаромъ*, а чрезъ
то овладѣвъ ея имѣніемъ, раздѣлить между
собою; но что назначивъ время къ свиданію
съ мнимымъ *Ранковскимъ*, и уведомляя
тѣмъ *Дабалису*, не могли согласиться на
сего времени между собою въ раздѣлъ ве-
щей, оставшихся послѣ ихъ господина, и на-
таковою ссорою отлагали исполненіе послѣд-
няго предпріятія. Злодѣй оной признавшись
въ винѣ своей, умеръ; а *Дабалиса* пришла
въ отчаяніе, узнавъ о смерти и невинности
предъ нею своего любовника. Она побѣжа-
ла къ показанному дереву, приказала вои-
ницѣ своему вынуть изъ дупла онаго шило
своего *Ранковского*, выпускавшее уже вели-
кой сирадѣ. Я не могъ стерпѣть онаго и
ошшелъ прочь. Между тѣмъ *Дабалиса*
облабызавъ оное многократно, и выхвативъ
скрытый у себя книжалъ, произвела грудь
свою. Я умираю! вскричала она, упавъ на
трупъ его; ну мой любезной! пойдемъ съ
тобою во адъ! мученія, насъ ожидающія на
отправленіе мною по наученію твоему моего
родителя и многихъ невинныхъ людей, бу-
дутъ для меня пріятны, когда я раздѣлю
ихъ съ тобою. — Сказавъ сіе, выпустила
она духъ свой, оставивъ меня въ ужасѣ

удивленіи о правосудіи Небесномъ, неослабляющемъ беззаконниковъ еще и въ сей жизни безъ отпущенія. Я за долгъ почиталъ рассказать возницѣ о признаніи покойной госпожи его, какъ оною чрезъ помощь кухарки и сестры ея отправленъ отецъ ея съ другими людьми; и давъ ему половину подаренныхъ мнѣ госпожею его дорогихъ камней, совѣтовалъ ему предать и оставшихся преступницъ въ руки правосудія. Я отбылъ послѣ сего прямо ко Двору *Готфскую*, уповаѣ тамъ присоединиться къ *Адолану*; но участь моя повергла меня въ руки разбойниковъ, которые по жестокомъ сопротивленіи, преодолевъ меня своимъ множествомъ, обобрали, и завезши въ свое дѣсное жилище, содержали чрезъ всю зиму подъ карауломъ, уповаѣ за меня получить великой выкупъ. Избавился я отъ оныхъ чрезъ ихъ оплошность, когда они, всѣ перепившись, пьяны послули: я не токмо возвратилъ мое оружіе, коня и сокровище, подаренное мнѣ отъ *Дабалисы*, но и ихъ всѣхъ умертвилъ съ помощію другихъ плѣнниковъ, содержанныхъ ими въ подземныхъ погребахъ, коихъ я освободилъ.

Избавясь таковымъ образомъ, прибылъ я въ столицу *Готфскую*, и къ поразованію моему узналъ, что *Адоланъ* благополучно прибылъ туда, и совершилъ порученное ему
отъ

Отъ Короля своего дѣло, отправился въ от-
чество. Я получилъ отъ него оставлен-
ное письмо ко мнѣ на случай, елики
сверхъ чаянія избавился отъ пошопленія
онимъ обнадеживалъ онъ меня, что об-
щанное отъ *Абрадата* войско навѣрно онъ
правлено будетъ съ *Ноаномъ*, и чшобъ
слѣдовалъ прямо къ войскамъ Князя Славяно-
русского. Поблагодаривъ боговъ за ихъ к
мнѣ покровительство, писалъ я въ Козари
къ *Адолану* и *Нолчу* чрезъ купцовъ Ар-
мянскихъ, туда отправляющихся, увѣдомля-
онимъ о моихъ приключеніяхъ, и проса о
сдержаніи обѣщанія. Теперь я поспѣшаю въ
Славянорусскію, уповаю найтись тамъ *Ноану*
съ помощнымъ войскомъ, съ конми намі-
ренъ я присоединиться или къ рати *Гарда-*
риковой и воевать противу общаго нашего
влады, или по обстоятельствамъ слѣдовать
на встрѣчу моей возлюбленной *Арены*. —
— Таковымъ образомъ кончилъ *Семіръ*
свою повѣсть. — — —

Ксентимъ и мы, сказалъ *Нэборъ*;
я опять начинаю выходить изъ шер-
пѣнія! Ты *Голованъ* впадаешь без-
престанно въ монотонію; ты хочешь цѣ-
лую повѣсть составить изъ однихъ только
ещеубійствъ, которыхъ весьма непріятны
слуху. — Ваше Величество! ошибалъ *Га-*
досанъ, и я, и и надасель сей повѣсти не
при-

причиною сего, когда приключенія *Вадимовы* были, или остались таковыми по преданію отъ древнихъ Писателей. Миѣ мало въ томъ нужды, сказалъ *Изборъ*; ты ли вѣрѣшь, что брѣдилъ твой Писатель; но вѣрь, что ты будешь на хлѣбѣ и на водѣ, естли изѣдишься миѣ скучашь повтореніями.

В Е Ч Е Р ъ XVII.

Продолженіе *Вадимовыхъ* приключеній.

Но, государь мой! сказалъ *Вадимъ*, вынуждавъ повѣсть *Семирову*, извините мое любопытство; миѣ кажется, что въ приключеніяхъ вашихъ скрыли нѣкоторое обстоятельство, о коемъ догадываюсь я по словамъ вашихъ, съ которыми вы меня встрѣтили. Кто былъ врагъ вашъ, за исполнителя повелѣній моего сочли вы меня съ моимъ товарищемъ? — Такъ! отвѣчалъ *Семиръ*; я забылъ вамъ сказать, что еще до отъѣзду моего изъ Копенгагена узналъ я, что злодѣй мой *Худояръ*, полагая меня препоною щастія своего въ любви къ *Обрской Княжнѣ*, разослалъ во всѣ стороны убійцъ, полагая великое награжденіе за

за мою голову; что принудило меня бы-
на всякой разъ осторожнымъ и счесть за
за моихъ непріятелей.

Какъ пущь ихъ лежалъ въ одну стран-
уговорились они шествовать вмѣстѣ; они
жились богатырскимъ словомъ помогать дру-
другу во всѣхъ нещастіяхъ, и продолжа-
дорогу къ предѣламъ Славянорусскимъ. Выше
не столько нещастливы, какъ я, говорилъ
Димъ Семіру; вы имѣете вмѣсто отца
въ Короля Козарскаго, который снабждаетъ
васъ помощію. Любовница ваша, не взираетъ на
ваши подозрѣнія, еще предпочитаетъ васъ
вашему совмѣстнику; ибо требуетъ отъ
васъ себѣ защищенія; и наконецъ непріятель
вашъ ничто иное, какъ разбойникъ, за кото-
рымъ мщеніе Небесъ всюду слѣдуетъ, и все-
конечно облегчитъ заботы ваши о его на-
ваніи: но я нахожусь совсѣмъ въ противополож-
стоятельствѣхъ. Братъ мой, котораго бы
долженъ почитать вмѣсто родителя, безъ вся-
каго моего преступленія, и шокмо изъ единаго
власполюбія, лишаетъ меня законнаго наслѣд-
и принуждаетъ спасать жизнь мою бѣгствомъ
Деквалъ, дающій мнѣ убѣжище въ своемъ
государствѣ, погубляетъ оное обще съ сво-
ею жизнію; дочь его, обручница моя, поги-
баетъ при разрушеніи Геркуланы, и сей го-
рестный случай лишаетъ меня навѣкъ ча-
емой въ жизни моей отплады. Осталось мнѣ
оди-

диное утѣшеніе въ дружествѣ *Арпада*, брата моей возлюбленной; и тошѣ не токмо по несправедливому подозрѣнію учиняется неприимимымъ врагомъ моимъ, зовешѣ меня смертный поединокъ, но и зовешѣ еще въ столицу гонителя моего, чтобѣ я навѣрное погибѣ или отъ него, или отъ рукъ брата моего. Но что бы боги мнѣ ни предопредѣляли, я иду въ *Хомоградъ*. Сказавъ сіе *Вадимъ*, воздохнулъ. *Семиръ* и *Бурноей* старались утѣшати его, предсказывая, что боги, всегда покровительствующіе невиннымъ, охранятъ его во всѣхъ опасностяхъ. Алѣна взиравши, говорила *Бурноей*, уже перемѣнили черты лица вашего, и учинили оное незнакомымъ; однако не худо бы, продолжалъ онъ, для предосторожности перемѣнить вамъ свое имя. Они совѣтовали еще о семъ, и заключили, чтобѣ *Вадиму* назваться *Мечиславомъ*, богатыремъ изъ страны *Козарской*.

Наши путешественники достигли Вичены города *Варяжскаго*, въ коемъ остановились на нѣсколько времени для сдѣланія искусными путошниками художниками новыхъ щитовъ себѣ. Когда оные поспѣли, и по снабдѣніи себя добрыми конями, чрезъ нѣсколько дней вступили они въ области *Гардориковы*. *Семиръ* сколько ни нѣбалъ причинъ поспѣшати къ главному *Славянскому* войску, ополчившемуся противу бунтовщиковъ близъ *Оки рѣки*:
но

но не хотѣа разлучишья съ *Вадимомъ*, ко
его честь призывааа въ *Холмградъ*. Узнавъ
томъ *Княжичъ Славянской*, сказаа ему: скова
но ни облызаетъ меня честь аяшьяся по
вызову *Арпадову*, но это касается лично
только до самаго меня; но когда угнѣбшаемотъ
буштовщиками общество спраждешь, тогда
всѣ личные права гражданина молчать дол
жны. Я желаю прежде псказашъ мои услуги
обществу, и освободя оное отъ опасности,
могу помышлять о исполненіи требованія *Ар
падова*. Побдемъ любезный *Семиръ*, куда те
бя призываетъ любовь, а меня должность и
добродѣтель. И такъ прибыли они къ *Сла
вянскому* ополченію, явились разбѣдчымъ
спражамъ, объявили о себѣ, что они
желаютъ вступить въ службу *Славянскаго*
Князя, и были представлены предъ воен
начальника его *Русима*.

Воевода сей приняа ихъ со всякою учин
востію, заключаа по виду ихъ, что они не
могутъ быть люди простаго роду. Онъ спра
шиваа ихъ, откуда они, и какого состоянія;
въ чемъ однако они съ благоприспосаенностію
отъ него отговорились. Довольно того, по
чтенный *Русимъ*, сказаа ему *Вадимъ*, что
мы странствующіе богатыри, привлеченные
усердіемъ къ справедливой сторонѣ вашего
Государя. Мы требуемъ, чтобъ вы позволили
намъ подъ вашими знаменами оказашъ наши
услу-

услуги прѣшаву враговъ вашего отечества.
 — Я очень радъ, сказалъ *Русикъ*, „доволь-
 ный отѣтсмъ *Вадимовымъ*, что судьба
 привела васъ на справедливую сторону, а не
 къ Государственному вору *Худояру*, кото-
 рого войско составляютъ одни только разбой-
 ники и злодѣи. Я оспариваю на волю вамъ,
 почтенные богатыри, продолжалъ онъ, всту-
 пили ли въ доблестнѣйшую нашу службу, или
 останетесь только до окончанія войны. — Мы
 ищемъ здѣсь одну особу, сказалъ *Бурмоя*;
 если мы не найдемъ оную, останемся ко-
 нечно, пока боги накажутъ враговъ вашего
 отечества; но когда она явится, просимъ
 почтеннаго *Русика* позволить намъ оста-
 вить тогда нашу службу. *Русикъ* согласенъ
 былъ на оное, и не похотѣлъ даже без-
 покоить ихъ изъ любопытства своими вопро-
 сами. Въ продолженіи разговоровъ вошли въ
 пашербъ Полководца Славянскаго многіа чинов-
 ныя особы, между которыми случился и
 который дворянинъ, бывшій въ *Обрахъ* съ
 Посланникомъ Славянскимъ; онъ узнавъ *Се-
 міра*, и донесъ *Русику* подозрѣніе свое на
 него въ свѣдующемъ. Въ бытность мою въ
Обрахъ видѣлъ я сего богатыря при *Дворѣ*
Обрскаго Хагана, находившагося въ великой
 дружбѣ съ Княжною *Ареною*; а какъ обра-
 зились открытыми намъ врагами, и посы-
 лаютъ въ помощь къ бунтовщику *Худояру*

Часть II. ж вой-

войско: нѣтъ я причину подозрѣвать, что самъ ли сей богатырь предводилъ тѣхъ войскою, которой пришелъ можетъ быть для разбѣданія о состояніи силъ нашихъ. — Сколь ни долженъ былъ отчасти доносъ сей, но привелъ *Самира* въ великое затрудненіе тѣмъ, что надлежало ему открыть было многое изъ всеобщаго оправданія, что бы онъ сокрытъ не хотѣлъ. Почтенный *Русиъ*! сказалъ онъ, я не запираюсь, что доноситель мой видѣлъ меня при дворѣ *Кагановомъ*; но онъ умалчиваетъ, что я непримиримый врагъ буйтовщику *Худояру*, съ которымъ имѣлъ тамъ поединокъ и ранилъ его. Великодушныя ваше уволить меня отъ объясненія причинъ, на кои я съ *Худояромъ* сражался: но я клянусь вамъ богами, что прибывъ подвинумена Славянорусскія съ тѣмъ, чтобъ искалъ лишить жизни м.юу рукою сего непримиримаго моего злодѣя. Я открываюсь при томъ, что я родомъ не Обрянниъ, но воспитанникъ Коварскаго Короля *Абрадата*, которой снисходя на мои прозбы, и по братской любви къ Славянорусскому Князю наѣбреиъ былъ подъ предводительствомъ моимъ посланъ по мощное къ вамъ войско. Нѣкоторые несчастныя обстоятельства ствели меня между тѣмъ въ другую сторону; однако увѣрекъ я, что означенное войско прибудетъ подъ предводительствомъ *Ноана*, хотя родомъ Обрянниъ

ка,

, но кляйшаго *Худояру* неприятели. —
 сѣднія *Семірови* слова нѣкоторымъ об-
 смѣ ушверждали истинну подозрѣніа. *Ру-*
мѣ принужденъ былъ объявить ему, что
 военнымъ законамъ долженъ взять его
 въ стражу до тѣхъ поръ, какъ слѣдствіа
 оправдають слова его. *Семірѣ* принужденъ
 былъ покориться необходимости, и снявъ
 съ себя саблю, подавъ оную Славянорусскому
 полководцу. *Вадимѣ* и *Бурноей*, какъ вмѣ-
 стѣ съ *Семіромъ* прибывшіе, также не освобо-
 дились отъ подозрѣніа; но по клятвенному увѣ-
 ренію *Семірову*, что они сѣхались съ нимъ на
 дорогѣ шествующіе въ службу *Гардорикову*, хо-
 тя освобождены отъ стражи, но получили по-
 казаніе снять съ себя только одни дамы.

Между тѣмъ какъ войска бунтовщи-
 ковъ приближились и готовились къ главно-
 му сраженію, *Ноанѣ* привелъ отъ Короля
 Коварскаго обѣщанную *Семіру* помощь,
 состоящую въ двадцати тысячахъ конницы.
Ноанѣ османилъ Коваровъ въ десяти верстахъ
 отъ главнаго Славянскаго ополченія, и являя
 предъ *Русима* въ предшествіи оруженосца,
 несущаго копье, обязанное бѣлымъ плащомъ,
 съ знакъ миролюбія, подтвердилъ объявлен-
 ное *Семіромъ*. Славяніскій Полководецъ бла-
 годарилъ съ стороны своего Государа за
 добротелашельство Короля Коварскаго, и про-
 шалъ *Ноана* остановиться на томъ мѣстѣ,

въ ожиданіи отѣѣша отъ своего Князя, коему
долженъ доложитъ о присланной помощи. Ско-
ли дружественны, сказалъ онъ ему, расположи-
ня Короля Козарскаго; но безъ точнаго позво-
ленія отъ моего Государя не осмѣлюсь я при-
нять сей помощи. Славяноруссы во всѣ времена
не требовали оной никогда отъ кого либо,
одни въ силахъ управляться съ своими непри-
тельными. — *Руси* принужденъ былъ взять
сею предосторожность въ разсужденіи пре-
жняго подозрѣнія, а особливо, что пойма-
ныя непріятельскіе языки объявили, что в
тотъ же день прибыла къ *Худояру* помощь
отъ Обрскаго *Кагана*. Впрочемъ *Ноанъ* уго-
щенъ былъ съ честью, при чемъ имѣлъ случа-
узнать о содержаніи *Семіровомъ* подъ стра-
жею. Онъ просилъ позволенія съ нимъ видѣть-
ся; въ чемъ *Руси* не могъ отказать ему.
Семіръ обрадовался, увидѣвъ своего вѣрнаго
Ноана, и увидѣвъ, что онъ привелъ обеща-
ную помощь, спрашивалъ у него, не
имѣешь ли какого извѣстія объ его возлюб-
ленной *Аренѣ*. Нѣтъ, отвѣчалъ *Ноанъ*,
кромѣ того, что имѣвъ случай на дорогѣ
понимать нѣкотораго Печенега стороны *Худо-*
яровой, узналъ отъ онаго, что *Арена*, по-
слана бывъ отъ родителей своего къ бунтов-
щику съ помощнымъ войскомъ, на пуши-
стое оставила, и не извѣстна, куда скрылась;
и что войско Обрское пришло безъ нее къ

Ху-

удояру. Вѣдомость сія приключила несканную радость *Семиру*; онъ шѣмъ увѣренъ былъ, что любезная его не завидитъ его и своего совѣтника.

Между шѣмъ *Русмъ*, созвавъ Воеводъ и совѣтъ, заключилъ, что не благоприспосовѣ ему будетъ далѣе содержать *Семира* подъ стражею; онъ призвавъ его, возвратилъ ему его оружіе, и позволялъ отбѣжать къ царскому войску. Хотя я, примолвилъ шѣмъ, и не могу принять вашей помощи безъ воли моего Государа, какъ уже сказывалъ; я оставляю на ваше разсужденіе, возвратитесь ли въ ваше отечество, или дожидаться казну отъ моего Князя, пребывать съ Козарями въ недовѣрствѣ. — Это для меня неосуществимо всего, отбѣчалъ *Семиръ*; я не за шѣмъ прѣхалъ сюда, чтобъ бытъ свидѣтелемъ военныхъ дѣйствій. Я ищу смерти *Судояровой*; и для того прошу позволенія остаться мнѣ подъ стражею до времени, когда я могу вызвать его на поединокъ, или получить позволеніе воевать на него съ Козарами подъ вашимъ начальствомъ. Ревностный видъ, съ коимъ онъ произнесъ слова сіи, увѣрилъ *Русма*, что нѣтъ ему причины опасаться съ стороны его нѣмъ; онъ отпустилъ *Ноана* станъ Козарскій на прежнихъ условіяхъ, *Семиру* позволилъ остаться при себѣ, и возвратилъ *Вадиму* съ *Бурковемъ* ихъ лошади.

Въ тотъ же самой день войска бунтовщиковъ разбили свой станъ въ виду Славянского ополченія. Дѣлали съ обѣихъ сторонъ приуготовленія къ рѣшительному сраженію, и богатыри начали появляться для вызова на поединки. *Семиръ* просилъ *Русскихъ* чтобъ вызванъ былъ съ нимъ на единоборство самъ *Худояръ*; будуче увѣрены, что единое мое имя принудитъ его къ тому, какъ скоро онъ объ томъ услышитъ. *Русскій* согласенъ былъ удовлетворить его требованію; но въ самое то время приведенъ былъ непріятельской провозвѣстникъ, вызывающій на поединокъ Славянскихъ богатырей противу Воеводы Обрскаго, приведшаго помощь къ *Худояру*. *Вадимъ* и *Бурное* просили сей чести для себя, но *Семиръ* убѣждалъ ихъ оставить оную ему; ибо побѣдишь сего Воеводу, уповая онъ получить отъ него вѣрное извѣстіе объ своей возлюбленной *Аренѣ*. Онъ тотчасъ вооружился, и съавъ коня своего поскакалъ на средину поля, раздѣляющаго оба войска. Полководецъ Славяскій, въ провожденіи *Вадима* и *Бурное* съ пристойнымъ числомъ шлохраниителей выдвинулся отъ войскъ для смотрѣнія сего сраженія. Обрской Воевода старался съ своей стороны встрѣтить прошавника своимъ не допуская выиграть мѣсто. Они напустились другъ на друга съ крайнею жестокостію.

сѣ перваго удару на копьяхъ *Семірѣ* проверженъ былъ и сѣ конемъ своимъ на землю; однако онъ вскоча, обнажилъ свой мечъ, и обавняя слабость коня своего приваля Обрянина къ пѣшему бою. Сей не уступалъ ему и въ томъ уступить, сскочилъ съ коня своего, и началъ сѣ нимъ сраженіе. Они изрубили въ куски щипы свои; *Семірѣ* получилъ нѣсколько ранъ, но не могъ ни одной нанести своему противнику; оный наступалъ на него сѣ таковою жестокостію, что выбилъ у него мечъ и повалилъ къ ногамъ своимъ. Обрянинъ считалъ уже побѣду своею рѣшенною, но *Семірѣ* приведенный въ отчаяніе бросился сѣ земли, и безоружный напавъ на него, вырвалъ изъ руки его саблю. Они изъ поединка начали борьбу, и упавъ оба валялись по землѣ, стараясь выиграть другъ у друга; но какъ силы ихъ были равны, то они выбившись изъ силъ, принуждены оставить сраженіе и взяли отдохновеніе. Во время сего безпорядочнаго бою личникъ шелома у Обрянина опалъ, и представлялъ въ немъ *Семіру* лице возлюбленной его *Арены*. Воги! вскричалъ онъ, кого я вижу! Ахъ, возлюбленная *Арена*! для чего допустили вы, чтобъ несчастная рука моя могла на васъ вооружиться? Говоря сіе, опускалъ онъ личникъ шелома своего. *Арена*, узнавъ его, ужаснулась, бросилась къ нему, и упавъ

на грудь его, начала цаловать: любезнѣйшій *Семірѣ*! говорила она; я проклинаю день, въ который по невѣденію пролила я кровь лучшаго моего друга; вставай, мой дражайшій, и будь увѣренъ, что я мерскаго бунтовщика *Худояра* ненавижу; въ доказательство сего поѣдемъ на сторону Славянорусскаго Князя. — Слова ея были полезнѣе всякаго баясаму для ранъ *Семіровыхъ*; онъ при всей слабости своей отъ изтекшей многой крови сѣлъ на лошадь и поѣхалъ съ *Ареною* къ Славянскому Полководцу. Смотрители удивлялись такою неожиданною переменѣю, какъ два злѣйшіе непріатели въ одинъ часъ могли обратиться въ вѣрнѣйшихъ друзей. *Арена*, которую считали за Обрскаго Полководца, приближась къ *Русиму*, сказала: я присланъ былъ стѣ моего *Кагана* съ помощнымъ войскомъ къ *Худояру*; но совѣсть не допускаетъ меня быть помощникомъ бунтовщику противу законнаго его Государя; и для того я, оставляя его съ приведенными мною Обрами, пристаю самъ къ справедливой сторонѣ. — Она еще не окончила словъ своихъ, какъ *Худояръ* съ отборными людьми своими учинилъ нападеніе на лѣвое крыло Славянорусскаго воинства. *Русимъ* въ послѣдованіи *Вадима* и *Бурковеля*, бросился туда для сдѣланія разпорядковъ. Между тѣмъ *Семірѣ* провождемъ былъ отъ *Арены* до шатра, гдѣ пере-

пересызали его раны; она оставивъ его для успокоенія, усмотрѣла приближающагося къ ней *Ноана*. Обрадовавшись сей нечаянной встрѣчѣ, схватила она его за руку: ахъ, любезной *Ноанъ*! сказала она, какъ обрадована я, что наша шея здѣсь! Но не продолжая объясненій, какимъ образомъ мы тутъ находимся, оставимъ сіе несчастное мѣсто, и удалимся, куда поведетъ насъ щастіе. Они сѣли на коней, поскакали и удалились.

Русикъ между тѣмъ съ послѣдовавшими за нимъ успѣлъ привести въ порядокъ лѣвое крыло войскъ еще до началія сраженія. Бунцовщикъ сказалъ предъ всемъ войскомъ отдѣляясь. *Вадимъ* усмотрѣвъ, что онъ вызываетъ единоборца, съ позволенія Подководцева поскакалъ на него. *Худояръ* надѣясь на свою силу и храбрость, далъ знакъ своимъ войскамъ ошановиться, и поскакалъ на встрѣчу *Вадиму*. Сей бунцовщикъ былъ безобразенъ лицомъ, великъ шломоу, и алость сверкала въ дикихъ глазахъ его; видъ его не устрашилъ *Вадима*, горящаго ревностію къ своему отечеству; онъ приближась, спрашивалъ у него, съ кѣмъ имѣетъ честь вступить въ единоборство. Славѣйшему *Худояру*, требователю Славянорусскаго престола, приносишь ты въ сей часъ голову свою въ воздаяніе твоей дерзости! отвѣчалъ онъ гордо, и напалъ на него съ люто-

и 5

стію,

стію. Слова его раздражили *Вадима*; онъ вмѣсто отвѣту устремился на него съ таковою яростію, что далъ ему множество ранъ, а особливо по шеѣ, прежде нежели успѣлъ онъ защититься. Подлый сей влодѣй, видя гибель свою неизбѣжною, обратился въ бѣгство, крича къ своимъ, чтооъ его не выдали. Тогда началось сраженіе. *Вадимъ*, оставя бѣгущаго подлеца, устремился всюду, гдѣ была опасность: присутствіе его и *Бурноево* разносили смерть и ужасъ. Выступившіе бунтовщики прогнаны были въ свой станъ, оставивъ множество мертвыхъ; и конечно бы въ сей день побѣда учинилась рѣшительною, естли бы возставшій вихрь и сильной дождь съ громомъ не остановилъ сраженія. *Русимъ* самъ былъ свидѣтелемъ, что побѣда сего дня зависѣла отъ храбрости *Вадима* и *Бурноева*; онъ собравъ всѣхъ Воеводъ, принесъ предъ ними благодарность самъ чужестранцамъ, и готовясь наутрѣ напасть на бунтовщиковъ, вручилъ *Вадиму* и *Бурноеву* два отряда легкой конницы въ подначальство. *Русимъ*, примѣчающій съ особливомъ вниманіемъ черты *Вадимовы*, можетъ быть находилъ въ нихъ нѣчто знакомое, и навелъ шѣмъ великое ему безпокойство; ибо Полководецъ сей былъ самой тошъ *Русимъ*, коего благосклонности *Вадимъ* получалъ въ Гарделинѣ

учи-

учителемъ своимъ *Урманя*. Съ самаго при-
бытія своего въ Славянорусские ополченіе,
опасался онъ быть отъ него познанъ; хотя
впрочемъ великодушіе сего престарѣлаго
Полководца избавляло его отъ всякаго пре-
дашельства. Побѣгъ *Вадимовъ* изъ Гарде-
лина, не причтенъ былъ отъ *Гардорика* въ
вину *Русиму*; и онъ пользуясь милостыи
своего Государя, получилъ главное начальство
надъ войсками противу *Худояра*.

Вадимъ, принеши благодарность свою
Русиму, удалился съ своимъ другомъ для по-
сѣщенія болящаго отъ ранъ *Семіра*. Оный
чрезвычайно беспокоился объ отсутствіи *Аре-
ны*, опасаясь, чтобъ не попала она въ
плѣнь къ *Худояру*, и отъ того, что не могъ
ошмистить сему злодѣю своему. *Вадимъ* хотя
зналъ о томъ, что она удалась съ *Но-
аномъ*, и не заключалъ изъ того полезнаго
для страсти *Семіровой*; но, не хотѣлъ та-
ковымъ извѣстіемъ огорчить еще болѣе сего
нещастнаго любовника. Онъ началъ было
ему рассказывать о сраженіи своемъ съ *Ху-
дояромъ*, желая тѣмъ его утѣшить; но
былъ позванъ къ *Русиму* обще съ *Бурнове-
мъ* для участствованія въ военномъ совѣтѣ
о разположеніи къ австрешнему на буншо-
вниковъ нападенію. Они простились съ *Се-
міромъ*, какъ бы чувствуя, что судьба го-
товитъ имъ долгую разлуку. *Вадимъ* хо-
те

ни отговаривался своею молодостию, подвизавшись сошвы и искусившимся въ ратныхъ подвигахъ военачальникамъ: но между тѣмъ замѣчанія его приводили всѣхъ въ удивленіе, и подозрѣнія *Русиновъ* умножались. Однако великодушный сей старикъ скрывалъ свои догадки, и отдавъ повелѣнія, разпустилъ Сошвы.

Между тѣмъ, какъ всѣ готовились къ наступающему сраженію, *Вадимъ* съ *Бурноемъ* размышлялъ объ опасности, коей подвергается онъ, находясь въ присутствіи челоѣка доволно ему знакомаго. Удаленіе отъ Славянскихъ войскъ представлялось имъ необходимымъ въ семъ случаѣ, естлибъ честь не обязывала *Вадима* искать *Арпада*, и удовлетворить вызову его на смертный поединокъ. Онъ не сомнѣвался, чтобъ столь храброй воинъ, каковъ былъ Князь Дакскій, провеждалъ въ праздности время свое въ *Хомоградѣ*, ожидая его тогда, какъ слава призывала его оказать мужество свое въ проиходящей войнѣ. *Бурноей* разсуждалъ, что *Арпаду* надлежало бы находиться при войскѣ Славянорусскаго Князя; потому что не дезя ему заключить, чтобъ *Вадимъ* присталъ къ той сторонѣ, гдѣ предстоить ему опасность быть познану и захвачену. Но какъ его шувъ они не нашли, заключили, хотя съ негодованіемъ, что надлежишь ему
на-

находиться на сторонѣ буншовщиковъ, и ожидали, не найдутъ ли они случая увидѣть его въ завтрешнемъ сраженіи.

По возхожденіи солнца рать Славяно-русская выступила и построилась къ нападенію. *Вадимъ* и *Бурновскій* находились тогда близъ *Русима* для принятія дальнѣйшихъ повелѣній, какъ трубачъ изъ непріятельскаго войска принесъ письмо къ военачальнику. *Русимъ*, читая оное про себя, въ лицѣ перемѣнился, и сдѣлавъ *Вадиму*, скавалъ: предложеніе *Худоярво* навлекаетъ на мнѣ великое затрудненіе; но честь моего опечесства требуетъ, чтобъ я согласился на его требованіе. Нашлись тамъ два богатыря, желающіе описшить вчерашнюю неудачу Обрскаго приводца, и выборъ упадаетъ на васъ съ *Бурновскимъ*. Увѣренъ я, что вы не пропустите сего случая къ умноженію вашей славы. — *Вадимъ* принявъ письмо и читая оное, долженъ былъ собрать всѣ силы, дабы не явилъ своего смятенія по слѣдующему оного содержанію:

Худояръ Русиму!

„Вчерашнее слабое защищеніе Обрскаго приводца не доказываетъ, чтобъ не было въ войскахъ моихъ богатырей храбрыхъ; прибыли ко мнѣ двое шаковыхъ, кои желаютъ доказать, что они не подобны Обрянину, и вызываютъ на поединокъ двухъ богатырей своихъ, *Вадима*, называющагося

Мс-

Мечеславъ, и *Бурноея*, коихъ видѣли и узнали въ прошедшемъ сраженіи. —

Что бы ни думали богатыри сія, сказалъ онъ, прочитавъ письмо, *Русику*; но *Мечеславъ* и *Бурноея* преданы поюзамъ твоего отечества и пріемають сей вызовъ. Онъ прочитавъ письмо въ карманъ, и не дожидаясь отвѣту на слова свои, поспѣвая съ *Бурноеемъ* на поле, раздѣляющее оба войска, сказавъ трубачу, чтобъ онъ поспѣшилъ извѣдомить вызывателей; что они ихъ ожидаютъ.

Противники *Вадима* и *Бурноея* вскорѣ появились. Славянскій Князь избралъ себѣ того, у коего на щитѣ изображена была бродящая въ пустыни овечка, отъ которой пастухъ прочь бѣжитъ, съ надписью: *Опытъ Славянской вѣрности*. Надпись сія увѣрила *Вадима*, что былъ то *Арпадъ*; онъ не вступая съ нимъ въ бой, называлъ его симъ именемъ, и требовалъ отъ него въ томъ признанія. Ты ошибаешься, отвѣчалъ незнакомой; но я не для разговоровъ сюда пріѣхалъ: одинъ изъ насъ долженъ лишиться жизни на мѣстѣ семъ. Послѣ сего начали они жестокое сраженіе. *Вадимъ* не имѣлъ еще никакихъ выгодъ надъ своимъ противникомъ, но *Бурноея* при первомъ сѣвѣ сбилъ съ коня своего непріятеля; и хотя имѣлъ случай пѣшаго удобно лишиться жи-

ви,

ни, однако шелъ самъ съ коня, и продолжалъ равный бой, обезоружилъ онаго, и повергши къ ногамъ своимъ, ожидалъ, что учинитъ *Вадимъ* съ своимъ противникомъ. Между тѣмъ *Вадимъ* и его спорникъ ударились на копьяхъ столь жестоко, что оныя переасилились и лошади подъ ними упали. Они сткочили, и начали сраженіе на сабляхъ пѣшіе. *Вадимъ* вскорѣ оказалъ превосходство силы своей, разрубивъ на немъ шлемъ, и отъ сего удара повергши его безчувственна къ ногамъ своимъ. Онъ хотѣлъ въ гибѣ своемъ лишить жизни своего побѣжденнаго, но не хотѣвъ осквернить оружія своего, взявъ его саблю, чтобъ отрубить онсю ему голову. Сколь велико было изумленіе его, когда онъ узналъ въ оружіи своего противника ту саблю свою, которая увезена была ночью у него въ спранѣ *Суслово*! Онъ опять подумалъ, что побѣжденный имъ есть *Арпадъ*, и для удовольствія отстегнулъ его шлемъ; но сильнѣйшій вострепеталъ, находя въ лицѣ незнакомаго сходство съ чертами возлюбленной своей *Брячиславы*. Онъ не зналъ еще, къ чему обратитъ заключеніе разбланныхъ своихъ мыслей, какъ *Бурновой* оставивъ безъ чувствъ лежащаго своего соперника, подшелъ къ нему уведомить, что онъ въ оружіи, отбывшѣ у его противника, нашелъ

съ

обвиненную въ Сусолахъ свою саблю. *Вадимъ* показывалъ ему свою, и разсматривая подробно черты лица своего побѣжденнаго, узналъ, что онъ былъ самой шотъ, котораго съ товарищемъ своимъ спасъ его жизнь при нападеніи на него и Сусольскую Княжну медвѣдей. Онъ подавъ руку своему счастливому противнику, и поднимая онаго, сказалъ: я стыжусь моей побѣды, что столь худо доказалъ благодарность избавителю моему, спасшему жизнь мою въ Сусолахъ. Примите свое оружіе, и удостойте меня открытіемъ вашего имени. Говоря сіе, подавалъ онъ ему собственную его саблю. О *Вадимъ*! отвѣчалъ побѣжденной, смотря съ жалосію въ глаза ему; непостоянный *Вадимъ*! какое сравненіе словъ твоихъ съ твоими поведеніями! — Удивленный *Вадимъ*, убеждалъ его сказать, по чему извѣстно ему его имя? — Увы! отвѣчалъ онъ, сколько былъ бы я счастливѣе, когда бы не зналъ онаго! Но по чему называете вы меня непостояннымъ? вопрошалъ *Вадимъ*. Для того, говорилъ сей, что ты измѣнилъ дому *Дексвалову*. О боги! вскричалъ огорченный *Вадимъ*; вы свидѣтели того, былъ ли я когда нибудь невѣренъ моей возлюбленной *Брякславъ*, или бы досадилъ въ чемъ дражайшему брату. ея *Арпаду*! — Заключи невѣрной, ты не можешь оправдаться! вскричалъ

казалъ съ гавномъ побѣжденной; чѣмъ ты до-
 кажешь то, что любишь еще поднести не-
 щастную *Брячиславу*? — Тѣмъ, что серд-
 це мое и по смерти ея носитъ въ себѣ
 любезное ея изображеніе; что хотя погибла
 она въ развалинахъ Геркуланы, но я сохра-
 ню по гробъ мой кляшвы къ сей нещастной
 моей обручницѣ; и что сердце мое не
 будетъ пылать никогда другою. *Вадимъ*,
 говоря сіе, пролилъ слезы и принудилъ къ
 тому же побѣжденного. Кто увѣрилъ тебя
 въ томъ. , сказалъ онъ, и прервалъ
 рѣчь, говорилъ: я докажу тебѣ *Вадимъ*, что
 ты истребилъ изъ сердца своего память не-
 щастной *Брячиславы*. — да! ошавчалъ *Ва-*
димъ твердымъ голосомъ, я ошдамся тогда
 въ твою волю, и позволю умершвишь себя,
 естли можешь ты это доказать. — Сей
 перстень, послѣдній залогъ ея памяти, могъ
 ли бы ты ошдать впрочѣмъ незнакомо-
 му? сказалъ побѣжденный, подавая ему
 оный. Сей ли опытъ вѣрности твоей?
 Прибавъ къ тому любовь къ Сусольской Княж-
 нѣ. ---- *Вадимъ* чрезмѣрно обрадовался, на-
 шедъ свой перстень, кошорый полагалъ на-
 вѣкъ утраченнымъ, цаловалъ оный съ вос-
 хищеніемъ, и возложивъ на руку свою,
 сказалъ: извини меня великодушный мой
 избавитель, что я ошикиаю у тебя пода-
 рокъ свой, ошданный тебѣ въ моемъ смя-

Часть II.

Ж

ше-

женіи, и по которомъ я пролилъ многіе слезы; возми въ замѣну все, что я имѣю . . . самую жизнь мою, есѣли нужна она твоему мщенію! Но не требуй вещи мнѣйшей мнѣ самого себя! знай при томъ вѣрный поборникъ моей возлюбленной, что Княжна Сусольская со всѣми своими дарованіями никогда не могла поколебать моего постоянства и вѣрности къ *Брячиславъ*. Случай меня принелъ подать ей помощь въ опасности жизни, и вы простое состраданіе, какъ я уповаю, сочли за мою къ ней склонность. — По семъ *Вадимъ* старался убѣдить сего незнакомаго открыть свое имя, и почему онъ такъ знакомъ покойной его *Брячиславъ*; однако побѣжденный отчалъ ему, что время и мѣсто не позволяють начать разговоръ довольно пространнѣй. Онъ просилъ *Вадима*, чтобъ онъ отвелъ его съ товарищемъ, побѣжденнымъ онъ *Бурноемъ*, къ Славянорусскому Полководцу, и испросилъ имъ у онаго безопасное мѣсто для излеченія отъ ранъ ихъ. *Вадимъ* обѣщавъ сіе, и помогъ ослабшему своему пѣшанику сѣсть на коня; чему подражалъ и *Бурноей* съ своимъ побѣжденнымъ, у коего лице во все то время есталося закрыто подъ шлемомъ.

Русимъ поздравлялъ своихъ богатырей съ новою побѣдою, когда оныя возвратились съ

съ плѣвниками, и унаеъ желаніе побѣди-
 желей, не токмо согласился объявить оныхъ
 свободными съ воинскаго на нихъ права,
 но и ошдаль въ тотъ же часъ повелѣніе пре-
 проводить оныхъ съ честію въ Хомерградъ
 подъ безопаснымъ прикрытіемъ. *Вадимъ*
 не пріятно было, что *Русимъ* назначилъ
 для побѣжденныхъ сихъ убѣжищемъ сиволи-
 цу его брата, отъ которой имѣлъ онъ
 причину удалиться; но не хотя утвердить
 сопротивленіемъ тому *Русимовы* догад-
 ки объ себѣ, благодарилъ его и отбѣхалъ
 къ своему мѣсту; ибо непріатели начали уже
 тогда выходить изъ своихъ укрѣплений. Онъ
 твердо заключилъ удовольствоваться своему лю-
 бопышству, во что бы то ему ни стало, и
 оставя войско Славянорусское, по окончаніи
 сраженія, слѣдовать съ *Бурновесемъ* въ Хо-
 мерградъ для сысканія богатырей, столько
 знакомыхъ возлюбленной его *Брячиславъ*. —

Дѣло опять доходитъ до сраженія, ко-
 торыхъ я не люблю, сказалъ *Изборъ*: и для
 того оставимъ слушать объ ономъ до завтра,

В Е Ч Е Р Ъ XVIII.

Нѣтъ нужды описывать подробности
 оного сраженія: сказать лишь нужно то,
 что разпораженіи *Русимовы*, храбрость Сла-

янскихъ войскъ, и особливо присущиіе
Вадима и *Бурноея*, пріобрѣли совершенную
 побѣду надъ бунтовщиками. Нашии Пече-
 неги, Половцы и Торки увидѣвъ, что *Ва-*
димъ разбиаѣ нѣдохранителей *Худояровыхъ*,
 обезоружилъ оного, и взявъ въ плѣнъ сво-
 ими руками, обратился всѣ въ бѣгство; а
 прочіе возмущишася защищая жизнь свою,
 до послѣдняго челоуѣка пали на мѣстѣ,
 такъ что ни одного плѣнника не взято бы-
 ло, кромѣ самаго *Худояра* и нѣсколькихъ
 Опробъ. *Русимъ* среди торжества своего и
 оказываемыхъ благодарностей соучастникамъ
 побѣды его *Вадиму* и *Бурноею*, не могъ
 скрыть заботъ своихъ: онъ узналъ, что
Вадимъ былъ точный братъ его Государя.
 По отпращиваніи вѣстниковъ къ *Гардорику* о
 совершенномъ разбитіи и взятіи въ плѣнъ
Худояра, и по разпораженіи къ истребленію
 остатка бунтовщиковъ, заставшихъ въ на-
 шихъ нѣкоторыхъ городахъ, призвалъ
 онъ *Вадима* для тайнаго переговора. Госу-
 дарь! сказалъ онъ оставшись съ нимъ на еди-
 нѣ: шщещно стараешесь вы сокрыть отъ
Русима свою высокую особу; я проникъ въ
 ваше таинство, и подъ именемъ *Мекислава*
 узналъ сына покойнаго моего Монарха. Слова
 его привели *Вадима* въ великое смѣшеніе; но
Русимъ ободряя его, сказалъ: не опасайтесь,
 Свѣтлѣйшій Князь усерднаго раба отечества;
Русимъ

Русимъ не въ состояніи заслуживать милости чрезъ предательство. Вы совершенно безопасны, пока тайна сія известна только ему одному. Однакожь позволяете ли въспро-сить васъ, какія причины приводятъ васъ въ державу враждующаго вамъ брата? Естьли ищете вы чрезъ возмущеніе опустить ему дѣшею престола: бѣгите! *Русимъ* вашъ первый врагъ. Но естьли и нечаянность, или усердіе привели васъ участвовать въ войнѣ сей: удалитесь изъ мѣста, гдѣ медленіе угрожаетъ вамъ гибелью. — О мой благодѣтель! истинный другъ отца моего! сказалъ *Вадимъ*, обнявъ *Русима*; своимъ примѣры и наставленіямъ, поселеннымъ шобою чрезъ *Урмана* въ юную мою душу, научили меня пренебрегать пользы собственныя, пріобрѣтаемыя со вредомъ отечества. Отнюдь ни мщенія, ни престола захотѣлъ я искать здѣсь; но обстоятельство, касавшіяся чести, привлекли меня сюда. Послѣ чего разсказавъ онъ ему всѣ свои приключенія со времени бѣгства своего изъ Гарделина. — *Русимъ* пролилъ слезы, видя сына прежняго своего и любимаго Государя, не имѣющаго убѣжища, гдѣ бы голову подклонить, и бродящаго по свѣшу. Удались отсюда дражайшая от-расль *Буривоева*, говорилъ онъ; я не могу подать тебѣ другихъ совѣтовъ. Братъ твой дѣшею не имѣешь, и рано, или поздно, единый ты престола его наследникъ; ибо вла-

столюбіе *Гардориково* понудило, забывъ родство, ослабнѣвъ несчастнаго *Гунигарда* брата сего послѣ твоего побѣга. Чего лучшего можешь ожидать и нынѣ? *Вадимъ* пролилъ слезы, и обнявъ *Русима*, простился съ нимъ, вознамѣрясь въ ту же ночь оставить воинской стани и отечество.

Пришедъ въ шатеръ къ другу своему *Бурноею*, рассказавъ оиъ разговоръ свой съ *Русимомъ*; они въ тотъ же часъ оставили воинской стани, и побѣжали, не простясь съ *Семіромъ*. Куда же обратимся мы? сказалъ *Бурноей*, когда они безъ всякаго еще намѣренія сѣдокали по дорогѣ въ *Хомоградъ*, *Дюбенной* другъ! оспѣчалъ *Вадимъ*; естъли намъ ужасаться опасностей, могущихъ встрѣтиться со мною въ столицѣ моего брата; мы лишимъ себя величайшаго удовольствія узнать, кто таковы побѣжденные нами рыцари. Не знаю, что чувствуете вы; но что касается до меня, я не могу преодолѣть желанія видѣться съ моимъ набавителемъ, котораго я послѣ побѣдилъ въ невѣденіи, и узнать отъ него, по какой причинѣ вступался оиъ столь жестоко за мою *Бряциславу*, и что принудило его вызвать меня на смертный поединокъ. Я намѣренъ препоручить себя волю боговъ, и искать сего рыцаря, хотя бы то было внутри чертоговъ моего брата. *Бурноей* признавался, что оиъ самъ не видавши въ

лице

лице побѣжденнаго имъ рыцаря, чувствуетъ тайное влекущее его къ нему побужденіе, и что равномѣрно желаетъ узнать, по какой причинѣ перемѣнилъ онъ въ Сусодахъ его саблю. И такъ шествовали они въ Хомградъ, взявъ только нужныя предосторожности, чтобъ безпрестанно слѣдующіе изъ войска въ столицу чиновники, узнавъ ихъ, не разгласили о ихъ славныхъ дѣлахъ въ бывшей войнѣ, и чрезъ то не довели слуху до самаго Князя, который послѣ того пожелаетъ ихъ увидѣть и можетъ быть наградишь. *Русимъ* хотя писалъ къ *Гардорику* о ихъ заслугахъ подъ именемъ незнакомыхъ богатырей; но обѣщалъ *Вадиму* донести послѣ, что они по окончаніи войны уѣхали куда неизвѣстно, отказавшись отъ всякихъ почестей.

Въ продолженіи пути ихъ, которой имѣли они по большей части ночью, *Бурноей* претерпѣлъ несчастіе отъ паденія коня своего, при чемъ вывихнулъ руку: и такъ принуждены они были остановиться въ нѣкоторой деревнѣ. Между тѣмъ, какъ болѣзнь *Бурноеево* удерживала его еще въ постелѣ, *Вадимъ* горящій нетерпѣливостію, вздумавъ уѣхать тайно, и развѣдавъ въ окрестныхъ мѣстахъ о искомыхъ рыцаряхъ, въ томъ же день назадъ возвратился. На сей конецъ не надѣавъ онъ своихъ лошадей, взявъ

Ж 4

шюкио саблю; и приказалъ *Бурноею*, когда онъ спросилъ объ немъ, сказать, что *Вихаль* онъ прогулялся. Разбѣжая по окрестностямъ и дѣлая бесполезные вопросы, удалился онъ столько, что принужденъ былъ на шемношю ночевать въ большомъ лѣсу, въ коемъ иѣкоторой *Славянорусской* сошникъ, ведущій новонабранныхъ въ воинскую службу, также разположился. Сей сошникъ, взглянувъ на *Вадима*, возпылалъ не ксашпи усердіемъ къ отечеству; видъ и ростъ сего *Князя* ему понравился, и онъ заключилъ взять его въ рядовые воины. Провѣдавъ, что онъ иностранецъ, началъ сей сошникъ ласкою уговаривать его о вступленіи въ *Славянорусскую* службу: но какъ *Вадимъ* отговаривался крайними нуждами, призывающими его въ *Хомоградъ*, сошникъ сей на него прогнѣвался и началъ принуждать къ тому силою. *Вадимъ* пришворился испугавшимся угрозъ его, и спрашивалъ, какое ремесло долженъ онъ отправлять учинясь *воиномъ*? --- Ты долженъ будешь людей убивать, отвѣчалъ искусной сошникъ. --- Убивать! вскричалъ онъ; да избавятъ меня отъ того бсги! Я слыхалъ, что эшо имъ противно. Пришомъ же нападаю на людей, можно подвергнуться быть самому отъ нихъ убиту. --- О! ты еще не служивалъ, скачалъ сошникъ, по тому такъ и судишь! ---

Не

Не правда, подхватилъ *Вадимъ*, я довольно
 саужилъ — Гдѣ? — Въ странѣ Ясской,
 между моему, доброму хлѣбопашцу; я слу-
 жилъ ему вѣрно вѣрнаго слуги. Сосланикъ
 разсвѣдывая таковой простотѣ его, началъ
 ободрять, и наконецъ принуждалъ учинить
 въ вѣрности присягу; но изъ продолженія
 словъ понявъ, что *Вадимъ* надъ нимъ
 шутишь, разсердился и обнаживъ саб-
 лю, грозилъ разрубить ему голову въ слу-
 чаѣ упрямства. Примѣтивъ то нѣкоторой
 изъ подчиненныхъ сосланиковыхъ, вздумалъ
 пострадать *Вадима*, и ударилъ его обна-
 женнымъ мечемъ плашию по головѣ; но *Ва-
 димъ*, не пріобыкшій къ таковымъ шуткамъ,
 отрубилъ ему руку. Нѣсколько воиновъ бро-
 сались ошмистить за своего товарища, но
 двое изъ оныхъ еще хуже встрѣчены, и
 обще съ начальникомъ своимъ обратились въ
 бѣгство. *Вадимъ* считалъ уже себя без-
 опаснымъ; но разставленные въ разныхъ мѣ-
 стахъ караульные, услышавъ шумъ, сбѣжа-
 лись, и взявъ его подъ стражу, отправили
 въ Хомоградъ подъ именемъ бунтов-
 щика, не взирая на оправданія его, и тре-
 бованіе, чтобъ представленъ былъ онъ на
 судъ Полковому Воеводѣ *Русику*. *Вадимъ*
 покорился своей участи, сожалея объ
 неосторожности своей и нестерпливости,
 принудившей его оставить больного своего
 друга.

Между тѣмъ *Бурноей* съ своей стороны заботился о участи *Вадимовой*; онъ не сомнѣвался, что приключилось ему какое нибудь несчастіе, безъ чего не могъ бы онъ его оставить. Чрезъ нѣсколько дней выздоровѣвъ, продолжалъ онъ развѣдываніе объ немъ безъ всякаго успѣха, и принужденъ былъ ѣхать въ *Хомоградъ*, уповая тамъ получить объ немъ извѣстіе. Онъ оставилъ въ томъ домѣ, гдѣ лежалъ боленъ, *Вадимову* броню, приказавъ объявить ему, еслили онъ пріѣдетъ, чтобъ искалъ его въ столичномъ городѣ. Продолжая путь свой, достигъ онъ *Хомограда*, но на первой заставѣ удержанъ былъ стражею въ разсужденіи того, что ѣхалъ онъ въ полномъ вооруженіи. Начальникъ заставы спрашивалъ у него притомъ: для чего осмѣлился онъ, претрѣвъ запрещеніе вѣѣзжать въ столицу въ полной бронѣ? Я чужестранецъ, отвѣчалъ *Бурноей*, уставовъ вашихъ не знаю, но и не воображалъ, чтобъ въ каковомъ либо мѣстѣ на свѣтѣ странствующіе богатыри принуждались скидать броню противу своего желанія. — Есть тому причины, отвѣчалъ начальникъ; много лазутчиковъ, посланныхъ отъ *Худояра*, пойманы были въ столицѣ, скрывавшихся подъ одѣянтемъ странствующихъ богатырей. — Но по крайней мѣрѣ, говорилъ *Бурноей*, нѣтъ уже

нужды имѣть сію предосторожность, когда самъ *Худояръ* пойманъ и всѣ сообщники его истреблены. Я исполняю, что приказано, сказалъ начальникъ, и понуждалъ *Бурноева* снять броню и оружіе, если не хочешь принужденъ быть къ тому силою. *Бурноев*, не желая подвергнуться такому стыду, хотѣлъ возвратиться назадъ; но умноживъ тѣмъ подозрѣніе, былъ окруженъ стражею. Раздраженный такимъ насильствомъ *Бурноев* началъ обороняться, и переранивъ многихъ, принужденъ былъ уступить превосходной силѣ; онъ обезоруженъ, и отведенъ, какъ Государственной преступникъ, подъ караулъ въ крѣпкую башню.

Въ продолженіи времени, какъ два друга въ неизвестности съ участи своей сидѣли въ темницѣ: *Русиѣ* торжествующій вошелъ въ Хомоградъ, ведя съ собою во узахъ пойманнаго *Худояра*. Между тѣмъ, какъ приготовлялись къ празднованію побѣды и къ казни сего страшнаго бунтовщика: усердный *Урманъ*, забывъ собственную опасность, и извѣстясь *Вадимовымъ* письмомъ, шествовалъ за нимъ въ слѣдъ въ области *Гардоптовѣ*. Онъ слышалъ, что два чужестранныхъ богатыря чрезмѣрно прославились въ прошедшей войнѣ, и зналъ по описаніямъ, что была то *Вадимъ* съ *Бурноевымъ*; но не вѣдалъ, куда они удалились. Развѣдывая
въ

въ Хомоградѣ, узналъ онъ также, что двѣ чужестранца содержатся подѣ карауломъ въ тюрьмы по подозрѣнію въ участіи съ бунтовщикомъ: сіе причинило ему несконнмую печаль и опасность для жизни *Вадимовой*. Не смѣлъ онъ приближиться къ шенницамъ, гдѣ оныя содержались для удосто-вѣренія себя въ томъ, опасаясь больше не-нестъ подозрѣніе. Размышляя, что ему на-чать въ семъ случаѣ, заключилъ онъ раз-нестъ слухъ о смерти *Вадимовой*, полагая, что оный избавитъ его Княжича отъ опас-ности, въ случаѣ, когда онъ въ числѣ чуже-спранцевъ, содержащихся подѣ сраженію. Легко ему будетъ оправдаться въ сообщни-чествѣ съ бунтовщикомъ, думалъ онъ, ко-гда только не узнаютъ больше. Выдумка сія казалась ему полезна и въ другомъ ви-дѣ къ полученію *Вадимовыхъ* пребываній о наследіи его; ибо удобнѣе будетъ пред-принимать способы прошиву *Гардорики*, обезпеченнаго слухомъ о смерти бранней. Въ семъ намѣреніи сочинилъ онъ грамоту отъ имени *Вадимова* къ его царствующему брату, которую будто бы писалъ онъ изъ Дакіи, умирая отъ раны, полученной на сра-женіи съ Римлянами; въ оной прощаъ ему всѣ тоненія, принудившія его сспранствоваться по свѣшу, избѣжавъ изъ заоченія, и про-силъ, чшобъ хотя по смерти возвращалъ къ не-

ему брашнаю любовь. *Урманъ* не имѣлъ при-
 чины опасаться, чтобъ сомнѣвались въ по-
 деркѣ руки *Вадимовой*, когда она и ко-
 му въ отечествѣ его не была извѣстна.
 Съ сею грамошою требовалъ онъ, чтобъ
 представили его предъ *Русима*; въ чемъ и
 не имѣлъ затрудненія въ разсужденіи важно-
 сти принесеннаго имъ извѣстія. *Русимъ*
 выслушавъ его, и принявъ грамошу, какъ
 легко догадаться, счелъ *Урмана* за обман-
 щика; онъ не узналъ его, пошому что
 лѣша перемѣнили весь видъ его. Однакожъ
 онаясь выводилъ ложь его, дабы не оп-
 крылось каковымъ либо образомъ то, что
Вадимъ находился въ войскахъ подъ его на-
 чальствомъ, скрылъ свои мысли, повелъ *Ур-*
мана во дворецъ и представилъ *Гардорику*.
 Сей Государь, выслушавъ *Урмана* и про-
 читавъ грамошу, оказалъ великую въ лицѣ
 своемъ печаль о мнимой смерти *Вадимовой*.
 Раскаяніе ли въ томъ дѣйствовало, или
 хитрость, но онъ признавался въ несправед-
 ливости своей противу брата, называлъ се-
 бя его убійцею, и повелѣвъ наградить *Ур-*
мана, удалился во внутренніе чертоги оп-
 лакивать кончину его, или можешь быть
 радоваться, что избавился опаснаго совѣ-
 щника своему престолу. *Урманъ* догады-
 вался съ своей стороны, что *Гардорику* не
 легко могъ бы положиться на слова незна-
 комаго

когого, если бы слухъ о смерти *Вадимовой* не былъ ему полезенъ для прекращенія всякихъ возмущеній, кои съ сей стороны могли бы приключиться отъ нѣкото-рыхъ недовольныхъ людей подъ видомъ защищенія права *Вадимова*; однакожь *Урманъ* опасался, чтобъ Князь не повелѣлъ его взять тайно и чрезъ мученіе удостовѣриться въ истиннѣ; и для того отказавшись отъ награжденія, скрылся.

Печали владѣющихъ Государей по своимъ умершимъ братьямъ рѣдко бывають здоровью ихъ опасны; по крайней мѣрѣ *Гардорикъ* чрезъ три дни появился къ своимъ вельможамъ, и объявилъ повелѣніе прежде торжества о побѣдѣ казнить *Худояра*, а по томъ спрavitъ Тризну (•) въ память покойнаго брата своего *Вадима*. Онъ повелѣлъ двумъ чужестраннымъ богатырямъ сражаться о смерти и свободѣ надъ моги-
лою

(•) Тризны отправлялись у Славянъ въ память умершихъ, съ великимъ торжествомъ приносимы были тогда жертвы; народъ угощаемъ былъ чрезъ три дни довольствомъ снѣдей и напишковъ; что можетъ быть и названіе Тризны въ разсужденіи трехъ дней произвело. При Тризнахъ въ память великихъ особъ заставляли плѣнныхъ, или на смерть осужденныхъ, биться о смерти и свободѣ по подобію Римскихъ Гладіаторовъ.

кою, которая будетъ учинена въ память *Вадимову*. Приготовленія сдѣланы, и *Вадиму* съ *Бурновесемъ* въ шожь время объявлено, что имѣють они на Тризнахъ, учреждаемыхъ въ память брата Княжяго *Вадима* битися, и что побѣдитель получитъ вольность, а побѣжденный будетъ казненъ. *Вадимъ* съ *Бурновесемъ* сидѣли въ разныхъ башняхъ: и по тому не вѣдали, съ кѣмъ они должны сражаться. Легко вообразить, сколько удивленъ былъ самъ *Вадимъ*, что судьба принуждаетъ его заступитъ мѣсто ратобульца на Тризнахъ, въ собственную честь его учреждаемыхъ. Не посяшно казалось ему; какимъ образомъ разнесся слухъ о его смерти; однако принужденъ былъ покориться своей участи, и въ молчаніи готовится пріобрѣсть жизнь свою чрезъ свою храбрость.

Опредѣленный день насталъ, *Вадимъ* получилъ полное вооруженіе и коня, и выведенъ былъ за городъ къ высокому холму, прозываемому Броница (*), подъ присмотромъ

(*) Холмъ Броница, насыпанъ въ память богатыря Славянскаго Тугоркана, и уставленъ былъ весь бронею, или лапами побѣжденных имъ богатырей; отъ чего и названіе получилъ. О чемъ смотри обстоятельное описаніе въ пятой части Русскихъ Сказокъ, съ листа 154.

ромъ сѣа вооруженныхъ всадниковъ; противникъ его также находился на другой сторонѣ подъ своею стражею, и какъ лица ихъ прикрыты были шеломами, не могли они узнать другъ друга. Въ память *Вадимову* близъ холма устроено было великолѣпное надгробіе. По принесеніи жершвъ Чернобогу, и между тѣмъ, какъ устроали столы для пиршества народнаго, при коемъ присутствовалъ самъ *Гардорикъ*, данъ былъ знакъ къ началу сраженія между *Вадимомъ* и *Бурновемъ*. Провождавшая ихъ стража, сдѣлала изъ себя обширный кругъ; а Князь Славянской съ *Русимомъ* и прочими вельможами взошли на холмъ для удобнѣйшаго смотрѣнія.

Такимъ образомъ сѣи два вѣрные друга не зная, начали между собою смертельную поединскъ. Они разбѣжавшись ударились копьями сполъ жестоко, что оныя на нѣсколько опломковъ разлетѣлись, и не причинивъ другъ другу вреда, но съ тою разнотою, что *Вадимъ* усидѣлъ неподвижно, а *Бурновей* едва въ сѣдлѣ удержался. Надлежало имъ докончатъ поединекъ свой на сабляхъ; но чрезъ долгое время сражался, ни кто изъ нихъ не получилъ ни одной раны. Наконецъ удалось *Вадиму* уловить слегка руку своего противника, но въ самое то время конь упавши подъ нимъ, придавилъ

внѣ ему ногу. Прощивникъ *Вадимовъ* не воспользовался сею выгодною, и вмѣсто пораженія его въ случаѣ, когда дѣло шло о жизни и смерти, явилъ опытъ безпримѣрнаго великодушія; онъ сскочилъ съ коня своего, и помогъ непріятелю высвободиться. Они постылавъ нѣсколько, начали производить рубку пѣшіе. Щастіе перешло на сторону *Вадимову*; онъ ударилъ прошивника своего по головѣ столь жестоко, что хотя не прорубилъ шелома, но онъ зашатавшись упалъ. *Вадимъ*, не хотя непріятелю своему уступить въ великодушіи, подскочилъ, подавъ ему руку и помогъ встать. Поступокъ таковой удивилъ всѣхъ зрителей, а не менѣе и самого *Бурноева*. Храбрый богатырь! сказалъ онъ *Вадиму*: великодушіе ваше меня обезоруживаетъ; я лучше готовъ принять опредѣленную казнь, чѣмъ нападать на мужа рѣдкихъ добродѣтелей, и признаю себя побѣжденнымъ — Не успѣлъ онъ докончать словъ своихъ, *Вадимъ* узналъ по голосу своего друга, бросилъ саблю, и обнявъ его, вскричалъ: *Бурноей*! при немилосердную судьбу, принуждающую насъ покушаться на жизнь взаимно намъ драгоцѣнную. Но прежде пусть я умиру растерзанъ всѣми мученіями, нежели удовлетворю безчеловѣчной волѣ Славянскаго Князя. — О любимый другъ! вскричалъ *Бурноей*; жестокъ при-

Часть II. 3 го-

говѣрь, для насъ изреченный, но не исполнился оный надъ нами другомъ! Когда неблагодарная страна сія назначила одному изъ насъ смерть, вмѣсто лавръ, пріобрѣтенныхъ нашими заслугами: *Бурноей* охотно умреть за своего друга. — Да! подхватилъ *Вадимъ*, естли бы я столь подлѣ былъ, чтебъ могъ принять сію жертву. Спупай небезнѣй *Бурноей*, возвратись къ своей возлюбленной *Озанѣ*; ты долженъ для нее сохранить дни твои. А я . . . я избираю смерть! ниѣ не на чемъ убѣгать оной, когда иѣтъ уже на свѣтѣ моей возлюбленной *Бряхиславы*. — Но вѣдаешь ли ты (говорилъ *Бурноей*, снявъ шлемъ свой), что не допуская насъ сего исполнишь, хотя бы я и согласился на твоѣ безравсудное требованіе, которыми обижаешь ты своего друга? умремъ вмѣстѣ, когда такъ должно, когда я знаю, что не уступлю ты миѣ сей славы, умереть за себя. — Умеремъ! вскричалъ *Вадимъ*, сорвавъ шлемъ съ себя. Они готовились дать другъ другу смертельные удары, какъ изреди народа просшерлись къ нимъ два голоса, остановившіе ихъ страшное намѣреніе. Удержись для *Бряхиславы*! удержись для *Озаны*! кричали оныя. Два друга остановились въ изумленіи, не вѣдая, кто были иѣтъ, коимъ извѣстны имена ихъ возлюбленныхъ; они вспомнили о побѣжденныхъ вицаряхъ; не сомнѣвались, чтебъ не оныя бы-

были то, и искали оныхъ бесполезно среди
 народа. Между тѣмъ, когда сражаю-
 щіеся открыли лица свои, нѣкоторые изъ
 чиновниковъ, бывшихъ на послѣднемъ побѣ-
 щѣ противу бунтовщиковъ, узнали знато-
 ковъ Славянской побѣды, и начали кри-
 чать: удержи, *Гардорики*, свое несправосудіе!
 Ты своихъ защитниковъ на смерть осуж-
 даешь! Народъ, готовый всему послѣдовать,
 повторялъ сіи восклицанія, и всякъ крича
 несправосудіе! готовъ былъ бунтовать, не
 вѣдая причины. Споръ сражавшихся, сопро-
 вождаемый дружескими обниманіями, обра-
 щалъ давно уже вниманіе Государя Славян-
 скаго; но при восклицаніи народномъ немед-
 ленно послалъ онъ *Руска* узнать о произ-
 ходящемъ. Сей престарѣлый воинъ спѣ-
 шилъ въ кругъ, взглянулъ и узналъ *Вадима*
 и *Бурноея*; объявши сихъ героевъ, повелъ
 онъ ихъ къ Славянскому Князю, и шествуя
 успѣлъ сказать *Вадиму* на ухо: не опасай-
 шесь! васъ считаютъ мертвыми. *Вадимъ*,
 приведенный сперва въ смятеніе обо-
 дрился, и шествовалъ предъ собой своему
 брату и гонителю. — Возблагодаримъ
 боговъ, Великій Государь! сказалъ *Рускъ*,
 удержавшихъ приключеніе, имѣвшее покрыть
 насъ вѣчнымъ стыдомъ. *Мечиславъ* и *Бур-*
ноея въ невѣденіи осуждены были по не-
 основательному подозрѣнію: я представлялъ

уже Вашему Величеству, что ихъ храбростію приобрѣтена побѣда надъ *Худояромъ*. — Вотъ! какая неосторожность! вскричалъ *Гардорикъ*, вскочивъ съ своихъ креселъ, и бросясь, нуснился въ великія извиненіи предъ *Вадимомъ* и *Вурновесомъ*. Онъ обѣщаль имъ золотыя горы, сулилъ всѣ важныя чины въ своемъ государствѣ, и окончилъ, прося у нихъ прощеніи. Великій Государь! сказалъ къ нему *Вадимъ*; приключеніе наше есть воля своеправной играющей надъ нами судьбины, и мы не можемъ обвинять себя въ несправосудіи по нечаянному случаю; не можемъ также принять милостей тобою намъ предлагаемыхъ. Мы служимъ не изъ плахи, каковаго бы рода она ни была слава, наше награжденіе. Храбрый *Русимъ* свидѣтель того, что мы отказались отъ почестей. Не хотѣли мы и тебя, Государь, отягощать изреченіями благодарностей; но когда случай удержалъ насъ поспѣвающихъ въ Винету для сдержанія честнаго богатырскаго слова, просимъ у тебя сей милости, чтобъ позволишь намъ сей часъ отъѣхать, дабы не почли насъ обманщиками. — *Гардорикъ* удивился таковому безкорыстію, и удерживалъ ихъ учтивыми прощаніями, чтобъ они остановились хотя до окончанія Тризны, отправляемыхъ въ память его брата. — Мы желаемъ вѣчнаго блажен-

женства Вашему Съшлѣйшему брату (сказалъ *Бурноей*, разумѣя причины, побуждающія друга его поспѣшить изъ областей Славянскихъ); но сочтемъ за множайшую милость, когда снабдивъ насъ оружіемъ и конями, позволите сей часъ предпринять намъ необходимый путь нашъ. *Русикъ* съ своей стороны шепнулъ Князю, что неблагоприсойно прошившись желанію ихъ, когда уже прошедшаго возвратиться не дая; онъ обѣщалъ своему Князю рассказать и причину, понуждающую ихъ спѣшить въ Винету. *Гардорикъ*, оказавъ великое сожалѣніе, согласился уступить ихъ волѣ; онъ снялъ съ себя золотую цѣпь, и надѣлъ оную на *Вадима*, а *Бурноею* подарилъ великой цѣпы съ руки своей перстень, и повелѣлъ *Русику*, удовлетворяя всѣмъ ихъ желаніямъ, проводить ихъ съ честью. Заботливый *Русикъ*, ускорилъ прощеніемъ, и оставивъ празднество, препроводилъ ихъ въ домъ свой. — —

Это очень забавно, сказалъ *Изборъ*, что *Вадимъ* самъ выходилъ биться въ честь Тризнь, для него же учрежденныхъ. Можно смѣяться, подхватилъ *Славомиръ*, слушая несчастія другаго; но другое обстоятельство, когда самому оныя сносить. Мнѣ кажется, продолжалъ онъ, полезнѣе еще и забавнаго завлекать изъ сей повѣсти приниръ, что несчастіями другихъ шумить не должно,

Исѣда и самыя для престола рожденныя особы не могутъ быть отъ оныхъ безопасны. Старики сей готевъ былъ продолживъ свои замѣчанія, и по обыкновенію своему обратишь оныя въ нравоученія для юнаго Государя: но *Изборъ* смѣкнувши, куда дѣло клонится, ускорилъ удаленіемъ во внутренніе чертоги свои.

В Е Ч Е Р Ъ XIX.

Должно, чтобъ боги покровительствова-
ли васъ, сказалъ *Русикъ Вадиму*, когда
остались они съ нимъ на единѣ; ибо въ
недавномъ времени неизвѣстный человѣкъ
разнесъ здѣсь слухъ объ вашей смерти. Слухъ
сей испребилъ всякія опасенія съ стороны
вашего брата, и онъ принявъ оный за истин-
ный, ошмѣиваѣ повелѣніе свое, по кѣморо-
му брали подѣ стражу всѣхъ чужестранныхъ
богатырей. Не сомнѣваюсь, что и вы по-
палась въ темницу шаковымъ же образомъ,
но удивляюсь; что до сего часа не зналъ я
объ томъ, считалъ, что вы уже давно оспа-
вили области Славянорускія. *Вадимъ* и *Бурно-
сей* рассказали ему приключеніе свое съ ошѣ-
вѣду наъ главнаго войска. — Хотя чуже-
стран-

Странцы, продолжалъ *Вадимъ*, осуждались
здѣсь въ темницу и на споръ о жизни и смер-
ти, такъ какъ мы; но уповаю, что побѣ-
жденные нами и освобожденные по вашему
великодушію богатыри, избѣгли сего неща-
стія: пошѣму что во время поединку на-
шего слышали мы голосъ ихъ среди народа.
Послѣ сего просилъ онъ *Русима*, чтобъ сіи
богатыри чрезъ вѣрныхъ его служителей бы-
ли сысканы и приглашены въ домъ къ нему.
Русимъ, исполняя по ихъ желанію, поспѣ-
шалъ отправленіемъ ихъ изъ Хомограда, гдѣ со
всемъ тѣмъ пребываніе *Вадимово* было не
безъ опасности. Между тѣмъ, какъ снабдилъ
онъ ихъ добрымъ вооруженіемъ и лучшими
конями съ Княжей конюшни: предстали и
означенные богатыри. *Вадимъ*, бросился съ
разпростертыми руками къ тому, коего онъ
побѣдилъ, и возобновивъ благодарность за
спасеніе жизни своей отъ него въ Сусолахъ,
просилъ о удовольствованіи его желанія, по
чему извѣстна ему возлюбленная его *Брячи-
слава* и перстень, коимъ онъ съ нею обручал-
ся? Требованіе ваше не составляетъ для ме-
ня шайны, отвѣчалъ сей молодой и прекра-
сной богатырь: но скажите мнѣ прежде,
какое удовольствіе находите вы говорить о
такой особѣ, которую время, хотя не очень
долгое, истребило изъ вашей памяти? —
Возможноль, вскричалъ *Вадимъ*; чтобъ ко-
гда

гда нибудь сердце и мысли мои могли быть къ тому удобны! Я не нарушалъ клятвъ моихъ, и до конца дней моихъ не нарушу къ моей возлюбленной *Брячиславъ*. Память ея навѣкъ пребудетъ утѣшеніемъ и горестію моей несчастной жизни. — Вы принуждаете меня вновь уличить васъ, что память ваша съ словами вашими несогласна. — Какъ? — Черты *Брячиславны* вамъ уже неизвѣстны. — Мнѣ? сказалъ *Вадимъ*, устремляя взоры свои на незнакомаго; боги! продолжалъ онъ шепеча во всѣхъ членахъ; твои слова. . . переодѣаніе. . . Ахъ, еслии можешь быть чудо! Одна мысль сія можешь умертвить меня радостію. . . Но нѣтъ столько щастія, не для *Вадима*. — Онъ схватилъ незнакомаго за руки, цаловалъ оныя, показывая на свое сердце, и не могъ выговорить ни слова. Состояніе его смягчило незнакомаго: струи слезъ потекли по румянымъ щекамъ его, и по симъ движеніямъ *Вадимъ* узналъ свою *Брячиславу*. Любезная! . . . вскричалъ онъ, и бросясь къ ней лишился чувствъ. *Бурновей* не въ лучшемъ *Вадимова* находился состояніи; ибо рассматривая другаго богатыря, позналъ въ немъ свою дражайшую *Озану*, кою считалъ въ Васшаринѣ, подверженную гоненіямъ ея непріятелей; онъ стоялъ предъ нею на колѣнахъ, между тѣмъ какъ *Русимъ* подавалъ помощь безчувственнымъ, *Вадиму* и его возлюбленной, Возможно ли, прекрасная *Оза-*

Озана! чтобъ несчастной *Бурновой*, говорилъ онъ, могъ повѣрить глазамъ своимъ? Не мечту ли вижу я? — Нѣтъ, мой возлюбленный! отаѣчала она; *Озана* нѣкогда учинила васъ несчастнымъ противу воли своей; но постоянная ея къ вамъ любовь, изгнавъ изъ отечества, принудила странствовать по слѣдамъ вашимъ для изгнанія изъ сердца вашего сомнѣнiя. — Чета сихъ любовниковъ предавалась своему восхищенiю, и дѣлала другъ другу тысячу вопросовъ до объясненiя ихъ приключенiй; между тѣмъ какъ старанiя *Русмо-ви* привели въ память *Вадима* и *Брячиславу*. *Вадимъ* не вѣрилъ глазамъ своимъ; спрашивалъ у всѣхъ, не спитъ ли онъ, и наконецъ наговорилъ множество словъ содержащихъ въ себѣ много радости и страха и не имѣющихъ связи. Восторги его никогда бы не кончились, еслибы *Рускъ* не припомнулъ, что онъ находится еще въ столицѣ своего брата. Для предупрежденiя всякихъ затрудненiй приказалъ онъ изготовить все нужное къ путешествiю и для новыхъ ихъ поварихъ: нѣсколько невольниковъ держали осѣданныхъ коней, и готовы были исполнять ихъ повелѣнiя. *Рускъ* прощаясь, повторялъ *Вадиму* свои совѣты, чтобъ онъ ожидалъ отъ времени перемѣны своей участи, и не забывалъ бы, что выгоды собственныя не должны быть предпочтены выгодамъ отечества.

Такимъ образомъ оставили они Хомоградъ; чрезъ чешыре дни находились уже въ предѣлахъ Варягъ и твердо вознамѣрились шествовать ко Двору Готфскому: хотя совѣты *Русиковы* вложили великодушное заключеніе въ сердце *Вадимово*, не искать помощи для приобрѣтенія оружіемъ своего наслѣдія, но надлежало ему странствовать для приобрѣтенія безопаснаго мѣста, гдѣ бы можно было прожить до тѣхъ поръ, пока бори переимѣнятъ участь его. *Вурковей* нашедъ свою *Озану*, считалъ себя довольнѣе всѣхъ на свѣтѣ, и не хотѣлъ разлучиться съ своимъ другомъ. Они рассказывали своимъ любовницамъ приключившееся съ ними во время разлуки. *Брячислава* чрезмѣрно обрадовалась, узнавъ, что братъ ея въ живыхъ находится. Но какъ до сего времени *Вадимъ* предавался еще токмо восхищенію, которое не допускало его полюбопытствовать, какимъ образомъ возлюбленная его спаслась при гибели Геркуланы; онъ просилъ ее рассказать о своихъ приключеніяхъ, въ чемъ и удовольствовалась она его слѣдующимъ образомъ.

Повѣствованіе Брячиславы.

Нѣтъ нужды описывать мнѣ то странное происшествіе, во время котораго мы разлучились, а съ котораго времени вы, любезный *Вадимъ*, нѣли причину считать меня

на

ня жертвою. Сильные удары землетрясенія, начавшіе разрушать зданія, принудили меня, какъ и многихъ другихъ, бѣжать изъ города. Едва успѣвъ я сѣсть на коня приготовленнаго служителями *Публия Іовиніана*, и выскакать изъ воротъ, какъ домъ сего Римлянина обрушился. Рытвая на городъ встрѣтилась я съ самымъ *Публиемъ*, возвращавшимся съ окоты, на приключившейся ему головою болѣзнію. Увѣдомила я его объ разрушеніи его дому и опасности медлить въ городъ: почему онъ пославъ служителя своего къ вамъ, любезный *Вадимъ*, увѣдожить васъ о нашемъ убѣжищѣ, которое рѣшились мы взять на корабль, приготовленный для нашего отбѣда, мы поскакали къ морской пристани; но не успѣвъ еще двухъ сотъ сажень отлѣхавъ, оглянувшись съ ужасомъ были свидѣтелями, какъ посланный къ вамъ служитель сылъ пожранъ развращающею землею. Когда достигли мы корабля, и сѣли на оной, море начало столь жестоко волноваться, что принуждено было отрубить якорь, дабы удалиться отъ береговъ. Въспрѣ понесъ насъ въ открытое море; и сколь ни удалены мы были отъ Геркуланы, но могли видѣть погибель оной, послѣдовавшую отъ огненнаго изверженія Везувія. Не нужно описывать вамъ тогдашнее мое отчаяніе, когда представлялась мнѣ опасность моего возлюбленнаго *Вадима*: онъ находился въ подобныхъ же

ннѣ заботахъ, легко по себѣ представити
 можешь. Насупившая ночь и умножившая-
 ся буря довершила шрепещъ нашъ: не оста-
 лось намъ надежды къ спасенію на корабль,
 носимомъ по волѣ вѣтровъ безъ управленія,
 и въ морѣ, наполненномъ подводными камня-
 ми; ибо кормило было ошорвано и вѣтри-
 ла оборваны. Наконецъ совершилась наша
 участь; корабль разбило объ камень. Не
 внаю, что послѣдовало съ великодушнымъ
Публиемъ и прочими; ибо я сама опемни-
 лась надъ вечеръ другого дня, бывъ извер-
 жена на ошломкѣ корабля на берегахъ Кам-
 панскихъ, въ разстояніи отъ Геркуланы
 верстъ пятидесяти. Соспращавельные земле-
 дѣльцы, считая меня по мужскому одѣянію
 за Римлянина, взяли меня въ свои хижины,
 и старались возстановить истощенныя мо-
 тилы. Повѣствованія ихъ о совершенной по-
 тибели Геркуланы умножили печаль мою;
 по тому что я опчала въ вашемъ, любез-
 ный *Вадимъ*, спасеніи. Все то соединясь, по-
 вергло меня въ болѣзнь, продолжавшуюся дѣ-
 недѣли. По выздоровленіи моемъ старалась я
 чрезъ моихъ благодѣтелей достать себѣ коня и
 полное вооруженіе, заключивъ, что въ одѣ-
 яніи странствующаго богатыря безопасности
 могу продолжать пушъ и поиски мои; остав-
 шіеся у меня дорогіе камни, которые вру-
 чили вы мнѣ отбѣжая на охоту, облегчили
 мое желаніе. Первое мое стараніе состояло
 въ

въ развѣданіи объ васѣ (говорила *Брячислава Вадимъ*): я прибыла къ тому мѣсту, гдѣ стояла цѣпущая Геркулана, и видѣла шокмо черную гору курящихся еще камней въ пеплу. Всѣ окрестности ея, по которымъ я развѣдывая объ васѣ, прѣзжала, показывали остатки всеобщаго пожару: земля представлялась обнаженною, и опаленными деревья не нѣли на себѣ листь. Оставшіеся въ живыхъ жители разбѣжались въ разные мѣста; а нрѣдка встрѣчавшіеся со мною не могли мнѣ подать ни малаго объ васѣ извѣстія. Куда мнѣ было прибѣгнутьъ опричь моего отечества! И въ оное направилъ я пушъ мой, проливая слезы объ мой уронѣ. Щастіе опредѣлило подать мнѣ облегченіе въ печали избраніемъ самаго того пути, по которому слѣдовалъ возлюбленный мой *Вадимъ*; описанія, сдѣланныя отъ видѣвшихъ его, и вопросы его у нихъ о *Брячиславѣ*, убѣрили меня, что онъ не шокмо живъ, но и слѣдуетъ въ Дакію. Такимъ образомъ поспѣшала я въ мое отечество, расспрашивая всюду о пробѣжавшемъ богатырѣ *Вадимѣ*, и находились уже въ странѣ *Вастарновъ* — Ахъ! я припомнилъ теперь, сказалъ *Вадимъ*, обращаясь къ *Озанѣ*, что я слышалъ отъ васъ о пробѣжавшемъ богатырѣ, спрашивавшемъ обо мнѣ вашего брата! безъ сомнѣнія была то моя возлюбленная *Бря-*
чк-

Кислава. Сколько бы печалей избѣгъ я, если бы судьба моя позволила съ вами повстрѣчаться! Не увѣрился бы я въ ея смерти и не подавъ бы ей причины къ несправедливымъ подозрѣніямъ о моемъ послолствѣ. — **Брячислава** истребила сіе горькое замѣчаніе своего возлюбленнаго ибжнѣимъ подалуемъ, и продолжала повѣсть свою. — Страна, кою я пробѣжала, была тогда опаснѣе, нежели обыкновенно для странственниковъ и Вязарны, повсегда склонныя къ грабежамъ, возгордись ибжнѣимъ успѣхами въ войнѣ противу Риллянъ, вышли изъ повиновенія къ своимъ начальникамъ, и разбѣгавшись всюду, производили по всѣмъ дорогамъ страшные разбои. Я по несчастію впала къ нимъ въ руки, и не сочтя за полезное обороняться противу множества, была плѣнена; и по приведеніи къ Меонискому морю обще съ другими плѣнниками, продана Фракійскому купцу, торгующему невольниками. Новой господинъ мой, не вѣдая объ моемъ полѣ, повезъ меня въ Средиземное море, надѣясь продажей Грекамъ получить за меня хорошую прибыль; однако возставшая буря отнесла корабль его къ Сирійскимъ берегамъ. Трипольскій разбойникъ набѣжалъ на насъ тогда, какъ по утишеніи бури намѣренныя были возвратиться къ Греческимъ островамъ; произошло жестокое сраженіе. Я не
маз

надѣясь лучшаго со мною поступка отъ варваровъ, чѣмъ отъ фракійца, выдумала оказывать помощь послѣднему, уповавъ, что въ случаѣ удачи можешь быть подвигну на него къ великодушію и получи отъ него свободу. Въ семь намѣреній уговорила я къ тому многихъ Славянъ, сидѣвшихъ со мною въ нижней части корабля подъ карауломъ: мы разломали двери, ошнали у приставовъ нашихъ сабли, и пробравшись въ запасную оружейную, всѣ бѣжали вооружась на помощь нашему господину. Фракіянецъ пришелъ въ смѣшеніе, нашедъ себя между двухъ непріятелей; но я ободрила его увѣреніями, что мы приняли оружіе для защищенія его. Да даруешь боги, вскрикалъ онъ съ радости, чтобъ великодушное ваше дѣло не осталось безъ награжденія! Сиріянцы имѣли уже нѣкоторыя выгоды въ своемъ нападеніи, половина почти Фракіянцевъ была отъ нихъ побита, и многіе изъ нихъ вскоца на нашъ корабль производили ужасное кровопролитіе. Но когда мы приспѣли, сраженіе получило другой видъ: Сиріянцы бывшіе на нашемъ кораблѣ не успѣли возвратиться, и пали отъ нашихъ сабель. Мы воспользовались смѣшеніемъ, происшедшимъ отъ того на разбойничьемъ кораблѣ; ворвались на оный, большую часть варваровъ побили, а прочихъ принудили отдаться въ плѣнъ. Фракіянецъ,

увѣ-

увидѣвъ себя избавленна отъ предстоищей неволи, и получившамъ великую добычу на разбойничьемъ кораблѣ, приносилъ намъ благодарность, и по возвращеніи своемъ въ Византію обѣщалъ учинить намъ опыты своего признанія. Прибравъ плѣнныхъ Сирійцевъ и добычу на свой корабль, зажгли мы разбойничье судно, а сами попалили къ проливу Фракійскому. На пути господинъ нашъ хотя еще не объявилъ намъ свободы, но бы-ла мы отъ него содержаны не такъ, какъ невольники; онъ приставалъ къ Греческимъ островамъ, распродалъ плѣнныхъ Сирійцевъ; и проплывъ проливъ, благополучно вошелъ въ Византійскую пристань. Я удивилась, вступя въ домъ сего купца, когда нашла оный по огромности, богатству и множеству рабовъ обоюго пола, сходствующій болѣе на Дворецъ какого нибудь Государя, чѣмъ на купцовъ, которой торгуешь невольниками. Мы угощаемы были чрезъ нѣсколько дней великолѣпно, и по обращенію съ нами господина нашего не сомнѣвались, что получимъ отъ него въ воздаяніе оказанной ему услуги свободу. Въ самомъ дѣлѣ, призвалъ онъ меня наконецъ съ прочими Славянами, участвовавшими въ спомоществованіи ему, и говорилъ обращаясь ко мнѣ: Почтенный *Дакъ*! (такъ называлась я со-
аре-

времени моего плѣну) великодушный прѣступокъ вашъ избавляетъ васъ отъ плѣна; я считалъ бы себя проклятія достойнымъ, когда бы отлагалъ далѣе лѣвить вамъ признаніе мое возмѣщеніемъ вашей свободы. Сколько важны обстоятельства, принуждающіе меня еще потребовать нѣкоторой отъ васъ услуги: но я не осмѣливаюсь предложить вамъ объ оной, когда вы не позволите мнѣ объяснить то подѣ видомъ прозвы, или свободнаго договора. — Я взглянула на моихъ товарищей, и примѣшивъ на лицахъ ихъ согласіе узнавъ о требованіи Франціанца, сказала ему: все, что уклоняется отъ добродѣтели, не удобно войти въ желанія особы, подобной вамъ въ великодушіи; почему мы ожидаемъ объясненія вашего требованія. Примѣчаю я, отвѣчая на это бывшій нашъ господинъ съ видомъ удовольствія, что вы всѣ люди воинныя и пріобыкшія служить съ оружіемъ. Не будете ли вы согласны вступить въ службу *Марободуна*, Короля *Маркоманскаго*, моего сродника? онъ имѣетъ надобность по нѣкоторымъ намѣреніямъ своимъ прогнать враждебныхъ сосѣдей въ войнахъ испытанной храбрости для приумноженія силъ своихъ. Я предлагаю вамъ наемъ, и обещаюсь заплащать при отѣздѣ вашемъ отсюда по два фунта серебра въ задашокъ; я снабжу васъ конями и оружіемъ, а при томъ о дѣлѣ жалованья оставляю договариваться

Часть II.

И

сѣ

съ самымъ *Марободуномъ* по вашему благо-
 разумію. Вы, почтенные Славяне, види-
 те (продолжалъ онъ), что сіе предложе-
 ніе, приближая васъ къ вашему отечеству,
 облегчитъ и трудности, съ таковыми длин-
 ными путемъ до онаго соединенныя. Сверхъ
 того останется въ вашей волѣ не принять
 службы сей, когда условія ваши тамъ не
 будутъ для васъ выгодны; а серебро, данное
 мною вамъ въ вѣдѣшкѣ, почтено мною бу-
 деть за даръ, оказанный съ стороны моею
 къ вашему одолженію. — Всѣ товарищи
 мои сочли предложеніе сіе за усугубленіе благо-
 діянія *Фракінцова*, и съ радостію на оное согла-
 сались; я сама хотя не имѣла надобности въ
 помощи сей къ возвращенію моему въ оте-
 чество въ разсужденіи дорогихъ камней,
 сбереженныхъ мною отъ грабежа Васпарнъ въ :
 но находила способъ сей безопаснѣйшимъ для
 пущи въ обществѣ множества храбрыхъ лю-
 дей. Между тѣмъ, какъ прочіе пошли прѣуго-
 топляться въ дорогу, *Фракінцевъ* остановилъ
 меня, и наединѣ удивлѣтельно любопыш-
 ству моему вѣдашь, какимъ образомъ ку-
 пецъ, торгующій невольниками, могъ быть
 въ союзѣ съ владѣтельнымъ Государемъ. —
 Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ, странно кажется
 вамъ, что я промышляя торговлею, нахо-
 жусь соединенъ ближнимъ родствомъ съ Го-
 сударемъ Маркоманскимъ; я объясню вамъ
 еще; предки мои пронаходятъ отъ рода
 Фраг

Франкскихъ Царей, и дѣдъ мой, бывъ пре-
 бовашелемъ престола своихъ предковъ, при-
 нужденъ искалъ убѣжища своего при дво-
 рахъ чужестранныхъ Государей когда Римля-
 не учинились властителями Франкѣ. Судьба
 привела его къ Королю Маркоманскому, гдѣ
 онъ достоинствами своими приобрѣлъ сердце
 дочери его, и былъ почтенъ совершеніемъ
 сего союза. Таковымъ образомъ степѣ мой,
 родившійся отъ Королевы шешки *Марбодуно-*
вой, былъ двоюродной братъ сему Госуда-
 рю. Дѣдъ мой провелъ жизнь свою въ Мар-
 команахъ, всегда искавши чрезъ разныя, но
 безуспѣшныя средства, ослабить власть
 Римлянъ во Франкѣ: неудачи повергали его въ
 уныніе, прекратившее дни его. Отецъ мой
 остался наследникомъ пустаго права; бун-
 ны, происходившіе въ Маркоманахъ, понудили
 его оставить сіе Государство: и какъ оше-
 чество для всѣхъ бываешь любезно, возвра-
 тился онъ въ Византию подъ прикрытіемъ ина-
 ченіемъ. Чѣмъ лучше отвѣчать онъ себя подос-
 арѣнія, началъ онъ торговлю невольниками.
 Промыслъ сей столько былъ прибыточенъ,
 что собравъ онъ великія сокровища, кото-
 рыя оставилъ мнѣ послѣ себя въ наследство.
 Онъ умирая, запретилъ мнѣ помышлять о
 правѣ предковъ своихъ на Франкю, и под-
 твердилъ продолжати торговлю. Ты про-
 живаешь спокойно, нежели бы могъ ты

ожидашь сего оубо невозможнаго приобрѣщенія престола, говорилъ онъ мнѣ. Средственное избранное мною состояніе, и выгоды, приобрѣтаемыя оубо собственныя трудовъ своихъ, награждающъ миромъ дни мои, чего бы не имѣлъ я никогда, хотя бы достигъ самаго вѣнца Римскихъ Кесарей. Многія другія наставленія его казались мнѣ столь истинными, что я онымъ послѣдовавъ, провождаю вѣкъ мой въ изобиліи и покоѣ. Между тѣмъ бывалъ я и у сродника моего въ Маркоманахъ. *Марободунъ* по добродѣтелямъ своимъ не считаешь, чтобъ унижало его родство со мною, и не выирая на различіе нашихъ состояній, пользуюсь я совершеннымъ его дружествомъ. Оное принуждаетъ меня обращать частъ богатствъ моихъ въ его пользу. Я стараюсь всѣхъ богатырей и другихъ храбрыхъ людей, встрѣчающихся мнѣ въ моихъ путешествіяхъ, склонять къ вступленію въ его службу, и тѣмъ умножать силу войскъ его. *Марободунъ* давно уже имѣетъ намѣреніе приобрѣсть оружіемъ страну Квадовъ, на кою Маркоманы счищаютъ древнее право. Послупокъ *Раслава*, сына Квадскаго Князя, умножилъ ненависть его и кроющееся мщеніе. Слышно, что онъ злодѣйски похищя дочь *Асамри*, дочери *Марободуновой*, находящейся въ супружествѣ за Княземъ Болгарскимъ. Хотя отецъ *Раславъ* и не одобряетъ та-

КС-

новаго поступка своего сына; но со всеѣхъ
 стѣнъ съ ихъ стороны прибавляется непріязнь
 къ непріязни, и понуждаетъ *Марободуна*
 начать войну съ Квадами. Шествуйте, по-
 чтенный *Дакъ*, ко Двору моего родствени-
 ка, гдѣ храбрость ваша имѣетъ пространное
 поле къ прославленію вашего имени; а при-
 номъ мое одобреніе пріобрѣтетъ вамъ ош-
 личіе отъ прочихъ вашихъ товарищей, ко-
 его вы достойны. Я не любопытствую про-
 никать въ тайну вашего пронахожденія; но
 увѣренъ изъ поступковъ вашихъ, что вы да-
 леко превышаете прочихъ Славянъ, бывшихъ
 съ вами въ моей неволѣ. — Я отблагода-
 рила Фракільца за его благосклонныя ко мнѣ
 разположенія; онъ вручилъ мнѣ грамоту къ
 Королю, дядѣ своему, и снабдивъ насъ коня-
 ми, оружіемъ и обѣщаннымъ серебромъ, от-
 пустилъ въ путь. Я имѣла щастіе пріобрѣ-
 сти довѣренность моихъ товарищей, и на-
 брана отъ нихъ въ пути нашихъ начальни-
 комъ; мы прибыли безпрепятственно ко
 Двору Маркоманскому. Мы не застали *Ма-
 рободуна* въ столицѣ его; потому что онъ
 готовясь начать войну съ Квадами, отбылъ
 къ войску собирающемуся близъ границъ.
 Представили насъ Королевѣ, его супругѣ, ко-
 торая, прочитавъ грамоту, приняла меня бла-
 госклонно, и повелѣла ближнему своему Во-
 ярину, сдѣлавъ договоръ съ прочими воидами,

отправити оныхъ въ войски къ своему супругу. Что до васъ касается, говорила она мнѣ, я почитала васъ рожденнымъ не для столь низкихъ условій, оставляю на вашу волю, слѣдовать ли къ моему супругу для сысканія славы, или остаться при дворѣ нашемъ, или отбѣхать куда угодно. — Признаюсь, говорила *Брячислава*, что полъ мой созданъ не для войны: сердце мое понуждало меня искать моего возлюбленного *Вадима* при дворѣ моего родителя, и предложеніе Королевы Маркоманской облегчило нѣкоторымъ образомъ затрудненіе, которое имѣла я въ освобожденіи себя честнымъ образомъ отъ условія заключеннаго съ *Фракійцемъ*. — Великомощная Королева! отбѣчала ей я, обстоятельства мои переимѣнились со времени отбѣда моего изъ Византіи: возвращеніе въ мое отечество учинилось необходимымъ, и я испрашиваю милостиваго позволенія отъ Вашего Величества, остаться при дворѣ вашемъ до времени, какъ я получивъ нѣкоторыя вѣдѣнія, могу рѣшиться служить въ войскахъ вашихъ, или посѣщать въ домъ мой. Королева позволила мнѣ сію милость, и повелѣвъ участвовать за сѣдомъ ея, оказывала мнѣ много знаковъ своего благоволенія. Пробывъ при дворѣ Маркоманскомъ болѣе двухъ недѣль, въ которыхъ дожидаясь я отвѣту на письма мои,

въ

въ дикію посланины, ошчасу пріобрѣтала
я довѣренность сей Монархини, а особливо
дочери ея, Королевы *Цедальмы*. Съ самаго
пріѣзду моего въ страну сію притѣчала я
нѣкоторую скрытую печаль на лицахъ пре-
красной сей Королевы и самой ея роди-
тельницы. Благоприсстойность долго удерживала меня отъ любопытнаго желанія узнать причину оныя; но наконецъ изъ со-
спраданія рѣшилась я на то осмѣлиться. Какъ имѣла я свободный входъ въ чертоги *Цедальмины*, то употребила послѣобѣденное время прійти къ ней, и спросить о причинѣ скрытой ея скорби. Я нашла ее сидящую одну въ великомъ уныніи, и испускающую тяжкіе вздохи. Свѣтаѣйшая Королева! сказала я ей; великодушіе ваше можетъ извинить дерзость, произходящую отъ моего къ вамъ усердія. Не могу я равнодушно взирать на печаль, всегда васъ окружающую: вознамѣрился я предложить мои услуги, еслии оныя могутъ съ проливіемъ крови моей быть полезны вамъ, и облегчить причины скрытой вашей горести. Еслии удостоите меня фзковой довѣренности, и откроете мнѣ ваше таинство, можетъ быть я разсмотрѣвъ обстоятельство, изыщущу средство возаратить вамъ спокойство. Королева взглянула на меня съ удивленіемъ, и по нѣкоторомъ молчаніи сказала: храбрый богатырь! сожалѣніе ваше обо мнѣ дока-

вызываетъ о благородствѣ вашихъ чувствованій. Вы первый на свѣтѣ человѣкъ, принявшій участіе въ моихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, содержащихъ меня въ безпрестанной печали. Вы доказываете, что въ вашемъ отечествѣ больше великодушныхъ людей, нежели въ моемъ, когда поднесъ еще адѣсь никто не выискался могущій за меня вступиться. Поведенія ваши давно уже заслуживаютъ мою довѣренность; и я не нахожу по тому причинъ скрывать отъ васъ мое приключеніе. Она приказала мнѣ сѣсть, и начала рассказывать объ ономъ слѣдующимъ образомъ.

Мы послушаемъ объ ономъ въ слѣдующій вечеръ, сказалъ *Изборъ*, вставая къ возвращенію въ свои чертоги. — Это будетъ ежели вы откажете въ моей просьбѣ, сказалъ *Уклонъ*. О чемъ ты просишь? говорилъ *Изборъ*. Голова моя, отвѣчалъ любимецъ его, давно уже обременена Сказкою, которую я желаю выпустить на свѣтъ въ угодность вашу. Языкъ мой съ тѣхъ поръ, какъ повѣсть *Вадимова* начала обременять свѣтлѣйшія уши Вашего Величества, находится въ такомъ недѣйствіи, что скоро можешь позабыть свою должность. Позвольте мнѣ въ слѣдующее вечернее занятіе поговорить въ мою очередь. Правда и то, что въ моей Сказкѣ нѣтъ ни одного

богатыря; ни малѣйшаго побойца; однако надѣюсь я, что она понравится Вашему Величеству. — Хорошо! сказалъ Изборъ, вавтра ты начинай; а Голованъ между тѣмъ можешь подумать, какъ бы удачѣе выпростаться изъ приключеній, столько спутанныхъ, и помстивъ нѣсколько скучныхъ. Въ слѣдствіе сего повелѣнія *Уклонъ* на другой день въ обыкновенное время, какъ скоро ошварнаб свой рошъ, по и ам-де-шла изъ онаго нижеписанная

СКАЗКА

О Царицѣ Доброгнѣвѣ.

В Е Ч Е Р Ъ XX.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, коего въ нынѣшнее время не дая уже отыскать ни въ одной части свѣта; въ нѣкоторомъ царствѣ, говорю я, не было ни Царя, ни Царицы; оба они кончили жизнь въ одинъ день. Вѣльможи разсуждали, что шаковая смерть составляла Политическую ухвашку, произведенную съ искуснымъ проворствомъ. Женщины убѣрали, что супруги учинились жертвою своей сим-

патіи. Жрецы проповѣдывали народу, что раздраженные боги попустили сіе ужасное происшествіе для устрашенія земныхъ жителей. Народъ въ шепетъ возглаголавъ то за чудо, возсылааъ аспль свой къ умилоствленію Небесъ, и старался жершвоприношеніями и тысячами обѣшомъ обезоружить гнѣвъ ихъ; а между тѣмъ, чшобъ не удалиться отъ свойственнаго себѣ заблужденія, обвиняаъ не давно появившуюся комету, кошорая шривѣсда уже мучила Астрономовъ надъ вычисленіями, а дураковъ надъ заключеніями, и ей единственно приписывааъ честь сего нечаяннаго удару.

Дѣло въ сущесствѣ состояло лишь въ томъ, что Царь и Царица умерли просто, по тому, что умереть надлежало: одинъ только случай учредилъ обстоятельство; но въ семъ царствѣ имѣли дурачество вѣрить, что ничего по случаю не произоидитъ во Дворцахъ Царскихъ. Въ сей вещи не разнствоваали они отъ прочихъ народовъ въ свѣтѣ: они имѣли также обынай, вѣру, законы, и не по весьма странному предразсудку состояли вѣрноподданными изъ доброй воли; ибо то ввелось изстару. Опцы наставляали въ сихъ понятіяхъ дѣшей своихъ съ самаго того времени, какъ оныя начинали понимать себя; они внушали имъ съ пободобострастными уваженіемъ безпредѣльное почтеніе къ богамъ, любовь къ отеческому

и

и неутомимую ревность къ зашщитѣи вач-
 женовъ. Въ таковыхъ помятихъ народъ дол-
 женствовалъ бытъ благополученъ. Онъ былъ
 таковымъ въ самомъ дѣлѣ, и отъ сего спра-
 ша сія называлась *блаженнымъ Царствомъ*.
 Въ самомъ дѣлѣ страна она была пріятнѣй-
 шая на свѣтѣ: умѣренность воздуха, зелень,
 цвѣты и плоды, никогда не повреждались
 въ ней отъ дыханія суровыхъ вѣтровъ; зем-
 ля приносила все нужное безъ труда въ рукъ
 человѣческихъ; сладостная праздность была
 неисчерпаемымъ источникомъ блаженства
 обитателей, и время ихъ не посвящалось,
 кромѣ вкуса, которой имѣли они къ сво-
 боднымъ художествамъ и забавамъ.

Престоль въ сей странѣ не былъ насѣд-
 ственный. Когда оный опорожнялся, чины Госу-
 дарственные собирались на просторную доли-
 ну, находившуюся въ срединѣ сего царства; однѣ
 только женщины имѣли право засѣдать въ та-
 ковомъ собраніи, и занимали мѣста по раз-
 личію достоинства своихъ супруговъ; и чтобъ
 удержатъ свободу говорить всѣмъ вдругъ,
 избраніе повсегда совершалось среди вели-
 чайшаго крику. Начинали избраніемъ Цари-
 цы: она была коронуема на томъ же мѣ-
 стѣ, и въ торжествѣ относила въ Транъ
 Тарараа столицинный городъ; тамъ пребы-
 вала она цѣлой годъ, не имѣвшійся въ Го-
 сударственныя дѣла, кои исправлялись чрезъ
 Со-

Созвѣтъ Правленія. Единственное ея попеченіе въ теченіи сего времени заключалось въ выборѣ себѣ изъ молодыхъ придворныхъ господъ супруга, коего обязавши надлежало ей въ послѣдній день года. — Царица и Царь должны были набираться изъ внашнѣйшихъ домовъ сироты той. Царицѣ слѣдовало быть не моложе пятнацати и не старѣе осинацати лѣтъ; чтобъ она была прекрасна, разумна, весела, милостива, и еще неискусившаяся въ любви. Послѣднее обстоятельство наносило чрезмѣрныя затрудненія, и по предразсудкамъ дѣвицъ, срокъ возраста въ послѣдствѣ убавленъ тремя годами.

Лѣтъ Царю опредѣлялись отъ шестнацати до дватцати. Законъ требовалъ, чтобъ оный въ удовольствованіе невинности Царицыной пылалъ къ ней истинною любовью; чтобъ она имѣла къ нему нѣжность чистосердечную; и чтобъ любовь ихъ принимала начало въ теченіи года, опредѣленнаго для выбору.

Царство сіе въ началѣ надлежало волшебницѣ *Обрадѣ*, владычествующей надъ великимъ сосѣдственнымъ государствомъ. Волшебница сія пожаловала оное въ знакъ милости своей первой Царицѣ, *Розѣ* иманемъ, которую воспитала вмѣсто дочери, и при возведеніи ея на престолъ предписала всѣ
овна-

оплаченные законы; она обила народъ; жрецовъ и вельможъ подъ торжественную присягою наблюдать оныя въ родъ и родъ безъ малѣйшаго нарушенія. Она бодрствовала съ крайнимъ раченіемъ, чтобъ законы сіи сохранились: и для того предоставляла себѣ право покровительства надъ симъ царствомъ. Когда избраніе Царицы совершалось, появлялась она всегда въ колесницѣ, запряженной двѣнадцатью тысячею цѣпныхъ бычечекъ. Съ помощію нѣкоего чуднаго шеслекопа могла она вмѣстѣ видѣть, имѣешь ли избранная дѣвица всѣ свойства, опредѣленные законами.

Естьли выборъ былъ по силѣ и равнью уставовъ, утверждала она его ударомъ волшебной палочки, сопровождаемымъ громогласнымъ восклицаніемъ отъ народа: ура! ура! Но естьли по несчастію открывала она каковой либо порокъ въ избранной, по одному движенію воли ея солнце зашатавалось, начинались страшные громы, земля колебалась, и разсѣвшись съ пламеннымъ потокомъ и сираднымъ дымомъ извергала чудовищнаго змія, кошорый, испуская ужасный ревъ, бѣгалъ три дни и три ночи по всѣмъ частямъ государства. Жители въ сіе время бѣжали, куды вѣя; и чудовище въ концѣ шрепанхъ сушокъ уходило въ море. Волшебница сама избрала Царицу, и спокойно возвращалась

дог

домой; надѣлавъ много шуму и мало вреда. Все наказаніе состояло на примѣрѣ лишь въ томъ, что не удачно выбранная въ Царицы осуждалась на всю жизнь не имѣть въ щекахъ румянцу, или лишиться двухъ переднихъ зубовъ; или, что всего алѣе, во всю жизнь сидѣть противу женщины весьма предъ нею прекраснѣйшей. Однакожъ послѣднее наказаніе употреблялось токмо въ великихъ погрѣшностяхъ. Въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ только двѣ несчастныя дѣвицы осуждены были съ таковою строгостію. Самаго крѣпчайшаго сложенія изъ двухъ сныхъ не выдержала сего наказанія, и умерла въ исходѣ третьяго мѣсяца.

Въ то мгновеніе ока, когда Царица произносила имя избраннаго по сердцу своему супруга, волшебница *Обрада* посвящалась во всей пышности, приличной ея достоинству. Паль сотъ исполнителей, покрытыхъ латами и имѣющихъ въ рукахъ тысячапудовыя дубины, становились на часы у дверей Дворцовыхъ: столько же карликовъ въ розовыхъ кафшанахъ съ серебрянымъ поясомъ по швамъ, занимали стражу внутри чертоговъ; двѣнадцатъ духовъ, изъ первѣйшихъ вельможъ Двора ея, одѣтыхъ въ шафшу небснаго цвѣту съ шитьемъ, украшеннымъ жемчугомъ и алмазами, занимали мѣсто по обѣимъ сторонамъ ея престола;

шакъ

также двѣнадцать волшебницъ, составляющихъ придворныхъ господъ ея, въ парчевыхъ плазыхъ съ яхонтовыми накладками, садилась на поставленные скзѣвечкахъ изъ восточнаго хрустала. *Обрада* поздравляла Царицу малымъ наклоненіемъ головы, изображающимъ ея величество: избранный любовникъ приближался къ подножію престола, волшебница устремляла на него взоръ; сего довольно было: она читала въ его сердцѣ. Естли сей крашкой опытъ былъ для него благосклоненъ, въ томъ мигъ провождали его въ храмъ. Царица приходила туда нѣсколько минутъ послѣ, жрецы приносили жертвы, совершали священныя обряды и сообщали новобрачнымъ съ стороны небесъ пріятное позволеніе предаться свободно всѣмъ утѣхамъ любви. Волшебница ввечеру надѣвала на Царицу свое бѣлье; оказывала ей честь провожденіемъ на брачное ложе, и послушавъ нѣсколько у дверей, возвращалась домой для успокоенія по шаковыхъ трудахъ. — Но естли напротивъ проникательныя волшебницыныя взоры открывали въ избранномъ чувствованіи, закономъ запрещаемыя: прекрасной день превращался въ мрачную ночь, земля тряслась, Дворецъ колебался въ своемъ основаніи; смятеніе и ужасъ украшались въ добавокъ явленіемъ привидѣній всякихъ видовъ. По щастію не дол-

долго то продолжалось: блистающій огнь вылеталъ изъ престола *Обрадина*, разгонялъ тьму, укрощалъ шепетъ и производилъ всеобщую тишину. Волшебница касалась палочкою своею вѣроломнаго любовника, и превращала его на шокъ же мѣстѣ въ малаго зеленого червячка. Старшій изъ коммашныхъ *Вояръ* бралъ волошья счипчики, и выкидывалъ онаго за окно въ садъ дворцовой; Волшебница между тѣмъ избирала сама достойнаго Царидѣ супруга, и остатокъ происходилъ въ радости и глубокой тишинѣ.

Воображающъ можетъ быть нѣкоторые, что условія, предписанныя въ сей государствѣ къ достиженію короны, учинили избраніе весьма труднымъ: но ошибаются. Всѣ челоѣки учреждающа свои корыстѣ; и воспишаніе, употреблявшееся при ономъ Дворѣ, доставляло обоимъ поламъ способъ сохранять сердца свои отъ еѣшей любовныхъ до времени, въ кое могли они надѣяться достигнуть высочайшаго достоинства. Знашныя дѣвицы воспишываемы были въ самомъ тончайшемъ искусствѣ нравиться (при Дворѣ Траншараранскомъ по опыту вѣдали, что страсть нравиться всегда заглушаетъ чувствованіа). Искусство оное до того простиралось, что довольно было госпожѣ, кои ниѣди славу шаскашъ за побѣдоносною колесницею

през своихъ прелестей дѣлжны по дѣл по-
лодыхъ тосподчиковъ, живыхъ, быстрыхъ
и ловкихъ, естество только законѣли испы-
тывать настоящую страсть. Не чувствовали ни-
когда любви въ своемъ сердцѣ, наслажда-
лись они истины ея выгодами, были упоены
истины ея утѣхами; воображали, что она
имъ неизвѣстна, провѣщали одну и другую
на одну какъ на духа, хранили ихъ жне-
ни; но прежде прищипки дѣвъ она имъ
была неизвѣстна, и послѣ сего срока по-
знавали они, что никого еще не любивали,
опричь самихъ себя.

Молодчики родились почти всѣ влоки-
таны, и воспитаніе удивительнымъ обра-
зомъ изощрило сіе дарованіе, такъ что воз-
водило оное до вышнего совершенства. Съ
самаго нѣжнѣйшаго возрасту они не знали,
не желали и не искали, опричь поверхности
утѣхъ. Во всемъ царствѣ ономъ едва ли
находилось двое въ постоянныхъ обяза-
тельствахъ, происходящихъ отъ истинной лю-
би. Между тѣмъ всѣ цѣпляли себя съ лю-
бовниками, и помѣщались по обстоятель-
ствамъ гледи. Молодчики проводили дни
свои въ перемигиваніи, любовныхъ объяс-
неніяхъ, ссорахъ, свиданіяхъ и минимѣ
щаспін. Они бѣгали, распѣвали, вертѣлись,
обнимались, вали, шутили, смѣялись пер-
вые своимъ острыми словамъ, запутывали;

Часть II.

I

чере

черты смысла ирон смѣхъ, и производило
то вдругъ бѣгъ рассужденія и намѣренія.

Всѣобщее наконецъ мнѣніе, замыкалось
въ томъ, что илю любовь не должна имѣть
своихъ микрот не хотѣла знать, опроче ея
поверхностной; щещное пониманіе о свободѣ,
обманывая придворныхъ, господствовало надъ
ними. Необходимость, въ которой находи-
лась Царя съ Царицею любить другъ друга
во всю жизнь свою, цитаема была на ужа-
сное рабство. Таковой предразсудокъ слу-
жилъ вмѣстѣ наигыря сердцамъ молодыхъ
господъ; всѣ обстоятельство стекались для
учиненія оныхъ твердыми и подавляя имъ
виду разума. Были по случаю открывали
между придворныхъ чету, соединенную ибъ
жилихъ союзомъ, тотчасъ учиналась она
предметомъ всеобщаго посмѣянія; спихо-
творцы, рачительные о пользахъ государства,
спѣшили вывести то на позорищѣ народ-
номъ какъ бы порокъ опасный, удобный
возмутить чистоту нравовъ, или спокой-
ство въ обществѣ.

Дворъ выходилъ изъ одного такого
вѣдѣнія, въ которомъ представлены были
мужъ и глупая жена, любившая другъ дру-
га истинно, и не влѣштія предосторожно-
сти скрыть такую слабость. Представ-
леніе сіе удостоено великихъ рукописаній
отъ нѣхъ госпожъ, коихъ сочинитель вы-

жвалясь и кон какъ бы немарочно шумъ случились, Начали объ ономъ говорить изъ всѣхъ вечерникахъ Трансараранскихъ; какъ печально получено извѣстіе о смерти Царя и Царицы.

Въ томъ же часъ разосланы повелѣнія для созванія Государственныхъ членовъ; оныя собрались чрезъ три дни, и всѣ голоса соединились въ пользу прекрасной *Доброгивы*. Она была одиночадная дочь *Ридоміра*, отправлявшаго чрезъ долгое время чинъ перваго Вельможи въ государство. Онъ умеръ за шесть мѣсяцовъ предъ тѣмъ въ почтеніи отъ дворянства, и былъ оплаканъ отъ народа. Онъ былъ первый съ основанія царства сего, осмѣлившійся установить позволеніе, продавать свое имѣніе для пользы Государственныхъ; и одинъ только имѣлъ славу воспользоваться симъ великодушнымъ правомъ. Дочь его наследовала послѣ него одну только любовь къ отечеству, и безъ сомнѣнія за сіе чувствованіе пріобрѣла всѣ голоса къ своему избранію. Она имѣла въ себѣ не меньше прелестей, красоты, разума и веселости, сколько и добродѣтелей отца своего. Предметы повсегда становящіяся прекраснѣйшими чрезъ посредство признанія. Жаль только, что не такъ часто глаза ихъ усматриваютъ. Выборъ *Доброгивы* былъ подтвержденъ волшебницею *Обрадою*. Она отвесена во Дворецъ, и тотчасъ окружена всѣми любимицами

ити молодчиками, кои въ самомъ дѣлѣ новы были, или только были чаляи.

Доброгѣва вступала въ шестнадцатый годъ: она имѣла волосы и брови черныя, глаза большіе, голубые, иѣжныя и живые; станъ прекрасной, руки удивительныя, ноги предѣстныя, пріятную усмѣшку и зубы цѣшю наилучшаго. Не взираа на родъ воспишанія своего, свѣйство ея клонилось къ уединенію: она была щеголихою меньше по вкусу, чемъ по обыкновенію: примѣры влекли ее за собою, но еще не испортили: бывъ меньше вершопрашна, нежели обычно въ Трантараранѣ, она разсуждала больше десяти разъ въ своей жизни, и усмотрѣла въ сердцѣ своемъ иѣкоторую пустоту. Такъое открытіе почти обыкновенно бываетъ предшествоемъ чувствованію; но окружающіе ее предметы были тому противны. Учинившись Царицею, познавши законы Государственные, созданная можетъ быть больше прочихъ къ содѣланію оныхъ чести, получила, что надлежитъ ей не шута помысливъ о начертаніи, коему должно ей послѣдовать. Она объявила торжественно, что удѣляетъ часъ наъ каждого дня для размышленій.

Дворъ приведенъ былъ въ замѣшательство таковымъ необыкновеннымъ возмущеніемъ; похвалялъ оное съ восторгомъ въ ея присутствіи, и оуждалъ громкогласно, ко-

Когда Ея Величество не могла того слышать
но намѣреніе ея тѣмъ не нарушилось; она
принимала трудъ размышлять въ прису-
ствіи всѣхъ Придворныхъ. По силѣ своихъ
разсужденій нашла она наконецъ, что для
учиненія благоразумнаго выбора, надлежитъ
ей закрыть глаза въ разсужденіи наружныхъ
пріятностей искаждей короны, открывать
онѣя на ихъ недостатки, сравнивать то и
другое, и рѣшиться только въ пользу того,
коего бы пріятности и дарованія имѣли въ
себѣ меньше смѣха достойнаго.

Такое щастливое открытіе успокоило
ее, надлежало лишь онѣмъ воспользоваться;
но вещь сія и составляла затрудненіе. Всѣ
искажеди престола казались ей равно любя-
стыми; потому что всѣ хвалили кра-
соту ея, искали ея благосклонности, гово-
рили съ нею сипрастно, и давали для нее
ежедневно новыя празднества. Увы! шце-
славіе прельщало ее, и одна только любовь
удобна была вразумить ее.

Она была на примѣрѣ обворожена весе-
лымъ нравомъ, пріятнымъ голосомъ госпо-
дина *Алмаза*. Онъ сочинялъ для нее пре-
краснѣйшія на свѣтѣ сказки, которыми
Дворъ восхищался, и только изъ почтенія
къ Царицѣ не смѣлились, когда онъ говорилъ.
За три мѣсяца предъ тѣмъ покорила онъ
нѣжную *Опалу*; пропасть совѣщаниковъ

уступили ему побѣду, и спротивленіе оныхъ возвысило его славу. Опала была женщина великой красоты и весьма скромная и въжестности, составляющей предметъ желаній всѣхъ любовныхъ героевъ. Она уступила воображенію истинной привязанности; она чаяла, что *Алхазъ* влюбленъ чистосердечно, и съ аличностію искала сей славы; но сіе завоеваніе подобно было прочимъ его побѣдамъ. Онъ покорилъ ее безъ страха, и оставилъ безъ размышленія. Престолю, сердце Царицы, казались ему почтенными пружинами къ непостоянству. Дворъ Трансараранской, стольной правосудной, какъ и онъ, считалъ пожертвованіе любовницею, обоженія достойною и отчаянною, за опытъ величія души его, заслуживающій вѣнецъ, котораго онъ надѣялся. — *Кузнецикъ* казался для Царицы весьма забавнымъ; онъ игралъ на всѣхъ музыкальныхъ орудіяхъ совершенно, и пѣлъ вохитительно. Сверхъ того никто не умѣлъ плясать его лучше; онъ присоединялъ къ танцу силу, правильность, легкость и пріятность. — Она крайнѣ предубѣждена была въ пользу *Тюльпана*. Хотя белокурый цвѣтъ его клонился нѣсколько къ желтизѣ, но онъ имѣлъ ростъ и станъ прекраснѣйшій во всемъ Трансараранѣ. Онъ зналъ въ превосходномъ совершенствѣ всѣ игры, конки забавляются на вечерникахъ, и проигрывалъ нель-

шелка по три съ крайниѣ рѣздушнѣ. Но естли что училию его безподобныѣ, то искусство играть на бандорѣ, что начиналъ онъ безъ прозбы, дабы находится всегда въ состояніи забавлять уши Царицы и Двора, посылъ онъ свою любезную Бандору, нацѣпивъ за шаю парчевую лентою, что придавало ему удивительную прелесть. — *Нустозъ якъ*, молодой господинъ, также услаждалъ время для сей носей Царицы. Онъ уиѣлъ шить въ шитьи чрезвѣщественно; ни у кого не было столько алмазныхъ вещей и таковой доброты, какъ у него. Онъ ежедневно появлялся въ канихъ илудъ новыхъ прикрасахъ, составляющихъ пересторы и заисъ всего Двора. Не одини только кружевами онъ ошачался, ииѣлъ онъ и брызжи у бѣла ошѣнаной доброты, на конхъ совершеннымъ искусствомъ представлялось сраженіе И полиновъ. Въ добавѣ всего того, всякія новосты въ нарядахъ получалъ онъ изъ перыхъ рукъ; выдумалъ больше всѣхъ неѣпостей, влюблялся на десять часовъ, вѣдалъ о всѣхъ новинахъ и любовныхъ похожденияхъ, судилъ разумно, и отбиралъ въ лавкахъ фарфоровую посуду съ шѣмъ, чшобъ никогда не купить. — Съ всемъ шѣмъ Царицѣ надлежало признашся, что господинъ *Частохвалъ* ииѣетъ надъ ними преимущество.

Онъ сочинялъ стихи всѣхъ родовъ съ непре-
 меню способностію; словомъ сказать, былъ
 то блестящій разумъ при дворѣ: по двана-
 цатиому году, сдѣлавъ онъ даѣ большихъ Ко-
 медіи, кои бы могли бытъ приняты, и не
 были бы осуждены, когдабъ онъ брав-
 судно не издалъ ихъ отъ имени своего дво-
 рецкаго, имѣвшаго множество непріятелей
 по скупамі. Готовились представить Оперу,
 въ которой самъ онъ сочинилъ слова,
 музыку, театральныя украшенія и балеты;
 поставили Оперу сію выше всѣхъ сочинен-
 ныхъ въ прошедшихъ вѣкахъ. По всякое
 утро приносилъ онъ къ Царицѣ щеголеватые
 стихи, кои занималась она по получасу.
 Весь дворъ списывалъ съ оныхъ копіи, ко-
 ныхъ никогда не читалъ. Сверхъ таковыхъ
 выгодъ *Частохаевъ* былъ недуренъ скла-
 домъ, и изрядно шумилъ. Не удивительно,
 что *Доброгидеа* отпечала его за таковыя
 достоинства; придворные иѣли къ нему
 великое уваженіе, друзья его простирали
 удивленіе къ сочиненіямъ его до суевѣрства:
 они находили въ немъ духъ творительный;
 говорили вслухъ, что онъ первый чело-
 вѣкъ на земли, и били въ ладоши, когда
 появлялся онъ на театрѣ. — Много еще
 было и другихъ искаателей, но уступаю-
 щихъ первымъ, кои по тому не уважа-
 ли. Это были люди, кои казались сред-

сташен-

сравненіи, когда отличались, и кон вступили въ общій рядъ безъ сравненія.

Таковы были молодые любовники, составлявшие дворъ *Доброгѣи*. Уже шесть дней по ея избраніи, имѣла она кругъ скола себя, какъ началось разсужденіе о важномъ вопросѣ, раздѣлявшемъ разумъ на разныя стороны, всякъ участвовавъ въ спорѣ, ожидалъ, на которую сторону перейти по рѣшенію Ея Величества. Надлежало рѣшить: что алмазъ розовой воды, ограненный звѣздою, осыпанный брилліантами, и ошрабтованный искусѣйшимъ художникомъ, красивѣе ли носить на мизинцѣ лѣвой руки, или правой? *Пустозелькъ* утверждалъ, что неосмѣнно слѣдуетъ честь сіа правой рукѣ; ибо она чаще лѣвой находится въ движеніи. Но *Частохватъ* съ господиномъ *Кузнецникомъ*, присвоившіе себѣ право вкуса, приносили оную лѣвому мизинцу, и представляли доводы также достаточные. Споръ разгорячался, и съ обѣихъ сторонъ наговорили уже много вещей важныхъ и забавныхъ, какъ *Анжона*, придворная, первой сташы госпожа, представила Ея Величеству *Юнаго Острогла*.

Онъ родился также въ блаженномъ царствѣ, и былъ внукъ волшебницы *Гориславы*, почтенной госпожи Двора *Обрадина*. Въ самой часъ рожденія его волшебница взя-

да его къ себѣ, воспитывала сама, и для совершенія его разума вастарала путеше-
ствовать по всѣмъ смежнымъ государствамъ,
подъ руководствомъ добраго дядьки, съ ко-
торымъ она не договаривалась о награжденіи.
Узнавъ, что престолъ Трансараранскій опо-
рожнился, призвала она своего внука. Она
поспѣшила сдѣлать ему наставленіе, какииъ
образомъ слѣдуетъ ему вести себя при Дво-
рѣ *Доброгнѣвы*; она дала ему чудные кар-
манные часы, кои звѣли. цѣлую минушу,
когда онъ готовился сказать какую нибудь
глупость; и кольцо, имѣющее давить его
палець большіе, или слабѣе по мѣрѣ того,
какого рѣду хотѣлъ сдѣлать шалость. Об-
нявъ его, приказала она ему бѣжать въ Тран-
сараранъ, вступитъ на раду съ прочими,
и ничего не упускать къ заровнанію сер-
дца иладой Царицы. Таковое намѣреніе по-
казалось бы странно всякому, кромѣ вола-
шебницы. Не по тому, что *Остроилъ* не
очень пригожъ лицомъ былъ; черты онаго,
не представляя красоты, имѣли въ себѣ
нѣчто пріятное; видъ его являлъ разумъ и
мужественную доброту. Но таковыя хо-
рошія свойства были выбки, и могли по-
тратиться отъ препятствій, встрѣчающихся
необходимо при Дворѣ столько просвѣщенномъ,
каковъ былъ Трансараранскій. *Остроилъ* былъ
васмемчавъ, вступая уже на шестидесятый
годъ,

годъ, и столько благодаренъ, что малѣйшая похвала приводила его въ краску. Онъ проведъ лѣта свои въ ученіи, и имѣлъ слабость мыслить, что знаетъ еще мало; разговоры его были достаточны, легки, шушлявы, но широкъ не были. Онъ дѣйствовалъ по правиламъ, зналъ сравненіе, осмѣливался называть погрѣшности другихъ, и не стыдился исправлять свои; онъ былъ снисходителенъ, просвѣщенъ, внимателенъ, употреблялъ разсудокъ, и съ намѣреніемъ не смѣялся; словомъ сказать, ничего еще остранилъ его не удачно при Дворѣ Трансаранскомъ. *Остроумъ* совокуплялъ въ себѣ все смѣшное; но былъ разсудителенъ.

Вѣкъ онъ появился, какъ прозвали его съ обѣихъ сторонъ. Сперва начали перешептываться, смѣялись потихоньку, и скоро ужъ учинился онъ мѣстою всеобщихъ разговоровъ. Царица испытывала его съ любопытствомъ, и говорила съ нимъ часто; онъ отъвѣчалъ всегда исправно, но почти не смѣлъ возвести глазъ на нее, и голосомъ почти тихимъ, которой считали за смятеніе. Между тѣмъ взоры его ничего не упускали изъ прелестей *Добродѣтельныхъ*: сіи взоры, удерживаемые робостію, не меньше были проникательны. *Остроумъ* равно пораженъ былъ красотою, кротостію и разумомъ Царицы; въ душѣ его произошло не-

мазъ.

известное до того возмущеніе. Оное столько-же было велико, что онъ забылъ ей поднести удивительный посланный отъ бабушки его въ подарокъ пучокъ цвѣтовъ, отъ котораго можешь быть завистло его счастье.

Дворъ занялся разсужденіями о новомъ искашелъ престола, и забылъ объ алмазъ розовой воды. Съ перваго взгляду безъ дальняго изслѣдованія господинъ Тюльпанъ нашелъ видъ его неловкимъ, коего ничто не могло исправить. Господинъ Кузнецикъ взявши твердымъ образомъ, что онъ весьма неполнощично въ первой разѣ поклонился. Алмазъ рѣшилъ, что онъ не носимъ. Пустозвѣкъ клялся торжественно, что никогда не потребуешь у него совѣту, какъ ему учреждать свои брилліанты; а Частохватъ осудилъ его безвозвратно быть дуракомъ на всю жизнь. Воздержныя женщины думали, что не надлежитъ спѣшить заключеніемъ; это новичокъ, говорили они, надобно разсмотрѣть, еще останешся довольно времени къ заключенію.

Удобоно можешь быть сравнить происшедшее въ душѣ Доброгивкиной по сему впечатлѣніямъ, которыя имѣли при видѣ сего животнаго рѣдкаго и страшнаго. Часъ, опредѣленный ею для размышлений, насталъ: кругъ разшелся; она удалилась во внутренне покое, неся съ собою разсужденія объ Остроилѣ.

Ког.

Когда Царица заперлась, весь Советъ, которому не чего было дѣлать, спѣшилъ подпою вонъ изъ Дворца; очень пора было Ѣхать. Госпожи, и самыя имѣющія обожателей, оставались обыкновенно одиѣ; мушкетеры съ рабачества привыкли не наблюдать сей нѣжной вѣжливости, считая оную за цѣпь, нарушающую вольность въ обществѣ. При Дворѣ Трансараранскомъ утверждено было, что и невѣжливая вольность преимуществуетъ надъ учтивостію. *Остроковъ* былъ еще очень новъ, и впадъ по тому въ неосторожность подавъ руку нѣкоторой госпожѣ, сскочившей съ крыльца: прочія это увидѣли и обратили въ смѣхъ, которой шѣвъ былъ забавѣ, что *Амаранта* (имя той госпожи) хотя имѣла еще красоту, но утратила уже цѣтъ молодости. Въ ней не находилось уже шѣвъ блестящихъ забавъ, кои могутъ извинять вѣжливости, оказываемыя мушкетерою. Она сама почувствовала, сколько важна была ошибка *Острокова*; но она ей польстила, и попустила ее шѣвъ воспользоваться. Вы очень услужливы, сказала она, принимая его руку; карета моя не далѣе двухъ шаговъ отсюда, и вы скоро избавитесь отъ труда. Я очень радъ, сударыня, ошибаясь услужливой *Остроковъ*, что могъ оказать вамъ малой знакъ моего почтенія и усердія. При
оконч.

окончаніи сихъ словъ были они уже на послѣднемъ ступенѣ крыльца. Служивши *Амарантинѣ* по нераспорочности не прѣзжаши еще съ каретою. Хотя она жила въ ошдѣленіи Дворца, но слѣдовало ей не меньше ста шаговъ шествовать; приключеніе было весьма затруднительное. Но между тѣмъ рѣшилась она итти пѣшкомъ, поддержаема *Остроиломъ*. Она начала предъ нимъ повторять извиненія; онъ отвѣчалъ почтеніями: и они достигли. *Остроилъ* поклонясь, хотѣлъ итти. Куда вы? сказала *Амаранта*; не далиль вы кому слова бытъ къ ужину? Нѣтъ сударыня, отвѣчалъ сей простосердечной; я только нынѣ прѣбываю въ столицу, и почти никого не знаю. . . . Въ семъ случаѣ (подхватила *Амаранта*) прошу отужинать со мною. . . . Для чегожь? (продолжала она, примѣтивъ изъ новаго поклона, что онъ готовился уйти) я прошу васъ усердно; я очень довольна, что съ вами познакомилась, и весьма порадуясь, если вы будете посѣщать меня чаще. Въ продолженіи сихъ учтивостей вошли они въ покои *Амарантинѣ*; женщины, ее дожидавшіяся, умигнувшись, увидѣвъ *Остроила*.

Позвольте мнѣ, сказала *Амаранта*, раздѣться; я весь день такъ была стянута. — При семъ словѣ онъ хотѣлъ выйти.

Куда

Куда вы? (продолжала она) вы мнѣ не
мѣшаете; я сдѣваюсь и раздѣваюсь предъ
всѣмъ свѣтомъ. Однако, сударыня . . .
(сказавъ *Остроулъ*) Вы шутите! подхваци-
ла она, ахъ какая жалость! останьтесь.
Между тѣмъ раздѣванье продолжалось.
Остроулъ, находясь впервые въ жизни сво-
ей на единѣ съ женщиною, и бывъ раздѣ-
ляемъ между любопытства, благопріятія и
удовольствія, смущался, краснѣлъ, отвра-
щая взоры; но оныя противу воли его
пробѣгали всюду: тамъ, гдѣ одна рука на-
чалась препятствовать любопытству, но
между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ открывала
нужное для удовольствію оного. *Ама-
ранта* наблюдала впечатлѣнія, производимыя
тѣмъ въ *Остроулъ*. Зеркало, противу ко-
торого она сидѣла, въ томъ ей помогало;
она устремляла по переменамъ производимыхъ
ею движеній. Естество взысканій его упало
на полъ, проворной поворотъ выказывалъ
ему открытую прекрасную ногу. Когда,
ободренный симъ предметомъ, осмѣливался
онъ поднять глаза къверху, старались
тогда поправить косынку, и желая скрыть
прелести, какъ бы незначай оныя выка-
зывали: все это отправлялось очень ловко,
безъ пристрастія, и прекраснѣшею рукою.
Между тѣмъ взираете *Остроула* оживляло,
лице его покрывалось великимъ пламенемъ . . .
Она

... Онъ краснѣлъ, какъ ниѣ кажется (сказала она своимъ женщинамъ), по чему вонѣ что удивительно. Слова снѣмъ ли дѣйствіе: *Остроумъ* покраснѣлъ еще больше: онъ хотѣлъ говорить, языкъ его не слушалъ, и принудилъ его изъидъ не-удовольствешный, который очень утѣшилъ *Амаранту*.

По окончаніи убора, доложили объ кушаніи. Безъ васъ, сказала *Амаранта*, я ужинала бы одна. Въ самомъ дѣлѣ на столѣ положено было только два прибора: сѣли за столъ, кушали проворно; *Амаранта* вѣла исправно, говорила шуточно, смотрѣла прилѣжно на *Остроумъ*, рассказала ему по-ходженія всѣхъ придворныхъ господъ, и разъ съ двадцать принуждала его краснѣть-ся своими похвалами.

Остроумъ вѣлъ мало, а говорилъ и того меньше. Онъ ощущалъ разные движенія, происходящія въ немъ почти ни отъ чего: огонь быстрый и жестокій, казалось ему, что разливался по его жиламъ; всякой *Амрантинъ* взглядъ оживлялъ его; онъ желалъ, не зная къ чему стремящся его желанія. Наконецъ встали изъ за стола; снѣмъ остались на единѣ. Утомленная *Амаранта* бросилась на канapé. *Остроумъ* съ прежнею востепенчивостію занялъ мѣсто на стулѣ противъ ея; при первомъ движеніи, комъ по-пра-

спавшая она свою ногу, онъ спущенная. Вахъ
 Безпокойно тамъ (сказала *Амаранта*); для
 чего не садитесь вы ко мнѣ ближе? Съ ве-
 дикимъ удовольствіемъ, ошѣчала воспламе-
 ненный *Остроилъ*, и пересѣлъ къ ней. —
 Но между нѣмъ — (продолжала она)
 не бывала вы страстины? — Нѣтъ, сударыня!
 я никогда не любилась. — Никогда! . . .
 какъ никогда? Это удивительно. Я не
 хочу, чтобъ вы на меня смотрѣли; это
 опасно. „ Говоря сіе проманила она прекра-
 сную свою руку на глаза его; онъ осѣдлался,
 пона сѣ препешомъ, взявъ оную, прибок-
 жимъ къ губамъ и поцалованъ. *Амаранта*
 пожала его руку, вынушила вздохъ, и про-
 должала играть смятающуюся. Тогда дви-
 жение, коего испыталъ онъ на себѣ всю
 силу не понималъ онаго, повергао его на ко-
 лѣни; осѣдланныя взоры устремились на
 нее: онъ схватилъ ея руку и цаловалъ. . . .
 Какое ваше намереніе? сказала *Амаранта*,
 бросаю на него страстный взглядъ; но вы
 на колѣняхъ, я думаю вы ошибаетесь
 встаньте. — Ахъ, сколько предестей!
 вскричалъ *Остроилъ*, и выдохнулъ по томъ.
 Мнѣ лестно слышать это отъ васъ (ошѣ-
 чала она): вы кажетесь мнѣ весьма любя-
 достойны; но наконецъ, чего вы требу-
 ете? — Я не знаю (подхватилъ *Остроилъ*
 обнимая ее съ досхищеніемъ); я никогда

Часть II.

К

не

не ощущалъ подобнаго. Нѣтъ! я не могу избавиться смятенія . . . желанія
 Ахъ, сударыня! позвольте — Онъ готовъ былъ выпустить нѣкое бѣдственное слово. Часы его забывали, и онъ узналъ, что чуть не выговорилъ глупости? Помысливъ таковое его охладилъ; онъ всматривался въ тень и замолчалъ.

Последовала довольно длинная тишина. Остроумный пошупывая глаза размышлялъ, и предметъ, кончикъ наполнено было его воображеніе, вмѣсто того, чтобы укротить его чувства, опять оныя оживилъ. Между тѣмъ онъ молчалъ; глаза его были понурены, и онъ чрезвычайнаго чувствозвѣнія пребывалъ онъ недвижимъ, какъ бы одревѣнѣлой.

Амаранта искусно судила о ея положеніи. Его смятеніе составляло широкое ея прелестей; тщеславіе, умиленіе, быліи возлюбленныя ея страсти, концы думала она, что безпрепятственно принесетъ на жертву нѣвинность и свободу. Много Остроумна. Были нездоровы? сказала она ему шепотомъ, удобнымъ вникать и слышать его. — Довольно было слова сего для разрушенія его разсужденія. Онъ взглянулъ на Амаранту; красота ея его поразила. Желанія уславились, и состояніе, въ которое приведенъ онъ былъ предчувствованіемъ умиленія, придавало лицу его видъ

Видъ нѣжности, всегда прелестнѣйшей самой красоты. Она читала въ очахъ его все впечатлѣніе, ею въ немъ произведенное; она протянула къ нему руку съ пріятностію; онъ взялъ и подставилъ оную въ вѣсхищеніе. Случай учинилъ то, что поднимаясь губы его, повстрѣчались съ *Амарантинны*ми, и . . . наконецъ замолчалъ, опасаясь, чтобы часы его не раззвонили. *Амаранта* также не говорила, потому что въ ней не осталось больше силъ, кромѣ для испущенія воздуха.

Когда же бабушкино пожатое плечѣ *Остроуловъ* съ такою силою, что онъ чуть не упалъ въ обморокъ. Вмѣсто готоваго воздуха, выскочилъ пронзительный крикъ. Бѣги! какая беда! вскричалъ онъ, вскочивъ съ шоропостію. Представьте, сколько можно, объ удивленіи *Амарантинномъ* . . . кою крикъ сей привелъ въ себя. Что сдѣлалось вамъ, мой дражайшій *Остроуловъ*? вскричала она съ своей стороны. Я васъ не знаю, по чѣсти вы ошиблись. . . Вотъ тебѣ разъ! (опыбчалъ онъ холодно), я знаю, что я чувствую. — Но я увѣрена, что не . . . (говорила *Амаранта*, перерывала) . . . сего быть не можетъ. — Прекрасная мысль! (сказалъ онъ) можноль вамъ спорить? . . . Охъ! мочи нѣтъ! . . . не пересчаешь! я на пышки . . . ой! ой! — Въ самомъ дѣ-

ѣ кольцо впилося въ мясо, такъ что онъ весь помершѣлъ. Непонятное дѣло! говорила изумленная *Амаранта*; приключеніе чудное! . . . Но это ошибаюся не то . . . вы обманываетесь! . . . однако случай странной . . . Какъ! вы бѣжите? продолжала она, увидѣвъ его уже у дверей. О чемъ сомнѣваться (ошѣчалъ *Остроилъ* грубо); прощайте, сударыня . . . прощайте. Но погоди . . . Онъ съ уха сошелъ (сказала она по его уходѣ) . . . какое дурачество! — Онъ былъ уже далеко.

Амаранта, не постигая сего приключенія, не зная на силу самонавѣи своей, принуждена была согласиться, что она не участвовала въ ономъ; легла въ постель, наполнила воображеніе свое прелестными предвѣщаніи, кони овладѣть имѣетъ. Заснула наконецъ, и забавлялась прѣстанными сновидѣніи до двухъ часовъ по половинѣ слѣдующаго дня. —

Изборъ, находя особенное удовольствіе въ слушаніи сей Сказки, не перерывалъ оную цѣлыми часами повже обыкновеннаго. Темнота ночная принудила его отложить продолженіе оной до утра. Въ послѣдующіе четыре вечера не дѣлалъ онъ никакихъ призываній на оную со стороны своей, и Сказывающихъ начиналъ въ обыкновенной часъ, а переставалъ всегда подлѣбе.

Чемъ больше *Остроилъ* отъ *Амаранты* удалялся, кольцо его расширялось и боля уменьшалась; когда же пришелъ онъ домой, и совѣщъ она кончилась. Должно пощадить (говорилъ *Уклонъ* своему Государю) слухъ вашъ отъ подробнаго описанія размышлений, послѣдовавшихъ съ *Остроиломъ* на пошлѣ; ибо первое его дѣло по приходѣ было лечь; довольно сказать лишь то, что впечатлѣнія, учиненныя въ немъ *Амарантію*, исчезали по мѣрѣ охлажденія его чувствъ: роскошь была возбуждена, оживлена, обьяла сердце, и не могла онаго удовольствоваться. Онъ забылся, заблуждалъ, но ослабленіе чувствъ привело его въ себя; ушѣха исчезла, пустоша заступила ея мѣсто, душа отъ того содрогалась; она желала, но одинъ только чувства имѣющъ право оную укрѣпить и наполнить. *Остроилъ* пробудясь (онъ спалъ и очень покойно), не помышлялъ ни о чемъ, кромѣ *Доброгнѣвы*. *Амаранта* не входила на мысли, развѣ только для припоминовенія о томъ, что надлежитъ ему возстановить равнодушіе въ сердцѣ своемъ, чувствованіе къ ея снисхожденію. При пробужденіи Царицы увидѣлъ его во дворцѣ выступающаго съ благонадежныиъ

видамъ. Онъ самъ не познавалъ того, что утратилъ часть своей застѣнчивости. Глава его осмѣливались уже глядѣть вольно; словомъ сказать, доброе щастіе его развернулось. Слабости человѣческія суть таковы, что и малѣйшіе успѣхи возбуждаютъ ихъ дерзость. Полтуны придворные (кои имѣли особливые чины въ Трансараранѣ) говорили уже вслухъ о перемѣнѣ поведеній *Остроилловыхъ* и объ ужинѣ его у *Амаранты*. Доброе имя сей госпожи много потерпѣло; выводили изъ того повѣсть недѣльную и весьма обстоятельную, которой вся слава упала на сторону *Остроиллова*; ни чего не упущено въ поведеніи оглашенной *Амаранты*. *Алмазъ* взялъ на себя трудъ пересказать сію забавную повѣсть Царицѣ съ надлежащими прикрасами. Онъ растворилъ уже ротъ для окончанія послѣдняго слова, и готовъ былъ смѣяться, какъ *Остроилъ* вошелъ. Всѣ глаза на него устремили, и остановленный смѣхъ разлился со всевозможнымъ громомъ въ ту минушу, какъ онъ поклонился. Сначала оно разстроило было его, но онъ возвелъ взоры на Царицу; она не смѣялась, и покраснѣла. Онъ приближаясь къ ней съ видомъ твердымъ, и осмѣливаясь, сказалъ онъ, поднести Вашему Величеству отъ волшебницы *Гориславы* сіи цафты, связанные въ пучокъ ея руками. Я
вождь

возвѣститъ честь (продолжалъ онъ, наклонясь къ ея уху) объяснить Вашему Величеству о сдѣлѣ сихъ цѣтшѣ, когда позволите мнѣ поговорить съ вами безъ свидѣтелей. Походѣнъ шеперь, сказала Царица; и удалилась въ уединенный чертогъ, посѣдуемая Остроколѣмъ.

Всемилоостивѣйшая Государыня! (сказавъ онъ тамъ, упавъ на колѣни) я считаю первою силою дѣйствія сихъ цѣтшѣ сей случай, при которомъ могу я принести прекраснѣйшей на свѣтѣ Царицѣ въ жертву чистоту моего сердца. — Быдумка щегольская! (опытчала довольно изумленная Царица) за оную прощаю я вамъ въ семъ объясненіи; но встаньте, поговоримъ о цѣтшахъ. Я повинуюсь (говорилъ Остроколъ) . . . въ послѣдствіи вы удостовѣрились о чистосердечныхъ моихъ чувствованіяхъ къ вамъ. Я вѣдаю, что мнѣ позволено закончанами посвящать вамъ любовь и жизнь мою, и я ощущаю, что сердце мое нѣтъ снѣдось предаться вамъ, не запрая на ваши спрощивленія. — Очень хорошо! но о цѣтшахъ? сказала Царица. — Они содержатъ разныя полезныя свойства (опытчала онъ), и нѣкоторыя между оными довольно пріятны: всѣ сіи цѣтшы возвращены и сорваны руками волшебницы; они нѣтъ пріятны, никогда не увядать, естли удостовѣ-

онѣ носить на груди своей, и прелестныя
 ваши будущіе повѣзда оживлять ихъ. —
 Я не требую на примѣръ таковыхъ замѣ-
 чаній (сказала Царица усмѣхнувшись); что
 по шомъ? — Я чувствую это, но не мо-
 гу удержаться, продолжалъ Остроулъ. Одинъ
 листокъ сихъ розъ, положенный между
 очаровательныхъ губъ вашихъ, утихнѣтъ
 васъ невидимую, когда лишь угодно бу-
 детъ Вашему Величеству то сдѣлать, въ
 пользу вашего государства, или только для
 забавы. Естли подлые ласкатели дерзнутъ
 выразить душу вашу, запахъ отъ этихъ
 жасминовъ, тотчасъ нагонитъ ядъ изъ го-
 ловы вашей. Для прекращенія сего должно
 прибавить къ шому лишь одинъ строгій
 взглядъ. Листочки распростились замолчать,
 и острома жасминнаго духу пройдетъ по
 шомъ. Вотъ еще фіалочки, не меньше по-
 лезныя: оныя тотчасъ начнутъ влиять
 на груди вашей, естли начнутся разговоры
 прошиваю благоденствія вашего. Наконецъ
 шомъ и померанцевые цвѣты, но Вашему
 Величеству безъ сомнѣнія не будетъ въ
 нихъ надобности. Оныя служатъ для заба-
 вы, къ сдѣланію опыта по обстоятель-
 ствамъ, надъ нѣбующими чести и славы
 вашей. Одинъ изъ сихъ цвѣтковъ, разжеван-
 ный въ роту, нагоняетъ худой акусъ,
 злушаетъ доброй, и принуждаетъ ненави-
 дѣть людей недостойныхъ.

А.

Доброгидва приписала великую похвалу столь чуднымъ цѣлшамъ, тотчасъ приколотая оныя къ груди, и благодарила *Остроилу* образомъ, который ей казался только учинившимъ, но въ самомъ дѣлѣ былъ не безпристрастенъ. Она подала ему руку; онъ осмѣлился ее поцаловать; она покраснѣлась; онъ сталъ еще смѣлѣе, а она робчѣе; и все то произошло неприличнымъ для нихъ образомъ. Царица вышла въ собраніе; выслушаніе, дозволенное ею *Остроилу*, произвело разсужденія. Когда онъ выступилъ, престарѣлые придворные упали ему почти въ ноги, а соперники его забурчали. Но для него равнодушно было все; онъ не чувствовалъ ни ласкашельствъ, ни досады, и шелъ своею дорогою: былъ вѣжливъ къ мужчинамъ, почтительнъ къ женщинамъ, и смотрѣлъ на Царицу, которую находилъ обоженіа достойною, сколько почтеніе позволяло ему то чувствовать.

Выходя изъ Дворца, услышалъ онъ напѣваемую пѣсенку, которую несъ свѣтъ имѣвшъ желалъ; вырывали оную изъ рукъ въ руки, и ужасно смѣлись. Онъ вслушался, и былъ ошпаченъ за любопытство. Была то уличная пѣсенка, въ которой минная любовь его съ *Амарантою* была представляема шушлявымъ и очень колкимъ образомъ. Онъ готовъ былъ разсердиться; часы его заведе-

иди, и онъ удержался. Послѣ того слушалъ онъ уже съ холодностію, и узналъ, что для господина *Частохвата* не трудно было присвоить себѣ Омирову Героическую Песню, въ которой онъ имѣлъ честь быть *Ахилломъ*.

Частохватъ по несчастію проходилъ въ ту минушу мимо его. *Остроилъ* его остановилъ и началъ говорить съ вѣжливостію; сей отвѣчалъ ему насмѣшками, но былъ отпощиванъ штырь же. *Частохватъ* присовокупилъ къ словамъ брань. *Остроилова* кровь закипѣла; онъ началъ дѣйствовать, удерживая себя, но слова были разительны, и ошдѣлали онаго безъ пощады; однако часы его не выѣхали.

Весь Дворъ былъ свидѣтелемъ кранорѣчія и благородной ухватки, коими онъ загонялъ сръсѣмъ *Частохвата*. Произшествіе сіе надѣлало шуму, цѣнили оное вслухъ. Родня *Частохватова* принудила его биться (ибо до сей крайности доходили въ Трансараранѣ только по принужденію родственниковъ). *Частохватъ* вызвалъ его на поединокъ. *Остроилъ* отвѣчалъ на оное, какъ должно благородному человѣку; и ловкий ударомъ оружія, управляемаго справедливостію, освободилъ Дворъ отъ духа весьма опаснаго, а родственниковъ *Частохватовыхъ* отъ члена, мало чести онымъ приносящаго. Прик-

дѣла

доченіе сіе нѣко сабдствіа довольно есте-
ственныя. *Остроумъ* вступилъ при дворѣ
его нѣсто, не почитая шо за особенное
щастіе, и оправдывалъ званіе свое съ уваже-
ніемъ. Сопровѣстники его опасались, не вознена-
видѣли больше, но почитали его. Насмѣшли-
вая пѣсенка, которой столько смѣялись,
ушла, и любопытныя замѣтили, что она
отнеслась къ славѣ осмѣяннаго. Всѣ при-
дворныя господа желали съ храбрымъ *Остро-
умъ* познакомиться, и дѣлали для него ве-
черинки. *Амаранту* преслали ненавидѣть;
но послѣднее ея снисхожденіе, и множе-
ство другихъ ланыхъ похощеній, испребили
почтеніе, надлежащее ея чину. Наконецъ
Частохватъ былъ почти совсѣмъ забытъ;
говорили только объ *Остроумѣ*, о его хра-
бости, прѣятностяхъ, и все было спокой-
но въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Одни
родственники *Частохватовы*, бывъ внутрен-
но обрадованы знаменитымъ дослѣ него
наслѣдствомъ, производили небольшое ро-
паніе; но нашлось таинство къ примиренію
оныхъ, послѣ чего они замолкли.

Частохватъ былъ безмѣрно дорогъ вол-
шебницѣ *Циклоидѣ*, придворной Госпожѣ *Об-
радиной*: любовь была при семъ дворѣ щомъ
мало извѣстна, какъ и при Трансаран-
скомъ; но они и безъ любви состояли
въ союзѣ. За годъ предъ тѣмъ жили они
такъ,

такъ, что называется мѣстѣ. *Частохватъ* нашелъ *Циклонду* довольно прекрасною, чтобъ предаться пріятнѣйшимъ чувствованіямъ на пути свободныхъ наукъ. Волшебница сначала думала, что она любилъ только дарованіе разума; но вскорѣ увѣрилась, что любилъ самое себя больше; напоследокъ до того ослаблена была, что приписывала себѣ все, что было ей угодно. Дворъ ея семъ также разсуждалъ постепенно. Сначала шутили надъ заблужденіемъ *Циклондиныхъ*, мало по малу къ нему привыкли, и присвоили ей вкусъ; увѣрились, что разумъ ея быстръ, и отдавали ей все то, что она приписывала сама себѣ. Съ этого времени имѣла она исключительное право опредѣлять цѣну разумовъ во всемъ свѣтѣ, и становить ихъ по степенямъ: ея собственной и *Частохватовъ*, какъ ожидаемо, получили первое мѣсто; а всѣ прочіе уснажены по мѣрѣ того, какъ нравны они были волшебницѣ и ея любимцу. Они разлучились добровольно, когда *Доброгнѣва* возшла на Царство: она согласилась, чтобъ *Частохватъ* появился при семъ случаѣ; но между нѣмъ льстилаась, что по прошествіи опытнаго году опять съ нимъ соединится. Оба они не имѣли такового добраго мнѣнія о Царицѣ, чтобъ опасались, что она почувствуетъ цѣну, чего *Частохватъ* стоилъ; а

для

для него никакъ казалось приѣхаться къ куп-
лѣ, можешь быть не имѣющей достаточнаго
разума, а всего меньше просвѣщенія.

Нѣтъ нужды описывать, какими дви-
женіями предана была волшебница, узнавъ
о несчастной кончинѣ свѣтлѣйшаго Часто-
хвата. Въ такихъ обстоятельствахъ лю-
бовь обыкновенно рождаетъ скорбь и пе-
чаль; но узы, привязующія ее къ ея люби-
му, не были довольно нѣжны, чтобъ не
вложить въ нее много кромѣ сихъ чувство-
ваній. Она была женщина, волшебница, и
при этомъ остроумная: возможно ли подумать,
чтобъ не предалась она глѣзу? Она не льсти-
лась возмрачить свой уронъ: приближице лю-
бой волшебницы взято къ опущенію. Она по-
совѣтовалась съ своею книгою, вооружилась
всемъ могуществомъ своимъ, сдѣлалась не-
видимою, и помчалась подобно молніи къ
Двору Трансараранскому.

Остроумъ нашъ доброй воли заперся у се-
бя въ домѣ и нигде не выходилъ. Царица
была безпрестаннымъ предметомъ его раз-
мышлений. Сердце его подвержено было ты-
сячѣ несогласныхъ между собою движеній,
которыя впрочемъ происходили отъ одного
начала. Онъ ясно чувствовалъ, что обожаетъ
Доброгнѣву; бытіе, лишенное на нее вѣрнѣ,
представлялось ему преданнымъ неслепому
мученію, но между тѣмъ боялся онъ ее ан-
дѣшь.

дѣла. Приключеніе его съ *Амарантой* изображалось въ мысляхъ его преступленіемъ, имѣющимъ раздражить Царицу, понудить изгнать его изъ своей памяти, или не допустить въ оную, развѣ подъ именемъ легкомысленнаго, непостояннаго и вѣроломнаго. Она повѣришь (говорилъ онъ самъ себѣ) сему нащастному приключенію, которое изображено ей всеми ужасными красками. *Добрый-ва* безъ сомнѣній заключаетъ, что я люблю эту дуру. . . . Проклятой ужинъ! сколько бы щастливъ былъ я, естли бы въ томъ самой нигъ, какъ я приглашенъ ею, колице мое оторвало совсѣмъ палецъ! Какая суещность! (продолжалъ подумавши) истати ли, чтобъ Царица обо мнѣ мыслитъ? На чемъ бы таковомъ могъ я основать тѣю надежду? Я не имѣю другихъ заслугъ, кромѣ любви жесточайшей. Я чувствую, что она возрастаетъ поминутно. . . . Такъ прекрасная *Добрый-ва*! (вскричалъ онъ) страсть моя къ тебѣ окончится вмѣстѣ съ моею жизнью - . . . Увы! какая въ томъ надежда отъ стороны Царицы, обоженія достойной, которая найдетъ и во всѣхъ сердцахъ такою же чувства!

Онъ находился въ сихъ размышленіяхъ, какъ пришелъ уведомить его о произведеніи въ чинъ, и что Царица позволяетъ ему принять благодарствіе за оную милость. При таковомъ

новомъ извѣстїи душа его предавалась радости; онъ бѣжалъ во Дворецъ: желаніе увидѣть *Доброгнѣву* оживляло его ноги; но вступая на крыльцо, душа его ослабла, и являлась его оставляющею. Въ сердцѣ его произошло сраженіе жестокое между робостью, надеждою и любовью; одна только благодарность въ силахъ была по утишить. Въ душѣ чувствительной ничто не преодолеваетъ надѣланныхъ обязанностей: она часто подвергается склонности и любви, но никогда своеправію. — Какъ худо вѣдаютъ люди истинную кротость свою! Если бы престоли они были благодарными, были бы они всѣ щастливы. — Признательный *Остроулъ* превозмогъ свое смущеніе. Одна только *Анемона*, столько прекрасная, какъ и любви достойная, находилась съ Царицею. Прежде еще возвышенія *Доброгнѣвы* истинное дружество соединило ихъ: обѣ онѣ вѣдали цѣну сего чувствованія; но любовь, склонность нравиться, оттого между ними не разспроли. Сего довольно сказано, что онѣ могли вдыхать по взаимно, и оное чувствованіе. *Остроулъ* съ бѣлшею робостію, нежели въ первый день, приближился къ Царицѣ, и проборщившись нѣсколько словъ, которыя угодно ей было почести за благодарность. Я очень довольна [отвѣчала она съ величественнѣмъ, соединеннымъ съ благоуклонностію], что могла дарка-

краснѣе, какъ уваженіе, которое къ вамъ имѣю. — Едва успѣла она выговорить слова сіи, какъ влюбленный *Остроулъ* находился у ногъ ея. Она приказала ему встать: онъ повиновался; она устремила на него свои взоры. Онъ находился въ томъ состояніи нѣжности, всю только чистосердечная любовь внушать можетъ, и о которой не больше воображаешь, что есть души, удобныя оную чувствовать. Его взоры, молчаніе, нѣсколько капель слезъ, исторгнувшихся изъ очей его, выражали страсть безпримѣрную. Выльто языкъ самый краснорѣчивый; *Добротинъ* ощутила всю онаго силу, и впечатлѣнія его быстро проникли въ ея сердце. Ея рукоянецъ, смущеніе, вздохъ, служили истолкованіемъ произходящаго въ душѣ ея. — Но гдѣ ты не любишь *Амаранту*? сказала она, прервавъ молчаніе чрезъ побужденіе, возставшее въ ней прошивъ ея воли. — Ахъ, Царица! [отвѣчалъ *Остроулъ* съ живостію] я никогда ее не любилъ; я обожаю васъ, и ни въ кого кромѣ васъ не влюблялся. Тогда толпа придворныхъ входомъ своимъ остановила рѣчь его; оба любовника поспѣшно посѣрались пришедъ въ себя, такъ что вошедшіе ничего не могли замѣнить.

Циклода, находясь невидимою близъ Царицы, не упустила ни слова изъ разговору

вору ея съ *Остроиломъ*, предметомъ ея ищениа и бѣшенства. Въ *Траншараранѣ* вѣдали, что весь свѣтъ отъ младенчества своего подверженъ пространной власти волшебницъ; но знали также и ихъ странное и нерѣшимое поведеніе: власть ихъ была подвержена судьбѣ, весьма оныхъ страшнѣйшей и не меньше своеюравной. Но что и любовь есть сильнѣе волшебницъ и самой судьбы, также вѣдали. Она, подобно волшебницамъ, можеть принимать всѣ виды, какіе ей угодно; нимѣеть право украшать себя всѣми своеуравіями судьбы; она собственно владѣеть преимуществомъ, производитъ по своей волѣ чрезвычайныя происшествія; она бываетъ не правосудна не стыдятся, неблагодарна безъ оговорокъ, и смѣшна безпослѣдственно; имѣеть въ себѣ всѣ характеры, но ни одного опредѣленнаго; соглашаетъ иравы со всѣмъ прошивусложныя; не вѣдаетъ препяствій; уничтожаетъ упрямство, умерщвляетъ оное, и превращаетъ въ благосклонность; торжествуетъ надъ крайнѣйшею ненавистію, бываетъ попеременно глупа, весела, печальна, осторожна, безразсудна, расточительна, скупа, но никогда благоразумна.

Посредствомъ толчка одной изъ сихъ частей, составляющихъ странной составъ ея, и дѣлающихъ честь ея владычеству, задумала она покорить *Циклонду*. Съ перваго

Часть II.

Л

взгля-

взгляду *Остроилъ* показался ей любви достойнымъ; она покраснѣлась съ досады. Разговоръ, слышанной ею, прсизвелъ смущеніе въ ея сердца; въ душѣ ея произошло чрезвычайное волненіе: она сама себя не узнала по сему движенію. При Дворѣ *Обрады*, равно какъ и при *Траншарэранскомъ*, едва ли извѣстна была и тѣнь любви; смерть *Частохватова* увѣряла ее, что она пришла ненавидѣть; желаніе нравиться составляло первую ея глупость, охота слыть ученою уступала сему заблужденію, гнѣвъ зависѣлъ отъ обѣихъ сихъ страстей, и любовь утвердилась самовласно на остаткахъ всѣхъ ихъ тронхъ. Таковымъ образомъ волшебница любила уже, когда уповала, что жестоко ненавидитъ. Правда и то, что любовь и ревность въ одно время скользяли въ душу ея, и ревность, подобная ненависти, показала *Циклондѣ* за оную.

Остроилъ не приобрѣщая ничего отъ сей перемѣны, и если бы зналъ, охотно бы согласился терпѣть, когда бы волшебница удовольствовалась проклясть его на всю жизнь. Намѣреніе ея по прибытіи ко Двору состояло въ томъ, чтобы учинить *Остроила*, если можно, ненавистнымъ Царицѣ, и вдѣхнуть въ сердце сей смятенной любовницы ревность и отчаяніе. Поколебавшее ее новое движеніе, и коего она не постигала, со-

соглашалось съ онымъ жестокиѣмъ намѣреніемъ : она спѣшила то исполнить , и вотъ средства , кои казались ей удобными для успѣху въ томъ ! Она въ ту же ночь перенесла прекрасную *Анемону* подъ кровлю высокой башни , гдѣ приказала караулить оную съ крайнею осторожностію . По томъ она приняла видъ ея , находилась съ Царицею , и скрыла намѣренія свои подъ притворнымъ дружествомъ . Послѣ того приставила она къ *Остроилу* духа *Сафагоя* , злѣйшаго изъ всѣхъ духовъ второй сѣи . Благосклонность , кою имѣла она къ сему духу , уподоблялась злобѣ , составлявшей его ремесло . Онъ бывалъ дяткою надъ пажамъ и обезьянами у волшебницы *Обрады* : за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ *Циклонда* выходила для него спокойнѣйшее состояніе , въ которомъ живучи въ независимости , имѣлъ онъ волю наслаждаться удовольствіемъ приключать безпокойство всему свѣту . Шутки его ежедневно простирались до крайности : но черты злобы его имѣли видъ шалости довольно забавной , такъ что и самыя честныя люди иногда онымъ смѣялись .

Волшебница , учредивъ свои намѣренія , обрадовала духа случаемъ , въ которомъ могъ онъ оказать ей услугу , столь согласную съ его склонностію ; *Сафагой* въ ту минуту невидимо очутился при *Остроилѣ* . Съ

самого вступленія напалъ онъ на него, пугалъ и беспокоилъ его всевозможными образами. Иногда превращаясь въ осеннюю муху, бѣгалъ по лицу его, улеталъ, возвращался, кусалъ и приводилъ въ бѣшенство. Иногда превращаясь въ комара, жуужалъ по цѣлой четверти часа въ его уши, жалилъ до крови, по томъ исчезая и находясь невидимымъ близъ его, давалъ ему щолчки по бокамъ чрезъ цѣлой часъ. Послѣ спустился на икру ноги его, вонзалъ въ оную двадцать булавокъ одна за одною, кололъ въ руки, въ лице, и все это производилъ порядкомъ, не давая ему ни на минуту отдохнуть. Не удовольствовалъ тѣмъ проклятой духъ сей, не отшазавалъ отъ него и при Дворѣ, а особливо когда *Остроилъ*, находясь съ Королевою, и стараясь оной нравиться, напрягалъ свои силы, чтобъ превзойти своихъ соперниковъ, чтобъ казаться какъ бы достойнѣе ихъ, и тѣмъ пріобрѣсть милости прелестной *Доброгнѣвы*.

Представьте себѣ, въ каковомъ состояніи находился тогда мучимой *Сафагоемъ* жалости достойной *Остроилъ*. Безпрестанное движеніе руками, перемѣна въ лицѣ, безпокойство оказываемое ногами, родъ корченья, въ коемъ находилось все его тѣло, представляли изъ него зрѣлище странное и сибѣнное. Всѣ придворные то замѣтивъ,
изум-

изумлялись; любовники Царицыны смѣялись. Она была тѣмъ шпонуша, и самую *Цикло-ду* шо огорчало. — Не замѣтилили вы, чего нибудь страннаго въ положеніи *Остроиловомъ*? (сказала *Дзброгнѣва* ложной *Анемонѣ*, оставшись на единѣ съ нею) Онъ никогда не казался мнѣ въ таковомъ смущеніи. Я не шутя опасуюсь, не приключилось ли съ нимъ чего нибудь чрезвычайнаго: не боленъ ли онъ? Вѣроломная волшебница ошѣбствовала, что онъ ей всегда казался таковымъ; что видѣ его никогда не представлялъ въ себѣ ошличнаго; и что она съ самаго перваго дня замѣшила въ глазахъ его нѣкоторое сумазбродство, свидѣтельствующее о слабости его души. Я не понимаю (продолжала она), какъ Ваше Величество могли дать ему преимущество надъ его соперниками. Признаюсь, что мнѣ всѣ здѣсь кажутся лучше его. Какое сравненіе, на примѣръ, можно сдѣлать между имъ и *Тюльпаномъ*? — Никакого (перервала слова ея Царица, голосомъ негодующимъ); вы очень часто перемѣняете нарѣчіе; сперва находили вы видѣ его очень любезнымъ, и характеръ его разума предестнымъ. Это правда (сказала волшебница съ замѣшательствомъ); но послѣ похождения его съ *Амарантою*. — Не говорите объ этомъ (подхвативша Царица), вы видѣли, что онъ со-
А 3
вѣтмѣ

вѣтъ оправдался. Я вижу, сударыня (сказала волшебница), что сердце ваше имѣ занято; но если позволится мсей чистосердечной къ вамъ привязанности представить Вашему Величеству — Пошлемъ къ нему провѣдать (прервала слова ея Царица), какъ онъ находится, я беспокоюсь.

Донесли *Доброгнѣвѣ*, что *Остроилъ* находится въ добромъ здоровѣ, и что восхищенъ опытомъ ея милости. Выслушавъ это, она легла почивать, занималась нѣкоторыми размышленіями, и заснула. *Циклоида* разсуждала много и не спала; бунтующія движенія, колеблющія ея душу, уподоблялись хаосу, коего не могла она раздробить. Она опредѣляла рѣшительно, что имѣетъ истинное отвращеніе къ Царицѣ: но чувствуемое ею къ *Остроилу* казалось ей невѣроятнымъ. Онъ изображался въ ея мысляхъ очень твердо. Она сжалась надъ безпокойствомъ, которое терпѣлъ онъ чрезъ весь день, и рассказывалась, что предала его тиранству *Сафагову*. Послѣ сего чувствованія появилось еще пріятнѣйшее. Воображеніе ея поражено было образомъ *Остроиловымъ*, чувства ея оживились, нѣжное впечатлѣніе наполнило ее сладостнымъ смятеніемъ. Вскорѣ потомъ *Остроилъ*, любимый *Доброгнѣвою*, охладилъ ея сердце. Безпокойство, страхъ и ревность объяли ее; чувства ея опять

ожи-

Ожились, но оныя не были разгорячены
тѣмъ пріятнымъ жаромъ, которой всегда
послѣдуетъ утѣшенію. Это былъ жестокій
огнь, ошлучившій ее далеко отъ самой се-
бя; гнѣвъ, ненависть, бѣшенство занявъ ду-
шу ея, смущали, раздирали и не любили ей
изъ послѣдствій, опричь отчаянія. Таковыя
различныя движенія находились въ ней до
самаго того часа, въ которой Царица про-
будилась, и надлежало ей къ ней идти.
При входѣ въ спальню ревность и ненависть
ея усугубились.

Ахъ, моя дорогая *Анемона*! (сказала
Царица увидѣвъ ее) поди, я расскажу те-
бѣ непріятное сновидѣніе, которое мнѣ
представилось Показался мнѣ *Остро-
илъ*, стоящій предъ мною на козлахъ; онъ
клялся мнѣ вѣчною любовію; его глаза и го-
лось утѣрили мое сердце; я не могла вла-
дѣть собою, хотѣла признаться предъ нимъ
въ моей тайнѣ. Вдругъ темное облако скры-
ло его отъ глазъ моихъ; я не увидѣла *Ос-
троила*, и ты въ тожь время исчезла.
Пришедъ отъ того въ страхъ и жалость, я
очнулась, взрогнувъ; и вспомнивъ о силѣ
моихъ чаръ, велѣла подать мнѣ
ихъ. Посмотри, любезная *Анемона*, на сіи
фіалочки, онъ заявилъ: не могу я сомнѣваться,
что есть ужасной умыселъ противу моего
благополучія.

Циклоида еще не примѣшила оныхъ чудныхъ цѣшорѣ; она поражена была, увидѣвъ оныя; узнала, изъ чьихъ рукъ они дошли, и о помощи, каковую получаетъ отъ нихъ Царя къ опроверженію ея намѣреній. Познаніе сіе ее смутило; но чтобъ скрыть свое смятеніе, а не для уменьшенія ужасу своей совѣстницы, обратилась она къ толкованію сна, и доказывала, что оный не имѣетъ въ себѣ ничего таинственнаго и опаснаго. Между тѣмъ Царя одѣлась, вышла; собраніе было многочисленное. Однако она прервала разговоры, учинившіеся ей въ тягость.

Доброгнѣва назначила шотъ день для празднества, которое *Алмазъ* дѣлалъ въ честь ея. День раздѣленъ былъ на торжество, позорище и пляску. *Алмазъ* приобрѣлъ похвалу; его не называли человѣкомъ темнымъ, нениѣющимъ никакихъ достоинствъ. Представляли комедію, которая всѣмъ понравилась. Сочинитель оной былъ не извѣстенъ, и такъ приписали оную всѣмъ, кои слыли издателями. Нѣкоторый умникъ изъ нижней статьи приказныхъ, не знающій о придворномъ обычаѣ, и который господственно судилъ о сочиненіяхъ въ нѣкихъ темныхъ домикахъ Трансараранскихъ, былъ почтенъ творцомъ комедіи отъ трехъ, или пяти цѣгольковъ пашаго класса; онъ

. на-

важницамъ искуснымъ голосомъ, почитаемымъ отъ простаковъ за смиренномудрый, и опирался, чтобъ лучше увѣрились въ ложной сей объ немъ догадкѣ. Между тѣмъ настоящий Сочинитель, коему не чего уже было бояться слѣдствій, появился. До сей минуты приписывали его сочиненіе всякому, кто только хотѣлъ на себя снять: но тогда обстоятельство переѣнились, и комедію нашли больше прекрасною, чтобъ можно было уступить ее самому Сочинителю.

Во весь сей день *Алмазъ*, какъ хозяинъ празднества, имѣлъ право водить Царицу подъ руку: онъ бралъ приѣжище ко всему, что казалось ему удобнымъ для ея забавы; разказалъ ей больше десяти сказокъ: изъ оныхъ всякая была одна другой ушѣшнѣе. Но Царица въ сей день находилась въ глубокомъ уныніи, коего ничто не могло разогнать; она вѣдала въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ *Алмазъ* набиралъ передышку, для начатія смѣху, къ коему онъ первый старался побуждать своимъ примѣромъ. Холоднѣсть, съ которою Царица его слушала, разстроила его; онъ упрекнулъ, Царица разсердилась, и уныніе Ея Величества разпростерло подражаніе на всѣхъ придворныхъ. Онъ вновь напрягалъ свои силы, чтобъ преодолѣть все; но господа начали дремать на своихъ скамѣчкахъ, придворные можеть быть нарочно поспули;

и наконецъ весь свѣтъ кричалъ, что *Алмазъ* во весь день не дѣлалъ больше, какъ сказывалъ басни, чтобы всѣхъ усыпить.

Акбсальки Царицыны, которые по обычаю во весь день шопъ должны были дать полную свободу *Алмазу*, старались превзойти другъ друга великолѣпіемъ своего плашья. Они провели день, вышагиваясь предъ придворными господами, оспинаивались съ удовольствіемъ прошивъ всѣхъ зеркала, и удивлялись сами себѣ, оказывали свое проворство, и сибались; во время комедіи говорили громче самыхъ дѣйствующихъ на театрѣ, бросали на Царицу страшные и довѣренность являющіе взоры, коихъ она не примѣчала; начинали пляску, прыгали, по шопъ оказывали великую скуку, цѣнили *Алмаза* безъ пощады; и въ тожь время обвиняя съ восхищеніемъ, поздравляли его съ великолѣпіемъ, добрымъ вкусомъ и особенно съ веселостію учрежденнаго имъ праздника.

Что надлежитъ до *Острола*, котораго *Сафагой* по повелѣнію волшебницыну оставилъ въ покое; онъ во весь день проговорилъ съ ложною *Анемою*. Царица оказывала къ ней дружество: по сей причинѣ почиталъ онъ ее. Онъ открылъ предъ нею всю душу свою; и устремляя взоры свои на *Доброгнѣву*, говорилъ объ ней съ сею вѣроломною наперстницею все то, что внушала ему жестокая страсть. Въ продолженіи сего взоры Цари-

ри-

рицынъ, иногда съ безпокойствомъ, иногда съ задумчивостію, по часту съ нѣжностію, обращались на *Остроилъ*. *Циклонда* съ огорченіемъ видѣла союзъ душъ ихъ; но удовольствіе находится близъ возлюбленнаго, расшачало нѣкоторымъ образомъ ея мученія; глаза ея говорили, *Остроилъ* того не понималъ. Она старалась разговорами своими возбудить его, иногда шутила, иногда важничала, оказывая нѣжностію; соединяла она все свое искусство, чтобъ обратить рѣчи на самую себя: но влюбленной *Остроилъ* помышлялъ только о *Доброгѣвѣ*, не видалъ кромѣ ея и говорилъ только объ ней.

Празднество кончилось. Царица ни о чемъ столько не старалась, какъ узнать отъ минимой *Анемоны*; о чемъ говорилъ съ нею *Остроилъ* во весь день. Не обо мнѣ ли вы говорили? (спросила она съ тою живостію, кою одна любовь внушаетъ) Такъ Ваше Величество (отвѣчала холодно волшебница). — А что вы говорили? — Онъ хотя много говорилъ объ васъ (сказала вѣроломная *Циклонда*), но столькожъ и обо мнѣ; это все были шушки; вашъ *Остроилъ* такой волокита. — — Какъ! (подхватила Царица) объяснитесь, я васъ не понимаю. — Вы очень предупреждены въ его пользу, такъ что не лзя вамъ ничего сказать. Я очень вѣрю, что онъ васъ любитъ. Вы весьма прекрас-

красны, чтобъ другой предметъ удобенъ былъ отвлечь его; но между шбмъ любовь своевольна, и мущины вѣроломны. — Ахъ! скажи безбобиняксѣ, говсрила Царица съ крайнею нетерпѣливостію, ты моришь меня на малсмѣ сгнѣ; что сдѣлалъ вѣроломнѣйшій изъ мущинъ, о коемъ я говорю? — Тогда *Циклонда* сплела басню жестокою, разсказала оную съ чистосердечнымъ видомъ, и придавъ вѣ краски, удобныя представить ее вѣроломною. Она оклеветала *Остроила*, будто бы онъ говорилъ ей сбѣ любви, и употребилъ все для увѣренія ея, что онъ только одну ее любитъ: онъ мнѣ клялся (предсказала она) больше двадцати разъ, что только изъ повиновенія волшебницѣ *Гориславѣ* кажется онъ привязаннымъ къ Вашему Величеству. Посудите, каково могла я принять подобное объясненіе! Я довольно разумѣю объ вашихъ къ нему чувствованіяхъ; и очень много привязана къ вамъ, чтобъ склонилась на таковое вѣроломство. При томъ же ужинъ его съ *Амарантою*, и особливо прищворное его обхожденіе съ вами, довольно объяснили мнѣ, что должна я объ немъ думать.

Объ такового жестокаго извѣстія иѣжная *Доброгнѣва* пронзена была живѣйшею печалію; она ощутила въ сію минуту всю силу страсти, вліянной въ нее *Остроиломъ*. Печаль, досада и ревность заняли ея

серд-

сердце; она вперлась, приказала оставить себя въ уединеніи, и провела цѣлыхъ дѣвяти часовъ, ненавидя *Остроила*, *Амаранту*, *Анемону*, весь свой дворъ, и самую себя. — —

Въ сей вечеръ повѣствованіе остановилось на вышепославленномъ словѣ, а слѣдующее продолжалось, когда настала

В Е Ч Е Р Ъ XXII.

Когда печаль осмѣливается отягощать души великихъ особъ, они наказываютъ землю лишеніемъ своего свѣтлѣйшаго явленія. Послѣдовавъ сей почтенной привычкѣ Царицы, постаралась чрезъ цѣлыхъ восемь дней никому не показываться. Въ сіе время *Циклоида* занимала душу всюю злобѣйшими умыслами, и напояла Царицыну подозрѣніемъ. Фіалочки изъ цвѣтовъ *Гориславиныхъ* продолжали вянуть; ложная *Анемона* приписывала приключеніе сіе измѣнѣ *Остроиловой*. Отчаянная Царица, вытерпѣвъ всѣ мученія любви, въ коей считала себя измѣненною, рѣшилась побѣдить свою сласть, и взять къ неблагодарному, котораго весьма любила, чувствованія равнодушныя, коихъ считала его достой.

стойныиѣ. Циклода шоржествовала, вложивъ скорбь въ грудь своей совѣстницы; но она имѣла еще причины пріятнѣйшія ненависти своей, конхъ не упускала изъ виду. Она видѣла *Острогла* каждой вечеръ, и сей нѣжный любовникъ искалъ въ другѣ *Доброгнѣвиномѣ* отрады мученію, причиняемому ея уединеніемъ. Съ перваго вечера ложная *Ансмона* начала наноситьъ ему безъ пощады несиносимые удары. Она объяснила ему съ притворнымъ сгорченіемъ, что *Доброгнѣва* кажется ей быть очень мало къ нему благосклонною; что говоритъ объ немъ всегда худо; что безъ сомнѣнія думаетъ и того хуже. — Ахъ! чтожь я ей сдѣлалъ? сказалъ *Острогла* съ отчаяніемъ. Я не хочу льстить себѣ, но по благосклонности, съ какою она со мною разговаривала. Я осмѣлился надѣяться — Я этому очень вѣрю (подхватила вальсебница): но бывъ ваяв искренною пріятельницею не могу вамъ льстить, и должна, естли только позволено открытъ, что я замѣчаю о склонности Царицыной больше къ *Алмазу*. Повѣрь моему нѣжному дружеству, любезной *Острогла*, истреби изъ сердца твоего страсть, клонящуюся къ твоему несчастію; вы много найдете женщинъ столькожь любви достойныхъ, и имѣющихъ вкусъ лучшій, нежели въ *Доброгнѣвѣ*, которой можешъ учинить

нить васъ щастливымъ. --- Какой совѣтъ !
 отвѣчалъ влюбленный *Остролъ* : я обожаю
 Царицу, я имѣю къ ней такую любовь. —
 Подумай (подхватила волшебница), она
 забрала въ голову, что ты любишь меня,
 --- Ахъ! (сказалъ *Остролъ*, бросясь къ ногамъ ея) выведите ее изъ заблужденія,
 сдѣлайте милость, увѣрьте ее, увѣрьте,
 что никогда --- Прозьба ваша справедлива,
 сказала волшебница съ скрышою досадою, и
 оставила его. Въ послѣдовавшіе за тѣмъ
 разговоры уподоблялись сему; я не стану
 оныхъ описывать, имѣя рассказывать о дру-
 гихъ важнѣйшихъ вещахъ; довольно лишь вѣ-
 дашь, что волшебница старалась всегда ут-
 верждать *Острола* въ опчаяніи, и допу-
 скалъ въ сердцѣ своемъ усиливаться любви,
 столькожъ жестокой, какъ и безразсуд-
 ной.

Въ продолженіи уединенія Царицына прид-
 ворные разсуждали, какая бы могла быть
 причина сему шайному побужденію: одни
 утверждали, что это угрожаетъ опасною
 войною сосѣдственному Королю; другіе го-
 ворили увѣрительнымъ образомъ, что вско-
 рѣ откроетъ то объ важномъ предпріятіи.
 Они описывали всѣ подробности, и видѣли
 неложные успѣхи, богъ знаетъ, чего.
 Господчикъ, *Пустозвѣкъ*, думалъ, что Ея ве-
 личество занимается, выдумкою новыхъ тѣ-
 ней .

ней для шипья; всякъ наконецъ разсуждааъ по своей склонности, по вкусу и по корысти; но чтобъ постигнуть настоящую причину, недоставало имъ бездѣлицы только, благоразумія.

Царица между тѣмъ появилась, и всѣ разсужденія кончились. Тщенио старалась она скрыть тайную печаль ее проникающую; все, что могла она надъ собой учинить, состояло въ томъ, чтобъ казаться угрюмою. Дворъ тотчасъ учредилъ себя по виду своей Царицы; не было лица въ обихъ полахъ, во всѣхъ возрастахъ, чинахъ и достоинствахъ, которое бы вдругъ не учинилось угрюмо: картина шаквая была очень смѣшна, но шла не до шутокъ; всякъ молчааъ, а естъяи и говорилъ, то односложными словами. Искатели престола имѣли назначенные дни для пиршествъ, кон по очереди учреждали въ увеселеніе Царицы, но она безъ сомнѣнія забыла, что очередь сія состояла за *Остроиломъ*, безъ чего конечно бы не вышла изъ продолжительнаго своего затворничества. Она прошла къ впадинѣ оконечной; *Остроилъ* приблизился съ шрепетомъ. Изъ всѣхъ придворныхъ онъ лишь одинъ меньше имѣаъ угрюмости. *Доброгнѣва*, увидѣвъ его близъ себя, пришла въ смущеніе, покраснѣла и отвратила отъ него взоры, — Государыня! сказааъ *Остроилъ* унывно, все видимое мною предвѣщаеаъ
объ

ообщеніи несчастій! — Какихъ несчастій
 опасаетесь вы? отвѣчала Царица съ сурово-
 стію. — ужаснѣйшихъ предъ всѣми на свѣ-
 тѣ! говорилъ онъ: представьте, сколько оныя
 страшны и сколько оштрабають мою душу!
 Печаль, оказывающаяся въ очахъ Вашего Вели-
 чества, не должна ли поразить того, кото-
 рой бы отдалъ тысячу жизней своихъ для
 успокоенія вашего сердца? — Вашъ выра-
 женіи очень ловкія, чтобъ казаться чисто-
 сердечнымъ! сказала Царица. Оныя гораздо
 слабѣ моего чувствованія, отвѣчалъ *Остро-
 иль*. Ахъ, Государыня! сколько буду я
 влощастенъ! ибо не сомнѣваюся, что изъ
 всѣхъ вашихъ искашелей не нравлюсь вамъ
 всѣхъ больше, и прещастливый *Алмазъ* —
 Я имѣю свободу (подхватила быспро Ца-
 рица) предпочитать того, кто покажется
 мнѣ меня достойнѣе — Но кто бы то былъ?
 (подхватилъ *Остроилъ* въ свою очередь)
 Тотъ, кто къ испытаннымъ чувствованіямъ
 присоединяетъ характеръ, любви достойный.
 Разсмотримъ (продолжала она, бросивъ на
 него гнѣвный приведшій его въ трепетъ взоръ),
 что послѣ шаковаго объясненія имѣете ли
 вы право требовать? — Какой ужасной взоръ!
 возопилъ *Остроилъ*; обожающее васъ сердце
 могло ли сдѣлать столь лютое преступленіе
 которое бы оный заслужило? — Онъ умолялъ
Доброгнѣва вскинувъ нечаянно взглядъ и
 Часть II. М лиц

лице его, усмотрѣла оное орошеніе слезами; она смягчилась, вздохъ нѣбнѣлъ тайнѣ ея сердца.

Въ сію минушу *Остроилъ* почувствовалъ великое щекошанье за лѣвую его ногу; онъ тошчасъ забрыкалъ ногою; по тому что былъ щекошливѣйшій человекъ на свѣтѣ. Проклятой *Сафагой* надѣлалъ эшс. По движенію ноги духъ узналъ, что онъ щекошливъ, и съ радостію шѣмъ воспользовался; бывъ невидимъ, усугубилъ онъ свою жестокую шушку. Руки его нѣбли проворство невообразимое, и удобны были учинилъ щекошливымъ человека, ни мало тому неподверженнаго. По мѣрѣ того, какъ прогуливались по немъ проклятыя *Сафаговы* руки, и подвигались къ мѣстамъ чувствительнѣйшимъ, безпокойство и брыканье *Остроилово* умножались: онъ призывалъ на помощь всѣ силы души своей, чшобъ удержаться; но *Сафагой* не давалъ ему ни малаго отдохну. Принужденъ былъ *Остроилъ* покориться своему чувствованію. Сей нѣжный любовникъ, пронзенный до внутренности словами Царицыными, нѣбалъ лице, покрытое слезами, хотѣлъ оправдаться; *Доброгнѣва* сама того надѣялась, слушала его съ нестерпѣливостію: уже смягчалась, какъ вдругъ захохоталъ онъ дурацкимъ смѣхомъ, безпрестанно умножающимся, и сопровождаемымъ

жыгмъ нѣкоторымъ корченьемъ; все то усугублялось смѣшнѣйшими шлодвиженіями. Весь дворъ обратился, устремилъ глаза на *Остроила*, и какъ бы сговорясь, поднялъ вдругъ громкой смѣхъ, разлившійся, подобно по скачкамъ текущему водопаду, изъ комнаты въ комнату, до крыльца и на улицу. Въ одну минушу Траншараранъ, находившійся въ угрюмѣйшемъ на сѣбѣ видѣ, началъ оказывать знаки глупой радости; всѣ въ немъ захохотали, начиная отъ Царицы до послѣдняго конюха.

При умишеніи перваго грома, *Остроилъ* находился почти при смерти, и упалъ безъ чувствъ: отнесли его домой, проходя мимо шумовъ, въ которыхъ чрезъ смѣхъ обратились всѣ придворные. Врачи созваны, они сбѣжались, узнавали, щупали руки, разсуждали, приказали пустить ему кровь, и заключали рѣшительно, что онъ озягощенъ такимъ припадкомъ безумія, которое не излѣчимо.

Доброгнѣва, не взирая на всѣ причины, для которыхъ, думала она, надлежитъ ненавидѣть несчастнаго *Остроила*, была пропущена его состояніемъ, и говорила о томъ съ ложною *Анежною*. Вашему Величеству всего пристойнѣе (отвѣчала сія) забыть объ немъ; это дуракъ, не заслуживающій

М 2

— Это

— Это правда (прервала слова ея Царица, вздохнувъ); какъ жаль!

Представьте о смятеніи, соединенномъ съ бѣшенствомъ, въ каковомъ находился *Остроилъ*; всѣ разсужденія приводили его въ отчаяніе. Его презрѣнная любовь, глупость, учиненная имъ въ глазахъ Царицы, и при томъ обожаемой отъ негс; сіе жестокое щекотанье, коего причины не могъ онъ постигнуть, составляли для него смертельные удары, раздражающіе его душу, и смущающіе разумъ. Какъ великой философъ, къ преодолѣнію несноснаго своего положенія, заключилъ онъ умереть. Готовъ онъ былъ взять шаковое богатырское намѣреніе; но при первомъ словѣ, которое онъ объ томъ сказать хотѣлъ, часы его готовились зазвѣнѣть. Въ самое то мгновеніе ока ощутилъ онъ себя подхваченна невидимою силою. Вскорѣ увидѣвъ онъ себя на высотѣ воздуха въ безмѣрномъ отъ земли удаленіи; и сколько ни былъ отваженъ, но смертный хладъ разпростерся по его жиламъ; онъ лишился чувствъ.

Нѣтъ сомнѣнія, чтобъ это похищеніе не было дѣло *Циклоидино*; ненависть ея къ Царницѣ, и страсть къ *Остроилу*, достигли крайнѣйшаго степені; цѣлшы *Гориславны* приводили ее въ безпрестанное смятеніе: она не могла больше сносить виду своей сожизнницы, и не можно было ей жить безъ *Остроила*. Учинившись невидимою,
пе-

перенесла она его въ замокъ прелестной ;
находящійся въ государствѣ волшебницъ
Обрады.

Она поспѣшала , и путь конченъ не
больше. какъ въ три минуты ; она положи-
ла *Острогла* на софѣ , и поднесши подъ носъ
къ нему чуднаго бальсаму , привела его въ
память. Онъ очнулся и пришелъ въ крайнее
изумленіе.

Нечаянное отсутствіе *Острогла* про-
извело на другой день великое волненіе при
Дворѣ Траншараранскомъ ; минная *Анемона*
пропала въ одно съ нимъ время , и волшеб-
ница старалась , чтобъ насмѣющаяся *Анемона*
не освободилась съ башни : такимъ образомъ
заключено , что вѣроломедъ сей похищилъ по-
другу Царицыну , кошорую онъ обожалъ ; и
что составляло то преступленіе , для котораго
нѣтъ приличной изъ жесточайшихъ казней.
Сдѣлали тысячу другихъ столь же глупыхъ
разсужденій , коими ошлаговали несчастную
Доброгнѣву ; она принуждена была то
слушать , приходя въ отчаяніе ; пошому
что выраженія ихъ были тѣмъ для нее не-
сноснѣе , что благопристойность принужда-
ла ее притворяться. Она могла овладѣть со-
бою столько , что не показала могущаго от-
крыть ея чувствованіе : она являлась не боль-
ше принимающею въ томъ участіа , сколько
требовало правосудіе и польза Ея Величества ,

и прикавала съ хладнокровіемъ учинить погоню на похителемъ *Ансимонинымъ*, ксего не удостоила назвать именемъ. По томъ съ терзаемою душою удаллась во внутренніе чертоги для свободнаго размышленія о своихъ несчастіяхъ.

Между тѣмъ волшебница *Горислава* видѣла все происходящее: правда то, что власть ея не простиралась до возможности разрушать дѣла другой равной ей волшебницы; не позволено ей было силою вырвать внука своего изъ рукъ *Циклоидиныхъ*: но позволялось ей взять всякія предосторожности, кои проворливость ея представляла средствами къ освобожденію *Острола*. Она съ поспѣшностію начала перебирать лучшія свои книги, и нашла, что помощь волшебницы *Малуши*, старинной ея пріятельницы, можетъ быть ей полезною. Она не мѣшкавъ сѣла въ колесницу, запряженную четырьмя крылатыми зміями, и поскакала къ оной.

Малуша была самая благонравная, честная и ласковѣйшая волшебница на свѣтѣ; лучшая забава ея состояла въ томъ, чтобъ во весь день мыкаться по свѣту въ видѣ бѣлой кошки съ черными и желтыми пестринами. Она имѣла проворность невѣроятную, видѣ прелестной, забавлялась безпрестанно, колола только въ шушку, и дѣлала почти ежедневно невинныя проказы. Она была ала

шодь-

только противу людей порочныхъ, которыхъ изъ презрѣнїя къ законамъ и добрымъ ярамъ терпятъ въ обществѣ, и которые составляютъ вредъ и стыдъ для онаго. Кой часъ усматривала она такого человека, спѣшила къ своей добычѣ, и безъ всякой пощады замѣчала онаго на самой срединѣ лба лишерю Б. Сей родъ наказанїя сначала былъ дѣйствителенъ; убѣгали какъ яду замѣченныхъ таковою буквою. Но въ послѣдствїи найдено средство закрывать сей стыдъ небольшою мушкою волохатаго цвѣту. Прикрыли мало по малу; наконецъ вышло то, что сочили оную и за прикрасу; старались налѣплять, и пренебрегали людей никогда на себѣ оной не имѣвшихъ. Волшебница видѣла пронаходящее, много сердилась, но дѣло шло своею дорогою. Она сказывала, что не ея вина въ томъ, что человеки не осмѣливаются ненавидѣть людей безчестныхъ; что къ ней не отваживаются они приближаться; и что она всегда замѣчаетъ ихъ на лбу въ славу добродѣтели, кой часъ попадутся они ей въ когти.

Малуша лишь возвратилась съ радостною побѣдою домой, ей удалось замѣтить двухъ таковыхъ особъ, какъ волшебница *Горислава* прибыла къ ней. Обѣ волшебницы обнялись; причина путешествїя немедленно объяснена, и въ томъ же часъ опредѣлено, какое изъ

братъ средство. *Малуша* велѣла *Гориславѣ* вырвать при волоска изъ кошечьего хвоста своего; она сказала ей, что надлежитъ сожечь оныя на головѣ *Острокиловой*, такъ, чтобъ *Циклонда* не видала, и больше бы не беспокоилась. Или я весьма обманываюсь (говорила она), или всѣ способы, кои она предприметъ ко удовольствованію любви своей, будутъ недействительны и обратятся напротивъ ей. Желаніе вредить всегда ослѣпляетъ порочныхъ; они въ заблужденіи подвергаются страстямъ своимъ; но честныя души находятъ помощь защитить себя отъ ихъ сѣтей. Повѣрьте мнѣ (продолжала она), что при волоска, изъ хвоста моего сожженные, надѣлаютъ хлопотъ *Циклондѣ*. Я очень люблю вашего *Острокила*; я видѣла его еще маленькаго; онъ былъ такъ благонравенъ, любезенъ; *Доброгнѣва* весьма для него ксташи. Надобно соединить ихъ, я на то согласна. Сѣя бѣдная дѣвица претерпитъ нѣсколько досадныхъ опытовъ; я васъ въ томъ предвизвѣщаю. Но ежели судьба не вопрошится, мы достигнемъ желаемого.

Послѣ сихъ достопамятныхъ словъ и благодарности, *Горислава* отѣхала, очутилась невидимою въ замкѣ *Циклондиномѣ*, воспользовалась способною минушою для сожженія шрехъ чудныхъ волосковъ, поплакала

не

немножко надъ своимъ внукомъ, препоручила онаго всѣмъ добрымъ духамъ, и оставила его преданна всѣмъ горестямъ любовнымъ, но не вирая на то покорна предъ предѣленіемъ судьбины.

Изумленіе, въ каковомъ нашелся *Остроилъ*, пришедъ въ себя, и очутившись въ палатахъ незнакомыхъ, принудило его встать поспѣшно; онъ шоропно переходилъ изъ комнаты въ комнату, выскочилъ въ садъ, и пробѣгалъ по оному. Всѣ встрѣчающіеся ему предметы мѣлкали мимо глазъ его, и не останавливали на себѣ оныхъ. Наконецъ въ скрытой дорогѣ повстрѣчался онъ съ мнимою *Анемоною*; онъ находился отъ нее шагахъ въ шести, но она его не видала. Напосаѣдокъ (вскричалъ онъ, зѣвавъ къ ней) гдѣ мы? гдѣ Царица? что сдѣлалось со мною? -- Я не вѣдаю, въ какомъ мы мѣстѣ, (отвѣчала волшебница съ притворною невинностію): но этотъ Дворецъ и сады удивительны. Но вѣдь мнѣ кажется прекраснѣйшее мѣсто на свѣтѣ. ---- *Доброгнѣва* здѣсь ли? -- Не думаю, отвѣчала *Циклода*; я очень ее люблю, и жалѣю, что съ нею разлучена; но когда я нахожу васъ, то вы мнѣ лучше Царицы и всѣхъ придворныхъ. Великодушная *Анемона*! (сказалъ *Остроилъ*) послѣ *Доброгнѣвы* я люблю васъ больше всѣхъ. Любовь влечетъ меня къ ней,

но къ вамъ чувствую я великое дружество.

Разговоръ сей прерванъ былъ пріятнѣйшею послышанною тогда музыкою. Нѣжныя голоса, сопровождаемые звукомъ разныхъ орудій, пѣли хоромъ слѣдующія слова :

Въ семъ жилищѣ столь прекрасномъ,
Всѣ согласно воспоемъ,
Ощущая въ сердцѣ страстномъ
Огонь любовный мы своимъ,
Вспоемъ для Остроила
Анемонины красы,
Чтобъ ихъ страсть соединила
Навсегда въ сіи часы;
Чтобъ они любовью пѣли:
Такъ судьбы то повѣли. (*)

Слышите ли, что поютъ? сказала волшебница Остроилу съ пристратнымъ изумленіемъ; что думаете вы объ этомъ? --- То, что музыка хотя стариннаго вкуса (отвѣчалъ Остроилъ), но довольно хороша, а слова ни куда не годятся. --- Но ежели ме-

(*) Сочинитель проситъ извиненія въ томъ, естли стихи сіи не будутъ найдены довольно прекрасными; волшебница сочиняла ихъ на скорую руку и не когда ей было обокрасить старинныхъ добрыхъ Авторовъ.

между тѣмъ (сказала волшебница) судьбина не шутя повелѣваетъ намъ любиться! —
 Вотъ тебѣ развѣ! (говорилъ *Остроилъ*) это дурачество; я увѣренъ, что судьба о тѣмъ и не думывала. Успокойтись, я люблю *Доброгнѣву* въ тысячу развѣ больше моей жизни, и не думаю, чтобъ самая судьба могла быть въ силахъ охладить мою къ ней нѣжность.

Волшебница догадавшись, что не должно вдругъ нападать, перервала проворно разговоръ, и пригласила *Остроила* иппик прогуливаться съ нею; она показывала ему красоты сего очарованнаго жилища, провѣрность водъ его, прохладность рощей, разположеніе садовъ, великолѣпіе зданій, богатство украшеній и всюду господствующій вкусъ. Таковыиъ родомъ разсѣянія чувствъ изгнано было на малое время воспоминаніе о ея соперницѣ изъ ума его; однако онъ непрестанно возвращался къ предмету, владычествующему его сердцемъ. *Циклонда* тогда слушала его, сострадала, проливая ложныя слезы объ его несчастіи, говорила о своей привязанности, нѣжномъ участіи пріемлемомъ ею въ его печали: сіе польстило ему; скорбь его уменьшилась; довѣренность и дружество постепенно раждались въ душѣ его. *Циклонда* была его пріобѣжище, отрада, вѣрной другъ: въ пе-

ча-

чали его являлось нѣкое удовольствіе о томъ, что Небо, удалив его отъ *Доброгнѣвы*, оставило съ нимъ *Анжону*.

Таковымъ образомъ прошли первые дни; любовь волшебницу ухитрилась: она узнала средство, что можно ослабить величайшую печаль, когда являть, что принимаешь въ оной участіе. Она ничего не упустила могущаго облегчить *Остроилово* уныніе, выдумала ежедневно новыя увеселенія, празднества, пляски, и повороти всѣхъ родовъ занимали собою всякой день и часть ночи. Въ тѣ минушы, когда уныніе *Остроилово* было въ совершенствѣ, *Циклонда* тотчасъ начинала говорить о *Доброгнѣвѣ*: одно сіе имя его пробуждало, разговоръ оживлялся, лице развеселялось, печаль его исчезала; пріятныя предмѣты, представляющіеся тогда глазамъ его, привлекали его вниманіе: онъ могъ видѣть и слышать происходящее вокругъ его; и душа его, не столь понуренная, могла принимать пріятное впечатлѣніе предѣстныхъ забавъ, не подозревая о томъ, что всѣ они для него учреждались.

Искусная выдумка, употребленная волшебницею для истребленія изъ души *Остроиловой* горестныхъ чувствованій, имѣла нѣкоторой успѣхъ; задумчивость его стала не такъ сильна: онъ началъ заниматься игрою

игрою волшебницыныхъ комедіишоѡ, хотя посредственно ловкихъ по тогдашнему времени. Онъ улыбался въ комедіи и взиралъ на *Анемону* почти безъ скуки: въ оперѣ, хотя въ тогдашнее время пѣли еще непосредственно плохо, приставалъ онъ иногда съ своимъ голосомъ. Мало помалу наконецъ попеченіемъ ложной *Анемоны* и съ помощію времени, горестъ его обратилась въ сладостную задумчивость, и страстъ *Циклопидина* учинилась жесточайшею.

Между тѣмъ, какъ *Остроилъ* становился шерпѣливѣе, жесточайшая печаль возмущала нѣжную *Доброгнѣву*: по мѣрѣ того, какъ предметы удалялись, подозрѣнія, внушенныя вѣроломною волшебницею, отчаспѣ теряли свою силу. Разговоръ *Остроилова*, его чистосердечной видъ, страстные взоры, безпокойства и его почтеніе, изображались въ душѣ ея въ сильнѣйшихъ чертахъ любви. Похищеніе *Анемоны* было обстоятельство жестокое, котораго не могла она согласить съ понятіемъ, каковое обѣ немъ имѣла: одно только сіе мѣшало совершенному его оправданію; но со всемъ тѣмъ, не взирая на роптанія разума, не возможно ей было считать его ни измѣнникомъ, ни вѣроломнымъ. Страстъ *Доброгнѣвина* торжествовала надъ дсгадками: *Остроилъ* нѣжной, страстной и невинной, былъ обожаемъ, и она не могла

да

да не чувствовалъ, что любилъ его, хотя бы онъ и виноватъ былъ. 1

Таковыя помышленія слѣдовали повсюду за *Добротыю*; ревность, печаль, страданіе, и съ жестокиа чувствованія, обыкновенно послѣдствующіе страсти нещасливой, попеременно терзали ея сердце; красота ея участвовала въ сему болѣзненномъ состояніи, цвѣтъ лица ея не жилъ быль души ея, глаза ея учились жонны; и за сею пріямною веселостію, умножавшею красому ея, послѣдовало безпрестанное уныніе, навлекшее разныя досадныя переговоры. Сказки *Алжаровы*, *Чандора Тюлпанова*, драгоцѣнности *Пустозвяковы*, и превозходныя дарованія *Кузнечиковы*, не дѣйствовали къ разогнанію ея печали. Когда сіи придворныя начинали съ нею говорить, жаснины изъ цвѣтовъ ея испускали запахъ несносной; а *Сафагой* съ самаго похищенія *Острошова*, переселившійся во Дворецъ, забавлялся въ угодность свою безпрестанно, дѣлалъ придворнымъ пакости. Всѣ свѣдѣніи тому смѣлса, но Царица не находила ничего забавнаго. Но пакостливой духъ дѣлалъ шалости не для пріобрѣтенія рукоплесканій; онъ продолжалъ ихъ въ свое удовольствіе. Какъ онъ не забывалъ пребывать невидимымъ, всякой изъ осмѣянныхъ слагалъ шушку, претерпѣнную на сшощаго близъ его, и ощущивалъ равно-

мѣр-

мѣрно. Сіе еще больше смѣшнымъ представ-
ляло позорище: по всякую четверть чага про-
находили забавныя ссоры между самыми ва-
жными придворными. Царица была шѣмъ
обезпокоена, ничто не утѣшаетъ, когда утраши-
тся вкусъ къ забавамъ; она повелѣла унять-
ся ошѣтаковыхъ шутокъ. Не понимали, кто онымъ
причиною, и подозрѣніе упало на пажей.
Ея Величество повелѣла оныхъ наказать;
они учинились жершвою всеобщаго заблужде-
нія. и приказъ сей исполненъ со всякою стро-
гостию при звукѣ въ сковороды. Не заслу-
женное наказаніе возбудило въ нихъ мще-
ніе, шарикъ изъ нихъ ударяли тревогу, сред-
няго набору и новички къ нимъ пристаи,
и единодушно заключено пристать къ сто-
ронѣ Сафагоевой. Чрезъ короткое время
учинились они столькожъ проворны, догадли-
вы и шалостливы, какъ и онъ; духъ раз-
серженъ былъ ихъ успѣхами, и оставилъ
Дворъ; онъ долженъ можешь быть только
своему безсмертному существу, что не лоп-
нулъ съ досады; однако на нѣсколько лѣтъ
учинился совершеннымъ глупцомъ. Въ семъ
промѣшкѣ времени пажи отправляли его
должность, и присвоили оную себѣ навсегда.

Между шѣмъ надежда оживляла Цик-
лонду, страсть Остроилова была равно
нѣжна, чистосердечна и постоянна, но
учинилась спокойнѣйшею. Всѣ разговоры его
съ

сѣ мнимую *Анемоною* клонилась до невольничества, въ коемъ принуждены они жить; онъ всегда воспоминалъ о страдномъ своемъ похищеніи, приписываяаъ оное чудеснѣйшей силѣ, но не постигалъ причины. Чего отъ него требують? Что намѣрены съ нимъ дѣлать? Кому надлежитъ сей замокъ? Для чего прекрасная *Анемона* была жертвою и участницею его несчастія? Что она сдѣлала? за какую вину ее наказываютъ? были его безпрестанные вопросы. --- Вы бы меньше обо мнѣ жадѣли (отвѣчала ему мнимая *Анемона*), еслибѣ знали, сколько я васъ люблю. Я ни о чемъ не жалѣю, находясь съ вами. Таковымъ образомъ всегда оканчивались разговоры ихъ, доказательствъ и о живѣйшемъ участіи, которое пріемлютъ они другъ въ другъ. Волшебница, какъ женщина остроумная, не старалась достигать усиленіемъ: она вводила его постепенно въ ослѣпленіе и достигла наконецъ достигнуть своей мѣшты. Имѣя важныя успѣхи, уповала она, что можно уже довершить ослѣднее помощію искусства. Она призвала на помощь всю силу власти своей; учинила таинственнѣйшія заклинанія и страшныя волхвованія; призвала всѣхъ влюбленныхъ волшебницъ со всего свѣта; приступила съ ними къ дѣйствію, и истощила всѣ возможныя средства, кои можешь внушить ве-

ан-

дичайшая страсть, подкрѣпляемая почти безпредѣльнымъ могуществомъ.

Вдругъ дворецъ ея, и безъ того великолѣпный, воспріалъ новой видъ. Чертоги, большіе и малые покои, обои, картины, истуканы премѣнились; всѣ оныя представляли; вдыхали и возжигали сильный пламень утехъ любовныхъ. Сады, деревья и цвѣты, украсившись дыханіемъ сѣмыхъ нѣжныхъ Зефировъ, являли прельщающій видъ первыхъ весеннихъ дней; тысяча дорогъ, скрывшихся новымъ листомъ, указывали убѣжище въ очарованныхъ бесѣдкахъ; пріятнѣйшая зелень, пѣніе птицъ, благовоице цвѣтовъ, шумъ упадающихъ водъ; оживающая природа; словомъ сказать, все въ прекраснѣйшемъ семъ жилищѣ возбуждало въ чувствахъ сладостное возжеланіе и нѣжное впечатлѣніе роскоши.

Какое очарованіе! любезная *Анже́на*, (вскричалъ *Остродѣль*, влекомый волшебницею для прогулки въ рощахъ) видѣли въ что нибудь пріятнѣйшее? Какъ сады сіи прекрасны! какое зрѣлище! я восхищенъ! — Я также, какъ и вы (ошѣчала волшебница) ощущаю крайнее удовольствіе; привлекаешь ли васъ сія любезная прохлада рощей? Ахъ! какъ красива долина сія! — Говоря это, они шли далѣе. Они достигли на площадку, обсаженную миршамъ и помѣранцами, наполняющими воздухъ ароматнымъ испареніемъ, видѣвъ среди оныхъ былъ порфир-

Часть II.

Н

ный

ный водоемъ, наполненный прозрачною водою, изъ которой выходила богиня любви, высѣченная изъ бѣлаго мрамору, окруженная радостными и младенцами, изображающими Леля и Полюда: самая Лада находилась въ положеніи столь благопріятномъ, что взоры не могли потерять ни одной черты изъ тѣхъ заразъ, кои составляють блаженство самыхъ боговъ. *Остроилъ*, пораженный изображеніемъ совершеннѣйшаго художества, алчно пробѣгалъ взорами по прелестямъ сего истукана; чувствуя, овладѣвъ его взорами, приаппали оныя къ пріазлекательнѣйшимъ чертамъ Лады, какъ вдругъ возбужденъ онъ былъ сладостнымъ согласіемъ музыки. *Циклоида*, и онъ, схватившись руками, и равнобѣрно бывъ очарованъ тѣмъ прелестнымъ звономъ, обратились къ тому мѣсту, откуда оный происходилъ.

На берегу водоема, коего поверхность представляла хрустальные ковры, молодыя дѣвицы изъ служительницъ волшебническихъ, собравшись по ея приказанію, составили привукъ сладкогласныхъ орудій ту обворожающую игру, кою изобрѣлъ вкусъ къ возжеланію, и которая оное производилъ. Одежды ихъ, разположенные искусно по характеристамъ, кои онымъ представлять надлежало, на однихъ щеголеваты, на другихъ легки и всѣ сработаны предестно, были устроены

женше для того, чтобъ скрывать отъ глазъ
ихъ прелести, чемъ удовлетворялъ иѣжному
любопытству. Нѣкоторыя изъ нихъ ле-
жали разбросавшись на цвѣтущей муравѣ,
и присоединяли голоса свои къ музыкаль-
нымъ орудіямъ: онѣ воспѣвали любовь, и
присоединяли свои прелести, пристрастіе къ
выраженію своего пѣнія. Другіе развились съ
любовниками, возпламененными и живыми; шут-
ливыя усмѣшки одушевляли тѣмъ лицъ ихъ,
и учиняли зрѣніе на нихъ тѣмъ больше
прельщающимъ; онѣ кончили игру свою, свя-
завши другъ друга цѣпами изъ цвѣтшоръ. По
томъ побѣжавъ въ запуски, удалялись отъ
своихъ подружекъ; любовники старались ихъ
догнать, готовились уже схватить: но онѣ
увернувшись, ускользали изъ рукъ простер-
тыхъ; напоследокъ ихъ ловили: поцалуй,
данный съ пріятностію и принятый съ
восхищеніемъ, былъ наградою побѣдителя.
Многіе изъ нихъ живѣйшею пляскою изоб-
ражали полетъ дышущихъ любовію бабочекъ.
какъ онѣ при возхожденіи солнца поправ-
ляютъ свои крылышки, летятъ, кружась,
перескакиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ;
ищутъ шѣхъ, съ жонми наддежишь имъ цѣ-
лишься; находятъ, останавливаются, целуютъ,
играютъ, и улещаютъ. Тѣ же дѣвицы нача-
ли послѣ того, схватившись руками, веселой
танокъ; толпа пастушковъ, предводимыхъ

богомъ любви, спѣшила присоединиться къ нимъ. Тогда легкіе ихъ ноги начали лешать по мурасъ съ живостію, внушаемою вождествомъ, которое они изображали и вдыхали; ихъ повороты, нѣжные взоры, усмѣшки представляли неземное искусство, соблазняющее душу и возпламеняющее новымъ огнемъ. Онѣ побѣжали за шѣмъ, чш.бъ ихъ догоняли, и чш.бъ получили время къ выбору. Вскорѣ любовь ихъ разпредѣляла: онѣ пошли шомно съ обѣщаніемъ, разпростертыми для нѣжности, и взраши удовольствіями: это было изображеніе ушѣхи, роскоши и щастія. Танокъ кончился, прекрасный хороводъ мало по малу пропалъ изъ виду въ бесѣдахъ и шѣняхъ, находившихся вдоль по водоводу.

Ахъ! какъ они щастливы, прекрасная, *Анемоча!* (вскриалъ тогда разпроганный *Остроилъ*) *Циклонда* отвѣщствовала ему вздохомъ; ея взоры на него устрѣченные, были исполнены той плабнающей шомности, которая открываетъ чувства, происходящія въ душѣ, и всегда на глазахъ оныя изображаетъ. Впечатлѣніе предметовъ, конни они ванинались, желаніе ея нѣжность, появляющаяся на лицѣ, составляли видъ разительной; ея уста, глаза, румянецъ, всѣ черты представляли любовь и самую роскошь. Движенія *Остроилы* уподоблялись смущенію вод-

волшебницыну, которая шла повалиться на
дерновой софѣ. Онѣ держалъ ее за руку, и
приходилъ въ одинакое съ нею состояніе;
руки ихъ сплелия, взоры повстрѣчались,
смушились, вся вселенная въ оныхъ исчезла:
они видѣли только себя во всей приро-
дѣ.

Циклонда достигла минувшей побѣды
своей, ея желанія достигли высооты, равно
и Остроиловы въ жестокомъ восхищеніи; всѣ
чувства его объяшы были огнемъ любовнымъ
. . . Вдругъ смертной хладъ разпростерся
въ его жилахъ; онѣ ослабѣлъ, какъ бы без-
душной въ объятіяхъ волшебницы; она об-
нимала шокмо тѣнь Остроилову. Въ смяще-
ніи всемъ земѣшилъ онѣ однако, что часы
его не звенѣли и кольцо не сжималось. Ме-
жду тѣмъ чувства его уступили мѣсто раз-
сужденію, и самолюбію; онѣ взглянулъ на
минимую Анемону. Вепорядокъ, въ кото-
ромъ она находилась съ прочими обсто-
пительствами, укоряли его въ слабости, и до-
казывали о его стыдѣ. Онѣ съ досадою по-
чувствовалъ свое нещасіе.

Можетъ бышь лъа сказать, что Ци-
клонда привыкла къ неудачамъ. Частохватъ
составлялъ первый ея союзъ въ жизни, но
не весьма соответствующій ея намѣренію.
— успокойтесъ, мой дражайшій Остроилъ
(сказала она, подавъ ему руку съ нѣжными взо-
ромъ); это маленькое приключеніе случайное

въ сѣтѣ; я не сержусь, это не наруша-
етъ дружества. --- Ахъ, сударыня! я въ
отчаяніи (отвѣчалъ *Остроилъ* съ холодно-
стію): испыталъ ли ктонибудь такую
переибыту? Еслили вы знали... Могъ ли бы
я опасаться? ... Нѣтъ, такое несчастіе
не можетъ быть со мною!

Циклонда, которая для успокоенія его
могла бы разказать нѣсколько примѣровъ,
удовольствовалась усмѣшкою, и обратила
случай сей въ шутку. Такое снисхожденіе
уменьшило нѣсколько стыдъ *Остроилва*, но
безпокойство его совсѣмъ тѣмъ было вели-
ко; въ самомъ дѣлѣ случай его въ основаніи
не такъ былъ обыкновененъ, какъ мнила
волшебница; ему потребно было нѣсколько
времени для уединенія. Онъ оставилъ вол-
шебницу, удалился въ темную лиственную
дорогу и предался разсужденіямъ. Оныя ка-
сались до прошедшаго прикаженія предсто-
ящей опасности и страха о предбудущемъ.
Онъ не постигалъ, что его предохранило.
Какъ можно было ему угадать, что три
волоска изъ хвоста волшебницы *Малуши*
были шого причиною? Обѣ покровительницы
его имѣли свои виды: часы и кольцо его ли-
шенны ими дѣйствія.

Сей вечеръ кончился безъ особенныхъ
замѣчаній со стороны *Избора*: сказывальщикъ
упомявъ, попросилъ отдохновенія.

ВЕ-

Остроилъ, не постигая объ силѣ его предохраняющей, видѣлъ только одно свое несчастіе. Чтѣ подумаетъ обо мнѣ прекрасная *Анемона*? вскричалъ онъ. Но что подумать мнѣ и о самомъ себѣ? Какъ! я не могъ возпротивиться! Любопытство привлекало меня сдѣлать новое испытаніе; но возможно, что ничто мнѣ не препящствовало? . . . Ахъ! я пропалъ! (вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ по маломъ размышленіи). Любовь меня наказала; безъ сомнѣнія это была невѣрность Но развѣ меня любящъ? вѣдь лишь въ такомъ случаѣ можно учиться невѣрнымъ. . . . Увы! я самъ причиною моего несчастія. Часы мои не звенѣли и кольцо не сжималось, въ этомъ случаѣ я правъ; имъ бы надлежало меня необходимо уведомить; по крайней мѣрѣ невѣрность не иное что, какъ глупость. . . . Нѣтъ! совѣтъ не то; невольное заблужденіе чувствъ не можетъ быть препящствіемъ любви; надлежитъ, чтобъ измѣнилось сердце, а мое сего не дѣлало, и всегда одинаково; я всегда обожаю и люблю прекрасную *Доброгнѣву*.

Син тонкій разсужденія не коснулся можетъ быть общаго мнѣнія въ цѣломъ

сѣбѣ; вкусы почти всѣ различны, и мысль
одинъ отъ другаго несогласна. Я самъ
признаюсь (господи! скрывающійся Избо-
ру), что моя любовь не очень бы меня
удовольствовала такими измѣненіями. Но
между тѣмъ ежели здраво разсудить, всѣ
преступленія, не оскорбляющія душу, сіи
заблужденія чувствъ, или сіи ложныя вѣды,
отъ которыхъ сердце отвергается, не суть
небѣдности настоящія; есть то слабости
человѣчныя, которыя надлежитъ пощажать
на ряду съ пріятными сновидѣніями, и ко-
торыхъ не видѣвъ мы съ намѣреніемъ. Ви-
новатъ ли шонъ, кто изслулъ? Я отношу
разсужденія мои къ женщинамъ совершенно
нѣжнымъ, оныя найдутъ у нихъ одобре-
ніе. Мы живемъ въ вѣкъ просвѣщеніи, въ
гдѣ нѣтъ иныхъ вопросовъ, какъ только объ
душѣ; тѣло за ничто счѣтается. Какая
въ самомъ дѣлѣ надобность надзирать за
шаковою иблочью? шонъ естъ царствуетъ во
всемъ; не требуютъ, опричь ее во всякихъ
сочиненіяхъ, на театрѣ и въ обществѣ.
Достоверно дѣйствуютъ по сему правилу,
и вѣкъ нашъ для опличія можетъ назваться
вѣкомъ чувствъ.

Вѣкъ, въ которомъ жила Циклонда
былъ меньше шонъ; тогда во вкусъ бы-
ло наслажденіе, и не считалось за неблаго-
пристойность: можно по шону замѣнить,
что

что смущеніе *Остроилово* не приводило ее въ отчаяніе. Надобно лишь было дать время поспорить ему съ самолюбіемъ, и ожидать скорого его возвращенія. Она не обманулась; день кончился уже, какъ вышелъ онъ изъ темнаго дѣску, въ которомъ онъ забылся, и вошелъ въ палаты. Вступая, спросилъ онъ, гдѣ *Анемона*? Увѣдомили его, что она дожидается его въ своихъ покояхъ; онъ увидалъ ее и покраснѣлся.

Вы очень поздно возвратились (сказала ему *Циклода*); довольны ли вы вашей прогулкой? Что надлежитъ до меня, я упоминаюсь. Я мало участвую въ вашихъ трудахъ нынѣшнихъ (отвѣчалъ *Остроилъ*, еще больше покраснѣвши); вы безъ сомнѣнія должны имѣть оцѣнку мнѣ странный. --- Намлучшее въ свѣтѣ (подхватила она); забудемъ всѣ наши шалости. Вѣрите ли вы, что я не очень довольна тѣмъ, что мнѣ не въ чемъ укорить себя? Я не опираюсь (продолжала она, кинувъ на него нѣжнѣйшій взглядъ), что вы могли возсмерженствовать надъ моею слабостію, еслибы похотѣли обмануть меня.

Это значило напомнить ему о его слабости собственной, способомъ удобнымъ возбудить его тщеславіе. Онъ почувствовалъ всю силу сего впечатлѣнія: готовъ былъ ей отвѣчать, но вошли сказать, что кушанье пославили. Они сѣли за столъ; ужинъ былъ

довольно весель, ничего не упоминали о проступкѣ *Остроиловожѣ*; празднество происходившее днемъ, и балъ, назначенный въ сей вечеръ, составляли предметъ ихъ разговоровъ. — Вы всю ночь наизбрены заняты баломъ? сказалъ *Остроилъ* волшебницѣ съ безпечностью, когда они изъ застола встали. Не чего больше дѣлать, отвѣчала она. — Что до меня (сказалъ *Остроилъ*), танцы и пляска наводятъ мнѣ скуку. — А мнѣ кажется (говорила волшебница съ лукавою усмѣшкой), вы ничего лучше не сдѣлаете, вы танцуете такъ прекрасно. Повѣрьте мнѣ, что надобно любить вещи, въ которыхъ кто искусенъ. — Ваша досада еще не кончилась (отвѣчалъ онъ съ жаромъ); я оную заслуживаю, но всегда, сударыня, извиняюсь первую погрѣшность, когда въ оной чистосердечно извиняюсь; это значить, что можно исправиться. — Будете довольны (сказала лукавая волшебница), что вамъ добровольно въ этомъ вѣряю; вы же стоки въ размышленіяхъ: я замолчу, чтобъ не подать вновь вамъ къ онымъ причины.

Насмѣшка сія не кончилась тѣмъ: на балѣ не было ни одной мазки, которая бы не подходила къ нему и не шутила надъ нимъ. А особливо одна весьма ему надобла; она спрашивала у него, каковъ онъ находится послѣ давешняго приключенія. Насмѣшка сія

сія колынула его, и шѣмъ больше, что назва-
 ла сія была женщина. Онѣ не имѣлъ со-
 вершеннаго понятія о свойствѣхъ погрѣшности
 своей; но нѣкое предчувствованіе объясняло
 ему, что приключеніе его удобно возму-
 щаетъ духъ прекраснаго пола. — Э! кста-
 ши ли молодому мужицѣ (сказала маз-
 ка) судить такъ строго о цѣнѣ вещей,
 чтобъ не шлогамо его одобреніе, каковое
 можно получить отъ женщины? Она учи-
 нилась прекраснѣе обыкновеннаго отъ сво-
 ихъ желаній; самолюбію бы своему надле-
 жало искать славы. — Сказавъ то, она
 отъ него побѣжала. *Остроулъ* шронувшій
 со стороны любочестія погнался за нею, и
 достигъ: онѣ старался ничего не упустишь
 къ своему оправданію, но ни чему не вѣри-
 ли: держались обстоятельствъ его приклю-
 ченія, описывали оное подробно съ тон-
 кою насмѣшливостію. Слыша то, онѣ спу-
 стилъ руки, смутился и сталъ присты-
 жденъ. Старался онѣ сыскать глазами мни-
 мую *Анемону*; увидѣвъ оную; она то при-
 нѣшила, и сказала видѣ, что хочетъ
 скрыться. Онѣ хотѣлъ поспѣшить за нею:
 нѣсколько неугомонныхъ мазокъ пристали
 къ нему, завели его въ разсворѣ; съ пре-
 великимъ трудомъ онѣ свободился отъ нихъ,
 и пришелъ въ спальню къ *Циклондѣ* въ са-
 мую

нуу шу кинуу, какъ она ложилась въ постель, совѣтъ раздѣшисѣ.

Чѣю ва-ъ шакъ привудило, шой любезной *Остроилъ*? (сказала онѣ, притворившись весьма изумленною.) Какъ вы думаете, кошорой бы часъ? — Ахъ, сударыня! (подхвѣшавъ онѣ) вѣдаете ли вы, что наше приключеніе всему свѣту извѣстно? Всѣ на балѣ — Но я не имѣла никакого приключенія (ошвѣчала волшебница); за чѣмъ мнѣ выѣшиваться — Это правда, я говорю объ своемъ (продолжалъ *Остроилъ*, засмѣясь). Я заслуживаю это — Да, оно пронзаетъ! (сказала волшебница насмѣшливымъ голосомъ) — Ахъ! ошарьте ваши жестокія шутки (ошвѣчала онѣ съ досадю). Вы одни могли объ томъ сказать — А что бы шакое могла я сказать? Вѣдь вы не требовали отъ меня, чшобъ я о томъ шнала. Тайна касается до какой нибудь вещи, а между нами ничего не было. Подите, успокойтесь (продолжала она, подавая ему прекрасную руку, и движеніе кошорой необходимо должно было открыть нѣсколько другихъ предестей), не помышляйте больше о сей глупости, и дайте мнѣ уснуть; я устала. . . . А я (сказалъ *Остроилъ* съ жаромъ) готовъ отмстить вамъ за нескромность. — Выговоривъ это, бросился онъ въ обѣ-

объявляя волшебницы. Что за дурчешство? вскричала она; но по стой! шебъ не удастся — дѣло сбыточное! (говорилъ ошважившійся *Остроилъ*); но онъ васъ зависить, чтобъ изъ доброй воли. . . Я обнженъ, надбно ошмстить — Но къ чему вы намѣрились? время ли для разговоровъ? (сказала волшебница) Я никогда не думала. — Между тѣмъ, какъ она говорила къ нему сіи обыкновенно употребительныя слова, онъ былъ уже на постелѣ, и взошелъ какъ побѣдитель, коему ничто не могло противостоять. Думаете ли вы (сказалъ онъ гордо), что могу быть я всегда несчастливъ? . . . Вы не говорите ни слова. О! Это значить, что вы согласны. Сказавъ то, схватилъ онъ ея руку. Она противилась, или притворялась сопротивляющеюся; обстоятельство не имѣло слѣдствій. *Остроилъ* находясь въ спокойномъ положеніи, лишь говорилъ о прошедшемъ приключеніи. Вспомните о дерновой софѣ . . . Но не будемъ больше говорить о томъ; бывають въ жизни злыя минуты. Послѣ таковаго смѣшнаго предисловія храбрый *Остроилъ* не зналъ что дѣлать. Ему оставался лишь одинъ шагъ, которой бы могъ оправдать его — Но онъ опустилъ ея руку изъ руки своей, вздохнулъ, и началъ громкогласно проклинать свое несчастіе. Ложная *Анемона* захохотала, и тѣмъ довершила его смятеніе. Хоро-

рошо вамъ смѣяться (сказалъ *Остронль* съ досадою), но что лежишь до меня, ни въ не до шутокъ. Онъ вскочилъ по шуму со стыдомъ, бѣшенствомъ, и проливая съ серцовъ слезы. — Это что значить? сказала ему тогда волшебница съ иѣжностью. Какъ! ты плачешь? бездѣлица тебя сторчаетъ, и приводитъ въ отчаяніе? Безъ сомнѣнія, ваше безпокойство составляетъ источникъ всего несчастія . . . Успокойся, мой любезной (продолжала она, цалуя его): это случилось не отъ вашей погрѣшности; можете быть я причиною. Таковой разговоръ, ласки и поцалуи волшебницыны, вдругъ переѣбили обстоятельство; онъ вспыхнулъ снова; но въ шужь минуту упалъ въ прежнюю слабость и безмолвное отчаяніе. Вся ночь прошла въ таковыхъ переѣбкахъ, которыя разбѣсили волшебницу. Что скажете вы о семъ происшествіи? (говорилъ наконецъ смущенный *Остронль* волшебницѣ отчаянной). — То (опыѣчала она), что вы имѣете руки прекрасныя, но чрезмѣрно слабыя. — Охъ, сударыня! (кричалъ онъ съ досадою) не къ иѣсту шулки; я ушверждаю, что есть въ семъ иѣчто чрезвѣстшественное. — Подише почивать (сказала волшебница сухо)! вамъ нуженъ сонъ; вы можете завтра разсуждать и постигать, сколько вамъ угодно, ешьямъ чаеше, что это иждѣлать васъ. —

Онъ

Онъ не смѣлъ противиться, ошдавъ низкой поклономъ, пошелъ въ свою спальню, кусая губы, и оставилъ волшебницу въ несносной досадѣ.

В Е Ч Е Р Ъ XXIV.

Циклонда пробудившись (это слово доказываетъ, что она спала, хотя те и сомнительно), начала размышлять о потеряномъ времени, не смѣя, чтобъ сожалѣть, но чтобъ изыскать средства, могущія поправить оное. Ей вспала мысль, приведшая ее въ стыдъ, что такъ поздно пришла она къ ней! Гдѣ дѣвался умъ мой? (вскричала она) любовь меня весьма ослабила. Я люблю, и подъ видомъ другой думала воспоржествовать. Таковое размышленіе послѣдуемо было всѣми выгодными воображеніями, которыя внушаетъ самолюбіе. Она не сомнѣваясь далѣе сложила на видъ *Анемонки* неудачу претерпѣнную, и льстила себя, что въ своемъ собственномъ видѣ nebudeтъ оной подвержена. Вотъ въ чемъ дѣло! сказала она; эта *Анемона* дыкаетъ въ него предразсудки. Отъ того - те онъ приходилъ въ отчаяніе, которому причиняю я не постигаю и въ чемъ обвиняю его не-

нѣсправедливо. Ахъ, бѣдной мальчикъ! Это не твой проступокъ; я справедливо говорила ему вчера, что можешь быть я того причиною.

Она въ то время стояла противу зеркала. Въ самомъ дѣлѣ (продолжала она); *Анемона* ничего въ себѣ такого не имѣетъ. Какой видъ! въ ней нѣтъ пріятностей; станъ ея неловокъ; походка гадка; цвѣтъ въ лицѣ годился бы, но самое лице ничего не общаетъ; словомъ сказать, она не важна. Послѣ такого изслѣдованія оставивъ она нечеловѣчно образъ *Анемонины* и приняла свой собственнй; и какъ уже не имѣла надобности въ чертахъ ей ненравныхъ, то отошла къ хозяйкѣ. *Анемона* приняла ихъ съ удовольствіемъ, не желая промѣняться тѣмъ ни съ какою волшебницею на свѣтѣ.

Послѣ того не оставалось о чемъ думать; кромѣ того, какъ бы показаться на глаза *Остроилу*. Величественное явленіе казалось ей къ тому удобнѣйшимъ. Она знала, что челоѣки, рабы ихъ волшебнаго могущества; имѣють слабость унижаться предъ онымъ, упреждать ихъ и самыя незаконныя желанія, удовлетворяють съ покорностію ихъ своенравію, и счишашъ за славу, служа ихъ утѣшеніямъ. Но снѣтъ-то понятіемъ, каковыя имѣють и всѣ великія особы о низкихъ челоѣ-

довѣ-

Волѣкахъ, волшебница учредила свои разпо-
ложенія. Она поднялась на воздухъ, и ок-
ружила себя всею пышностію своего до-
стоинства. Громъ и молнія возвысили при-
бытіе ея въ замкъ; она сидѣла въ коле-
сницѣ, осыпанной брилліаншами и везомой
осмью какъ сибгъ бѣлыми лебедями: ве-
личественное ея одѣаніе серебряной парчи
блистало омъ другихъ камней. Я сказааъ
уже, что она была прекрасна: сія новая Ла-
да подражала казашься шею, которая при-
влекла на себя взоры *Остроиловы* въ пор-
фирномъ водоемѣ. Выступка ея была вели-
чественна, глаза живые, нѣсколько важные,
но прелестные, когда напоминались нѣжностію;
цѣлѣ лица ея имѣаъ всю нѣжностію млада-
сти; и плащъ ея, подобраное выше колѣнѣ
ахоншовыми запонами, оказывало прелестныя
ножки. Прибывъ, окружена была она всѣ-
ми своими придворными.

Остроилъ, оглаженный печальными раз-
мышленіями, и съ сердцемъ наполненнымъ
любовію, прохаживался тогда въ саду. Онъ
помышляаъ только объ одной *Доброгнѣвѣ*,
и былъ нѣ надумчивости выведенъ послѣ-
довавшимъ треновымъ ударомъ, который
предшествовааъ прибытію *Циклоды*;
прибѣжааи утѣдомить его о томъ, и что
она хочеть его видѣть. Наконецъ (сказааъ
онъ) узнаю я о судьбѣ моей. Такова наде-
жда

Часть II.

О

жда

жда произвела въ душѣ его лучъ радости : онъ побѣждалъ поспѣшно, вшелъ веселъ, приблизился къ волшебницѣ, и сказалъ голо- сомъ, наполненнымъ почтенія и важности, что безъ сомнѣнія находишься онъ въ замкѣ семь по ея волѣ; что онъ осмѣливается просить, чтобъ уведомили его, по какой это причинѣ; что онъ сочтешъ себя щастливѣй- шимъ человѣкомъ, когда услуги его ей мо- гутъ быть полезны; но что праздность, ка- ковой онъ предоставленъ, не предсказываетъ ему таковой чести: почему дерзаетъ про- сить объ своемъ увольненіи; ибо честь и слава его требуютъ присутствія его въ дру- гомъ мѣстѣ.

Циклопа отвѣствовала ему величе- ственно, что нѣтъ нѣкоторое въ разсужде- ніи его намѣреніе, о которомъ объявилъ ему; что впрочемъ отданы были ею стро- гія повелѣнія, чтобъ во время отсутствія ея ничего не недоставало къ веселію про- рожденнаго имъ адѣсь времени. Но что ка- сается до вашей праздности (продолжала она съ усмѣшкою и взглядомъ, разстроившимъ *Острогла*), я довольно предуведомлена, что нѣтъ причины вамъ упрекать въ томъ себя.

Послѣ сего перваго разговора, которой въ честь чина ея проходилъ въ присут- ствіи всего Двора ея, покуда она во внутрен- нѣ

нѣ покѣнъ, приказавъ *Остроуму* слѣдовать за собою; тамъ сѣла она на самой мягкой софѣ. *Остроумъ*! (сказала она ему подѣмъ) я не знаю, что подумаете вы о снисхожденіи, которое я дѣлаю для васъ? ибо я волшебница: существо наше столько возвышено надъ человеческимъ, что нѣтъ изъ нихъ столь дерзкаго, который бы осмѣлился взвести глаза свои на насъ, еслили мы не удостоимъ ихъ снисхожденія. Наше возвышенное достоинство даетъ намъ право дѣлать съ благопріятностію таковыя нашествія; мы можемъ и должны въ разсужденіи васъ оказывать тѣ же поступки, кои вы употребляете съ обыкновенными женщинами. Я люблю тебя, *Остроумъ*, и щеголю оное открываю: могу ли я ожидать признанія за таковую къ тебѣ милость?

Остроумъ не ожидалъ таковаго нахальнаго объявленія; онъ имѣлъ только превосходное (какъ уже видѣли) понятіе въ обхожденіи съ просшими женщинами, но ни малѣйшаго, какъ поступать съ волшебницами. Онъ выдумывалъ, что отвѣчать; *Пиклонда* его предупредила. Что надлежитъ мнѣ предчувствовать изъ твоего молчанія? (сказала она съ строгостію) Не къ неблагодарному ли имѣла снисхожденіе? Не должно ли вооружиться мнѣ всею моею властію —

— Ахъ, сударыня! (подхватилъ *Остроумъ*,

бросаясь на колѣни), я ничего не видывала въ васъ прекраснѣе; душа моя пронута вашими милостями; и, еслили угодно, я жертвую вамъ моею жизнью; но, По счастью шумъ часовъ его зажалъ ему тогда ротъ, Чистосердечіе его готово было не кснани вымогати глупость иѣмъ величайшую, что она разстроила бы намѣреніе обѣихъ цокровишельствующихъ его волшебницъ.

Я издаю (сказала ему Циклонда), что вы имѣете нѣкоторую склонность къ Царицѣ Трантараранской. Она довольно прекрасна; но пора уже еѣ забыть. Я не говорю ни слова объ *Ажарантѣ*. Союзъ вашъ былъ такъ кратокъ; *Анемона* скоро заняла ихъ мѣсто. Какъ, сударыня (перевѣсивъ слова ея *Остроула*) вы думаете. . . . О! (подхватила волшебница) я надѣюсь что наймъ не будемъ предѣлствіа, Она позвонила въ колокольчикъ; пришла. Она повелѣла начать все, что можеть доставить увеселеніе, и въ то игнореніе она начала музыка; волшебница между тѣмъ възвала узелки, а придворныя госпожи ея звали со снаки. Музыка не ушѣла *Остроула*. Онъ ушелъ въ свой покой предаваясь печальнымъ размышленіямъ, стѣсняющимъ его душу; казалось, что любовь его въ *Доброгѣбѣ* возросла отъ новаго сего преплствіа, которая угрожала ему волшебница. Онъ не

за-

видѣлъ другаго средства прогнать ея гоненія, кромѣ немедленнаго бѣгства; онъ хотѣлъ удалиться на край свѣта, чтобъ не измѣнить клятвѣ, данной Царицѣ, имъ обожаемой. Но какъ можно было выйти? Слѣды сего очарованнаго замка не охраняемы ли были волшебствомъ *Диклондинымъ*? Чтобъ ни было (вскричалъ онъ съ отчаяніемъ), подвѣргнемся всему для избавленія себя изъ сего несноснаго жилища. Говоря сіе, онъ всталъ идти; но почувствовавъ свой палецъ, сжимаемый кольцомъ, почти столькожь больно, какъ у *Амаранты*. Я не понимаю (вскричалъ онъ вслѣдствіе), чего хочетъ кольцо мое? Что мнѣ вѣсть дѣлать? Для чего не позволяется мнѣ бѣжать? Какъ мнѣ защищаться? Чегожъ и опасаться? Останемся до тѣхъ поръ, сколько можно - - - Прдамъ себя покровительству *Гориславину*; но что бы ни послѣдовало, я, не взирая на усилія всѣхъ волшебницъ на свѣтѣ, пребуду вѣренъ.

По долгомъ размышленіи показалось ему, что нашелъ онъ самый хитрый способъ въ пользу любви своей. Онъ составилъ въ томъ, чтобъ повергнуться на колѣна предъ волшебницею, и открыть чистосердечно чувствуемое имъ къ ней равнодушіе, и всю нѣжность, которую имѣетъ онъ къ *Доброевѣ*. Всѣ сомнѣнія (говорилъ онъ самъ себѣ) мое чистосердечіе, мое почтеніе, мои

слезы, возмѣюшѣ дѣйствіе надѣ ея сердцемъ; естли она любитъ меня, она простится. Припомѣ же *Циклонда* волшебница, я сдѣлшенно должна быть великодушна. Занявшись таковою мыслію, былѣ столю оною предубѣжденѣ, что не слыкалѣ, какѣ во все продолженіе его разговора съ собою часы его безпрестанно звенѣли. Онѣ пошелѣ для произведенія сего кистровыдуманнаго способа въ дѣйство; но боль, проявленная ему кольцомѣ, прошиву воли принудила его остановиться.

Что за несчастіе? (зскричалѣ онѣ) Я не говорю и не дѣлаю нынѣшняго для ничего, кромѣ глупостей. Но между тѣмѣ кажешся мнѣ, что я разсуждаю основательно. О! я довольно полагаюсь на мой разумѣ. Позволишѣ ли благоразуміе, чтобѣ я склонился на предложеніе волшебницыно? Какое дурачество! возмощно! развѣ *Доброгнѣда* не полновластно господствуетѣ надѣ моимѣ сердцемѣ?

Вѣ недоумѣніи, бывѣ мучимѣ страшною собственною, и приводимѣ въ ошчальніе *Циклондиною*, не вѣдая, что начать, сошелѣ онѣ въ садѣ, не помышляя о томѣ. Скоро приведенѣ онѣ былѣ въ изумленіе, слышашѣ, что въ ближнемѣ лѣску лѣственно проносятся его имя. Онѣ побѣжалѣ въ ту сторону; увидѣлѣ на липовой вѣтви

пре-

прекрасную бѣлочку, и приближался къ ней. Бѣлочка беспрестанно кликала его по имени, прыгала съ дерева на дерево до тѣхъ поръ, какъ завела его въ густоту лѣса. Тогда дала она себя поймать безъ сопротивленія. *Остроулъ* восхищенъ былъ тѣмъ, что поймалъ столь прекраснаго звѣрка. Могу ли я тебѣ чѣмъ служить? (сказалъ онъ, поглаживая ее рукою) говори, бѣлочка другъ мой? чего ты хочешь? — Вразумить тебя (отвѣчала она ему); твои часы и кольцо ясно припоминали тебѣ, что ты глупецъ; я хочу научить тебя, не взирая на то, что я только звѣрокъ. — Таксое намѣреніе (сказалъ изумленной *Остроулъ*) не очень вѣжливо, но я готовъ слушать; я не люблю лести, и имѣю нужду въ совѣтахъ: не рѣдко и скоты бываютъ, кои научаютъ человека. — Изрядно! когда такъ (говорилъ бѣлка), ты думаешь благоразумно, и во весь день лучшаго еще не говорилъ. Ты находишься въ великомъ замѣшательствѣ: волшебница тебя любитъ, какое нещастіе! ты обожаетъ *Доброгнѣву*; малая тѣнь не вѣрности возмущаетъ твою душу. Тонкость таковой нѣжности удивительна, жаль лишь того, что нѣтъ въ ней общаго смысла. — Но чему бы это? (подхватилъ *Остроулъ*) могу ли я вдругъ любить *Циклонду* и *Доброгнѣву*? Для тебя непонятно — выслу-

слушай (сказала бѣлка), я увѣрена, что ты влюбленъ въ Царицу Трансараранскую, иѣжность твоя можетъ довести тебя на престолъ, и я согласна, что любовь, приносящая хотя на одинъ день царствованіе, гораздо благоразумнѣе той, которая не приноситъ во всю жизнь. Но сія твоя полезная страсть можетъ ли иѣшать тебѣ выслушивать предложенія волшебницы? Поступай съ нею такъ, какъ поступають во всемъ себѣ, то есть люби по необходимости для пользы своей. Нѣтъ въ томъ сомнѣнн, что глупость, оказываемая въ сопротивленіи женщинъ, учинишь ее врагомъ опаснымъ, и иѣжнѣйшая любовь въ ея сердцѣ превращается тогда въ ненависть непримиримую; рано, или поздно учинишься оныя жертвою. Тонкомыслие дѣлаетъ много щастливыхъ, но всего больше дураковъ — По чести... (подхватилъ протосердечный *Остробилъ*) не осердись бѣлочка, другъ мой, ты рассуждаешь какъ скотинка — Скажи лучше (перебила она), какъ человѣкъ, знающій себѣ. Въ ономъ не есть въ существѣ то, что шаковымъ намъ быть кажется — Я вѣрю (подхватилъ *Остробилъ*); но какъ можно жить съ женщиною, которую не любишь? — Прекрасной вопросъ! (сказала бѣлка) развѣ ты любишь *Амаранту*? Развѣ имѣешь ты страсть къ *Анемонѣ*? — Согласенъ (оп-

(опычалъ Остроулъ, котораго сей до-
водъ яразумилъ въ нѣкоторой части его
сомнѣнія); я не любилъ ни той ни другой,
но обстоятельство очень различное. Волшеб-
ница требуетъ любви, и слѣдственно ве-
щи невозможной. Тебѣ не лая не разумѣть;
потому что ты все знаешь — Но на-
учайся ты, которой ничего не знаешь, что
волшебница въ состояніи удержатъ тебя здѣсь
на всю жизнь, еслии ты не будешь соот-
вѣтствовать ея нѣжности: между тѣмъ
Доброгѣва должна будетъ необходимо
набратъ себѣ супруга; и когда она вы-
детъ за мужъ, къ чему нужна будетъ твоя
любовь? Не останется тебѣ надежды, по
законамъ Трантараранскимъ; тамъ Царицы
во всю жизнь любятъ своихъ супруговъ. Что
послѣдуетъ съ тобою, еслии ты и послѣ того
останешься съ своими чувствованиями? Сопро-
тивленіе твое еще больше воспалишь желанія
волшебницыны. Препятствія не удерживаютъ
особъ великихъ; они лишь раздражаютъ ихъ
и дѣлаютъ упорѣе: одна сія вещь можетъ
придать имъ ложной видъ постылиства. Гдѣ
сила и вольность безполезны, или опасны,
позволяется безъ зазрѣнія совѣсти употреб-
лять хитрость. Повѣрь мнѣ: покорись об-
стоятельствамъ, дай дѣйствовать волшеб-
нице легкомыслию. Тебѣ не чего бояться,
между нами сказано, ты скоро наскучишь

Часть II.

II

ей

а по нѣкоторому обстоятельству. — Могу ли я (сказалъ *Остроилъ*, почувствовавшей всю силу послѣдняго слова), могу ли я имѣть требованія на прекрасную *Доброгнѣву*, если покорюсь волшебницѣ? Могу ли говорить, что ее люблю, когда между нѣмъ — Вотъ еще глупость! (говорила бѣлка) какая нужда до такихъ нѣлочей? Волшебницы требуютъ дѣйствія, а слова считаютъ за ничто. — Тѣмъ хуже, бѣлочка, другъ мой (опычивая нѣжной *Остроилъ*) я такъ хладнокровенъ — Это правда, вотъ главной твоей пороки (сказала бѣлка), хладнокровіе съ волшебницею! Старайся, ежели можно, быть живѣе; это нужно. Ты молодъ, волшебница прекрасна; надобно преодолѣть препятствія, прошивающіяся любви твоей; нѣтъ другаго способу. Помысливъ скорѣе выходишь изъ замѣшательства; ты всегда останешься съ правомъ на *Доброгнѣву*. Похожденія твои въ семь замкѣ не будутъ имѣть опаснаго. Успокойся сколько можно; я обнадеживаю тебя бѣлочьею честью. — Сказавъ ему таковое нравоученіе, она исчезла. — — —

Окончаніе сей Сказки будетъ въ третьей Части.

Изборъ очень развеселенъ былъ сего Сказкою; но не видалъ на то, хотѣлъ учиться на оную нѣкоторыя примѣчанія, есть ли

либѣ не помѣшалъ тому случившійся при-
шомъ *Славомиръ*. Ваше Величество! сказалъ
онъ, чрезъ примѣчанія свои хотите сіе вре-
мя препровожденіе ваше учинить полезнымъ,
Конечно; слушать новѣсти, или сказки безъ
всякаго намѣренія предосудительно человѣче-
скому разуму; но извлекать изъ того поле-
зное и нравоучительное, есть должностъ оная.
Я самъ хотѣлъ истребовать позволенія
вашего, учинить мои собственныя примѣча-
нія на сказку *Уклонову*, но не прежде кон-
ца оныя; безъ чего не можно заключить о
намѣреніи Сочинителя. — Ты очень
изрядно играешь дядьку, сказалъ *Изборъ*
усмѣхнувшись; но чщобъ не зайши въ
дальніе разговоры, я согласенъ представлять
твоего ученика. — Сказавъ сіе, онъ удалился;
Славомиръ почесалъ въ головѣ, и пошелъ не
перемѣняя своего заключенія бытъ къ не-
му усердну.

КОНЕЦЪ П ЧАСТИ.

